

Сандра Браун

На пределе

Сандра Браун На пределе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118573

Оригинал: SandraBrown, "Temperature's Rising"

Перевод:

Тамара Маши

Аннотация

Чем могла стать прекрасная островитянка Шанталь Дюпон для американского магната Скаута Ритланда? Экзотической игрушкой? Минутным развлечением? Приятным, ни к чему не обязывающим курортным романом? Так он полагал, начиная охоту за смуглой красавицей, – полагал, еще не подозревая, что встретил наконец свою настоящую, нежную и страстную любовь, любовь, которая зажгла его пресыщенное сердце и навеки изменила всю его жизнь...

Содержание

1	4
2	24
3	38
4	56
5	74
6	96
7	114
8	135
9	147
10	166
11	187
12	202
13	214
14	226
Эпилог	234

Сандра Браун

На пределе

1

Иссиня-черные глаза. Гладко зачесанные блестящие волосы. Стройная фигурка.

Скаут Ритленд мысленно подытожил свои первые впечатления о женщине, которую узрел, бросив взгляд через весь банкетный зал. Изумительное создание, потрясающее, нечто из ряда вон выходящее. Они были разделены кружившей по залу, колышущейся толпой праздновавших, одетых в парадно-официальные костюмы, постепенно пьяневших от взаимных поздравлений, подкрепленных возлияниями. Пунш, сваренный из экзотических фруктов, медленно делал свое дело – даже самые добропорядочные из тех, кто поглощал этот напиток, настолько обрели раскованность, что готовы были, скинув одежды, сигать в полосу тихоокеанского прибоя.

Скаут зашел пока еще не так далеко, но в голове у него уже появился приятный шумок, такой же отчетливый, как и крики ночных птиц в джунглях, обступивших живописную площадку «Кораллового рифа», роскошного курортного комплекса, открытие которого торжественно праздновали

в тот вечер.

Прославленный пуиш обладал способностью дарить раскованность, помогал забыть о моральных устоях и отказаться от исповедуемых прежде идеалов относительно сексуального равенства. Слегка помутневшим от неумеренных возлияний взором Скаут с несвойственным ему шовинизмом уставился на женщину в облегающем белом платье. Не испытывая никаких угрызений совести, он оценивал ее только как объект своих сексуальных вождений.

Остров Пэрриш каким-то чудесным образом именно так воздействовал на людей. Крошечный – всего лишь точка в цепи таких же островков, затерявшихся на карте южной части Тихого океана, он обладал способностью пьянить пряным ароматом тропических цветов и плодов. В изобилии банановые деревья, кокосовые пальмы, и никакой помпезности, присущей янки.

Всего лишь несколько часов назад Скаут наконец поддался обаянию острова, подпал под его соблазнительную власть. Впервые за много месяцев после своего приезда сюда он выглянул за возведенные из розового мрамора стены гостиницы. До сегодняшнего дня ее сооружение отнимало у него столько времени, сил и энергии, что у него не оставалось возможности насладиться прелестью этого первозданного острова и контактами с его дружелюбными обитателями.

В частности, с одним из них – женщиной в белом. Черт возьми, она была ошеломляюще хороша. Невозмутимая, да-

же слегка надменная. Она поймала на себе его взгляд и ответила ему холодным оценивающим взором, а затем, словно решив, что ничто в нем не может ее заинтересовать, она продолжала упорно игнорировать Скаута. Он был заинтригован. Он ни разу не встречал эту женщину, пока возводили курортный комплекс. Она явно не принадлежала к служащим отеля. Может быть, это жена кого-нибудь из сотрудников?

Эта мысль ему чертовски не понравилась, и он оставил ее вместе с опорожненным бокалом. Если она замужем, то где же ее муж? Какой бедолага, будучи в трезвом уме, позволит такой женщине одной бродить по банкетному залу, где полным-полно мужчин, которые вот уже несколько месяцев оторваны от дома и женского тепла?

Да нет, не похоже, что она замужем, сомневался Скаут. И вряд ли она принадлежит кому-то всерьез. Она не так выглядит. Тогда кто же она такая, размышлял Скаут, равнодушно оглядывая буфетную стойку, уставленную всевозможными экзотическими блюдами. Одновременно краем глаза он старался не потерять ее из виду.

– Великолепная работа, мистер Ритленд! – на ходу провякал кто-то из гостей.

– Спасибо.

– Курортный отель был выстроен так, что значительная часть здания оказалась над водами спокойной лагуны. Сие чудо сотворил Скаут на пару с архитектором. Именно благо-

даря своей инженерной находке он и вкушал сегодня свою долю изобретательской славы. Ему так часто пожимали руку, что кисть свело судорогой. Плечо уже ныло от дружеских похлопываний, символизировавших поздравления с успешно проделанной работой.

Слегка пошатываясь – скорее головокружение от успеха, чем действие фруктового пунша, – он начал пробираться сквозь толпу. Целью его передвижения была женщина, стоявшая под высоким арочным проемом, выходящим в сад.

Когда он приблизился к ней на расстояние вытянутой руки, она внезапно повернулась и в упор посмотрела на него. Скаута словно подсекли на ходу. У него перехватило дыхание.

Миндалевидный, слегка приподнятый в уголках разрез глаз – они оказались вовсе не темные, как он ожидал, а синие. Невероятно синие. Такие ультрамариново-синие, что оторопь брала.

– Куда это вы направляетесь, Скаут? Я рад, что успел перехватить вас прежде, чем вы исчезнете...

Кто-то сзади держал его за локоть и старался развернуть к себе. Скаут силился не отвести взгляда от женщины, но помимо своей воли голове его пришлось последовать за повернувшимся телом.

– А-а, мистер Рейнолдс!.. – Он пожал протянутую ему руку.

– Кори, – поправил Скаута гостиничный магнат. – Вы про-

делали грандиозную работу. Еще не устали выслушивать похвалы?

Скаут покачал головой и рассмеялся над самим собой:

– Никогда не устану.

– Не стоит и говорить, что мы очень довольны. Я говорю вам это от имени всех членов корпорации.

– Благодарю вас, сэр. – Скаут не мог позволить себе быть невежливым с человеком, который подписывал все его чеки на солидные суммы, и все же не утерпел и поспешно оглянулся через плечо. Она исчезла, вот дьявол!

– Вам нелегко пришлось, – продолжал тем временем Кори Рейнолдс. – Особенно если учесть, с какими трудностями вам пришлось столкнуться за период строительства.

– Вы имеете в виду отношение островитян к работе? – спросил Скаут.

Рейнолдс кивнул.

– Они никак не могли понять значение сроков и необходимость восьмичасового рабочего дня, – с сожалением заметил Скаут. – Их не привлекали сверхурочные, они ни разу не отказались от праздника ради денег, а этих праздников у них по десять в месяц. Но еще больше меня удручало воровство. И я вновь прошу у вас прощения, что не сумел уложиться в бюджет по поставкам.

– Не ваша вина, что стройматериалы исчезали. Я знаю, что вы делали все возможное, чтобы поймать похитителей.

– Хитрые бестии, – пробормотал Скаут. – Я как-то четыре

ночи подряд просидел в засаде, и, когда я уже решил, что толку не будет, и отправился спать, нас опять обворовали.

Уловив краешком глаза что-то белое, мелькнувшее у выхода на террасу, Скаут повернул голову. Никого, только лунные блики да струя знойного душистого воздуха. Может быть, она все еще там, бродит в полумраке тропического сада?

– С самим собой?

– А? – О чем это спрашивает его мистер Рейнолдс? Ах, да! – Нет, я еще ничего не видел на этом острове, кроме прилегающей территории. Я рассчитываю взять недельку отпуска перед вылетом домой.

– Прекрасная мысль. Проветритесь перед свадьбой. Полагаю, вы все еще намерены жениться?

– Не позднее следующего месяца.

Мистер Рейнолдс улыбнулся и полюбопытствовал:

– Как поживает мисс Колфакс?

Кори Рейнолдса представили Дженнифер Колфакс на вечеринке в Бостоне, где размещалась штаб-квартира корпорации. В ту пору курортный комплекс «Коралловый риф» находился еще в стадии архитектурного проекта. Скауту было приятно, что исполнительный директор корпорации запомнил имя его невесты. За Дженнифер можно не беспокоиться – она умеет производить хорошее впечатление.

– Если судить по письмам, у нее все в порядке, – ответил он.

– Все так же прелестна?

Скаут широко ухмыльнулся.

– Слишком...

Рейнолдс хмыкнул.

– Вы – доверчивый молодой человек, коли оставляете ее одну на такой долгий срок.

– Мы достигли взаимопонимания перед моим отъездом. Не могу же я ожидать от нее, что она станет сидеть дома по вечерам, пока я в отлучке. Она имеет право ходить на свидания, но, разумеется, все должно быть на платоническом уровне.

– Вы не только доверчивы, но и великодушны. Тем не менее я уверен, что она ждет не дождется вашего возвращения.

Скаут пожал плечами.

– Летом она ездила в Европу на несколько недель. Кроме того, она помогает тетке в антикварном магазине.

– Вот как? – вежливо осведомился Рейнолдс. – И что же она там делает?

– Дилетантствует – первое, что приходит на ум.

На самом деле Дженнифер многим занималась поверхностно, увлекаясь то антиквариатом, то музыкой, то модной одеждой.

– Моя жена тоже увлекается чем-нибудь... когда не бегает по магазинам, – со смехом произнес Кори Рейнолдс. Приложившись к бокалу с пуншем, он спросил: – Премиленькая, верно?

Скаут проследил за его взглядом и понял, что Рейнолдс любуется одной из местных девушек, нанятых подавать бутерброды с анчоусами и икрой. На ней был короткий саронг из набивной ткани, ловко обернутой вокруг изящного стана. Как и большинство островитянок, она была маленького роста, очень хорошенькая, с блестящими черными волосами и яркими карими глазами. С губ ее не сходила улыбка.

– Хоть я и помолвлен, – проговорил Скаут, – я не мог не заметить, что одним из природных богатств острова является его женское население.

Рейнолдс снова перевел взгляд на Скаута.

– А чем вы собираетесь заняться здесь, на острове, во время отпуска?

– Потеряться. Сбежать от отсрочек, нерасторопных рабочих и телефонных звонков. Порыбачить. Возможно, поохотиться. Поплавать. Мечтаю валяться на пляже и ничего не делать. – Он подался вперед и заговорщически добавил: – Если меня украдет какая-нибудь симпатичная местная девчушка с обнаженной грудью, не спешите меня разыскивать.

Кори Рейнолдс опять хмыкнул и хлопнул Скаута по спине.

– Ах вы негодяй! Мне нравится ваше чувство юмора. – Мужчины снова пожали друг другу руки, и Рейнолдс еще раз попытался превознести подвиги Скаута в качестве инженера. – Увидимся в Бостоне. Мне хотелось бы обсудить с вами кое-какие новые проекты. Давайте мы с вами и очарователь-

ной Дженнифер как-нибудь пообедаем вместе.

– С удовольствием, сэ. Благодарю вас.

Скаут еле сдерживал нетерпение, дожидаясь, когда Рейнолдс удалится. Ему вовсе не хотелось становиться сотрудником его корпорации. Он не одобрял их методы работы. Тамошняя обстановка душила творчество. Но он определенно был не прочь заключить еще один контракт с «Рейнолдс групп», и, похоже, именно это имел в виду Кори Рейнолдс.

Инженерные разработки по проекту «Кораллового рифа» стали первым действительно крупным заказом Скаута. Он понимал, что надо, не теряя времени, закрепить собственный успех, пока о нем не забыли те, кто принимает решения. После разговора с Рейнолдсом у него появился лишний повод поздравить самого себя. Взяв еще бокал пунша у официантки, державшей перед ним серебряный поднос, он нырнул в арку и вышел на террасу.

Внешние стены отныне процветающего курортного сооружения были увиты бугенвиллеей и покрыты массой трепещущих цветов. Средств на убранство интерьера и внешнюю отделку отеля не жалели. В бесценных восточных вазах росли сочные папоротники и декоративные пальмы, идеально подстриженные кусты красного жасмина благоухали в саду. Подобно гигантским светлячкам, спрятанным в вырубленных из камня светильниках, горели факелы, расположенные на определенном расстоянии друг от друга по обеим сторонам причудливых терренкуров. Широкая поло-

гая лестница вела с главной террасы на следующий уровень. Одна дорожка огибала трехъярусный бассейн с искусственным водопадом и вычурными фонтанчиками, другая вела к пляжу, где песок выделялся светлой полосой, пролежавшей между подстриженным газоном и нежно плещущим прибором.

Подгулявшие гости в поисках уединенных местечек выбрались из зала. Группа восточных мужчин обсуждала деловые вопросы на нижней террасе, расположившись за столом с напитками. На лужайке под пальмой целовалась парочка, для которой уже не существовало ничего вокруг. Другая парочка, взявшись за руки, бродила в полосе приборья, нимало не заботясь о вечерних туалетах, но все же держа туфли в свободных руках.

В центре залитой лунным светом панорамы застыл одинокий женский силуэт. Как под действием гипноза Скаут по ступенькам направился к нему. В белом платье, от которого словно отражался лунный свет, фигура светилась в темноте, подобно маяку. Женщина стояла неподвижно, лицом к океану и смотрела поверх воды, будто величественно общаясь со стихией каким-то молчаливым способом.

Вот это платье так платье, подумал Скаут, подходя ближе. Дженнифер его не оценила бы. Немногие в Новой Англии одобрили бы такой туалет. Он был на удивление прост, но вызывающе эротичен. Вдоль одного бедра к низу плотно облегающего платья шел длинный разрез, и одно плечо было

оголено. Пряный ветерок овевал стоявшую, ткань льнула к телу, обрисовывая высокую грудь и выпуклость треугольника внизу живота.

В голове Скаута роились те самые помыслы, что не дают отцам-исповедникам остаться без работы.

На мгновение он почувствовал укол совести, вспомнив о Дженнифер. Но ведь она на другом краю земли. Этот остров казался таким же удаленным от Бостона и Дженнифер, как другая планета. И пользы от моральных устоев и норм поведения здесь оставалось столько же, сколько от утепленного шерстяного пальто.

Он работал без перерыва несколько месяцев. Он заслужил одну ночь удовольствия, не так ли? Он находился в одном из самых экзотических мест на земле и не имел еще ни одной возможности вкусить от его прелестей.

Все эти доводы стройной шеренгой промаршировали в уме Скаута, но и без того ничто уже не могло остановить его. Месяцы полового воздержания, крепость выпитого, антураж тропиков, прекрасная незнакомка составили неотразимое сочетание стимулов, сопротивляться которым у него не было сил.

Заслышав его шаги, она обернулась и снова взглянула на него этими дух захватывающими синими глазами. Волосы, темнее воронова крыла, собраны в низкий пучок на затылке и украшены двумя цветками белого гибискуса. Единственное украшение – жемчужины в ушах, причем каждая вели-

чиной с ноготь большого пальца.

Как ни безукоризненны они были, их перламутровая переливчатость не могла сравниться с атласным цветом ее кожи, гладкой, без малейшего изъяна. Платье многое выставило на обозрение, позволяя любоваться ее шеей, грудью, изгибом стана. Ноги без чулок томились в босоножках на высоких каблуках. Даже ее ступни были очаровательны! А руки!.. В одной она держала маленькую шелковую сумочку.

Вот это женщина! Такая прелесть, такое сокровище, само совершенство! Все в Скауте дрожало от желания.

Она стояла напротив какого-то изваяния. Каменная скульптура представляла собой языческого божка с дерзкой усмешкой на физиономии и с непропорционально большим фаллосом. Скаут вспомнил тот день, когда местные устанавливали этого полового гиганта. На стройплощадке только и разговору было что о нем. Все обменивались шутками, одна похабнее другой.

Сейчас Скаут готов был поклясться, что наглая ухмылка божка адресована ему. Словно маленький дьявол знал о его физическом состоянии и злобно ликовал. Кивком головы указав на статую, Скаут обратился к женщине:

– Баш приятель?

Он надеялся на лучшее, но в той же мере был готов к тому, что его отвергнут. Сердце его счастливо взмыло, когда ее блестящие, слегка подкрашенные губы раздвинулись в улыбке, обнажив зубы, такие же безукоризненные, как и все

остальное.

– Он всем нам приятель. Это бог эротики.

Ах, как славно! Значит, язык не станет для них препятствием – она говорит по-английски. С легким, но очень приятным акцентом. Голос низкий, глуховатый, смягченный шепотом пркбоя.

Скаут озорно усмехнулся:

– Мне стоило бы и догадаться. И как его зовут?

Она сказала. Он оторопел.

– По крайней мере дюжина слогов, и все из одних гласных.

За месяцы, проведенные на острове, ему удалось выучить несколько слов, но все они имели отношение к строительству. «Возвращайтесь к работе!» было не самым подходящим из всего, что он мог адресовать этой женщине.

Но даже зная он подходящие слова, он не смог бы сказать того, что вертелось у него на уме. Этому парнишке не сравниться со мной в смысле эрекции. Я тверд, как скала, и все из-за тебя, детка. Так куда пойдём, к тебе или ко мне?

– Меня зовут Скаут Ритленд. – Он протянул руку.

Она протянула свою. Маленькую, мягкую и прохладную.

– Шанталь Дюпон. – Отняв руку, она добавила: – Приятно было с вами познакомиться, мистер Ритленд. – И повернулась, намереваясь уйти.

Скауту потребовалась минута, чтобы прийти в себя от ее чарующей улыбки и ощущения ее руки в своей руке. Когда ему удалось справиться с собой, он двинулся и пошел рядом

с ней по мощенной гравием дорожке, уводившей за территорию курортного комплекса.

– Вы собираетесь работать в отеле? – спросил он, чтобы как-то продолжить так скоро оборвавшийся разговор.

Она недоуменно взглянула на него.

– Вряд ли, мистер Ритленд.

– Тогда что же вы делали на вечеринке?

– Меня пригласили.

Ему пришлось взять ее за руку, чтобы удержать. Она повернулась к нему лицом. Лунный свет сквозь ветви деревьев бросал на ее лицо призрачные тени.

– Я не хотел бы показаться неучтивым, – пояснил он. – Разумеется, вас пригласили. Просто я вас никогда прежде не встречал, так что подумал, будто...

– Я не обиделась, – мягко прервала она извинения Ритленда.

Он смотрел на нее, очарованный этим лицом, глазами, ртом. Он все еще держал ее за предплечье. Никогда он не ощущал под своими пальцами такой нежной кожи. Она взглядом дала ему понять, что его прикосновения не желательны.

Скаут с сожалением ослабил хватку. Когда он опустил одну руку, он вдруг сообразил, что продолжает держать в другой бокал с пуншем.

– Выпить хотите? – спросил он, ощущая некоторую неловкость.

– Нет, благодарю вас.

– И правильно делаете. Я вас не осуждаю, ибо он такой крепкий, что от одного глотка ощущение, будто мул лягнул.

Одарив его едва заметной улыбкой, она протянула руку за бокалом и поднесла его к губам. Глядя на Скаута поверх мениска терпкой жидкости, она осушила бокал и, высунув кончик языка, облизнула губы, слизав все до последней капли.

– Только до той поры, пока вы не привыкли к нему, мистер Ритленд. – Она вернула ему пустой бокал и, сойдя с дорожки, направилась в джунгли.

Скаут, оторопев, смотрел ей вслед. Такое количество алкоголя за один присест свалило бы с ног любого взрослого мужика. Она же выпила пунш разом, не дрогнув, будто материнское молоко, и осталась стоять на ногах. Более того, она храбро отправилась по затемненной тропинке в джунгли, идя легко и уверенно, ступая бесшумно, словно ночной хищник. И не успел он сформулировать для себя необычность увиденного, как женщина скрылась за душистым зеленым пологом джунглей.

Он швырнул бокал на заросшую тропинку и ринулся за ней, продираясь сквозь густой подлесок и не думая о своем смокинге. Над ухом, словно стрела, просвистело какое-то насекомое. Он попытался прихлопнуть его у виска, но промахнулся.

– Шанталь?

– Да?

Он крутанулся на месте. Оказалось, что она стоит почти что рядом, будто отделилась от ствола одного из деревьев. Чувствуя себя полным идиотом, Скаут неуклюже ослабил узел галстука.

– Кто вы? Нимфа или что-то в этом роде?

Она засмеялась хрипловатым, волнующим смехом.

– Я – человек из плоти и крови, такой же, как вы.

Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, но почему-то замер. Его вновь пронзило ощущение чего-то необычного. Он пробежал глазами по ее лицу, затем перевел взгляд на изящную шею и ниже – на упругий бюст... потом еще ниже, вдоль ее соблазнительного тела.

– Человек, верно. И определенно из плоти и крови. – Он подошел вплотную к ней. – Но такой же, как я? Нет. Нет, черт возьми. Вы не похожи ни на кого из встречавшихся мне прежде.

Ему необходимо было снова дотронуться до нее, чтобы убедиться, что она настоящая. Сначала он коснулся ее бюста, той припухлости над вырезом платья, что распространилась почти до проймы. На ощупь это место было еще восхитительнее. Он слегка надавил на это местечко костяшкой указательного пальца.

Затем пальцы его заскользили по ее шее и добрались до великолепно очерченного подбородка. Когда рука его переместилась и легла на ее шею сзади, Шанталь как-то обмякла и голова ее откинулась назад – она подставила свои губы для

первого ласкового прикосновения его губ.

От нее еще пахло фруктовым пуншем. Этот запах ударил ему в голову, возбуждая в нем страсть, и тело его содрогнулось от желания. Он провел языком по ее губам... простонал ее имя, столь же обворожительное, как и она сама.

В ответ она просунула руку ему под пиджак и положила ладонь на его мускулистую грудь. Скаут прижался губами к ее рту и начал целовать ее всерьез. Одной рукой он обхватил ее за талию.

Женщина была податливой, как влажный песок, ее стан плотно прижался к его телу. Скаут ощущал упругость ее грудей, восхитительную женственную мягкость ее торса, изгибы ее бедер. Его распирало от желания. Он переместил одну руку ей на грудь и принялся ласкать ее через платье, чувствуя, как твердеет сосок под тонкой тканью в ответ на кругообразные движения его большого пальца.

Его язык с жадностью наслаждался вкусом ее рта, он обводил контуры красивых губ, затем снова проникал внутрь.

Сердце болезненно билось в груди, и каждый удар сопровождался пульсацией его вставшего пениса. Он плотнее прижался к ней, а рука скользнула под ягодицы Шанталь и приподняла ее немного, понуждая податься вперед. Сейчас она ощутит его член... Как она прореагирует на его эрекцию, подумал Скаут, не теряя, однако, надежды, что реакция будет благосклонной.

Он благодарно застонал, ощутив, что рука ее движется

вниз между их телами, словно подбираясь к молнии на его брюках.

Оттого-то он прямо обалдел, когда внезапно почувствовал, что в живот ему упирается что-то жесткое и холодное. Он едва успел сообразить, что это такое, как Шанталь отступила назад.

– Какого черта?!

Вопрос замер у него на губах, когда он, опустив взгляд, увидел пистолет, дуло которого было направлено прямо ему в пупок.

Скаут едва оправился от изумления:

– Что это ты делаешь, черт побери?

– Целюсь в вас, мистер Ритленд, – спокойно пояснила она на английском с легким акцентом. – И до тех пор, пока вы не станете делать то, что я вам прикажу, я намерена держать вас под прицелом, а то и пристрелить.

Выражение ее лица было совершенно серьезным, но Скаут отказывался принимать ее угрозу всерьез: можно было подобрать кучу эпитетов для описания облика Шанталь, но называть эту женщину грозной было невозможно.

– Пристрелить меня? За что? – проговорил он, хохоча. – За то, что я поцеловал тебя?

– За то, что вы опрометчиво предположили, будто я хочу, чтобы вы меня поцеловали и облапали как последнюю шлюху.

Он упер руки в бока.

– А что я должен был подумать, когда ты меня сюда заманила?

– Я вас не заманивала.

– Черта с два не заманивала, – сказал он, все больше злясь.

– Вы сами пошли за мной. Я вас не поощрила.

Ситуация перестала казаться ему забавной.

– Не мели эту ханжескую чепуху, принцесса. Ты хотела, чтобы я пошел за тобой. Твой отказ и есть твое поощрение... только, чтобы соблазнить. Тебе понравился поцелуй и все остальное, – заявил он с ехидцей, бросив взгляд на ее все еще призывно торчащие соски. – Зачем притворяться, что это не так, когда я вижу прямо противоположное.

Ее глаза опасно блеснули, она выпрямилась, как бравый вояка.

– Это все не ради поцелуев.

– Тогда зачем?..

– Вы скоро узнаете. Поворачивайтесь и шагайте вперед.

Он снова хохотнул, всматриваясь в непроницаемую тьму, накрывшую их.

– Прошу прощения за напоминание, но это все же джунгли...

– Шагайте, мистер Ритленд.

– Черта с два.

– Я напоминаю вам, что вы под прицелом, и надеюсь, вы поступите мудро, делая то, что я приказываю.

Губы Скаута скривились в язвительной усмешке.

– О, я и впрямь напуган! Женщина, которая выглядит как богиня, и целуется как дорогая шлюха, действительно опасна, все верно. Но ее главное оружие вовсе не пистолет.

Она в ярости воскликнула:

– Да как вы смеете?!

Он рванулся вперед, пытаясь выхватить пистолет. Между ними начался поединок за обладание оружием. Когда пистолет в ее руке неожиданно выстрелил, Шанталь коротко и удивленно вскрикнула. Они застыли, потрясенные, уставившись друг на друга. Затем Скаут неуверенно отступил назад и взглянул на свое бедро. Оттуда, пульсируя, лилась кровь.

– Ты меня ранила, – тупо прокомментировал он, хотя все и так было очевидно. Затем в бешенстве заорал: – Ты меня ранила! Ты в самом деле ранила меня!

Секунду спустя его пронзила острая боль. Это подействовало на него так, словно ему прямо в перчатку вратаря резко ударил мяч. Что-то взорвалось в его мозгу и рассыпалось искрами. Он опять взглянул на рану, затем на женщину, издал звериный рык и снова бросился на нее.

На этот раз острая боль пронзила его где-то у основания черепа, и он рухнул на мягкую почву джунглей. Сквозь кроны деревьев он разглядел над головой снопы цветных искр, сверкавших и разлетающихся в вышине, словно в электрическом калейдоскопе.

Затем надвинулась ночь и поглотила все вокруг.

2

Шанталь пришла в ужас от такого неожиданного поворота событий.

– Mon Dieu! Зачем ты его ударил, Андре?

Человек, подкравшийся сзади к Скауту, теперь стоял подле него на коленях.

– Я испугался, а вдруг он ударит тебя!

– Я вполне и сама справилась бы. Он сильно пострадал?

– Я ударил его, чтобы он всего лишь потерял сознание.

Шанталь заметила сомнение в глазах напарника и несколько смягчилась, заговорив уже без упрека.

– Я знаю, ты так поступил, потому что боялся за меня. Спасибо. Но теперь нам надо быстро что-то делать.

Она тоже опустилась на колени, склонившись над неподвижным телом Скаута. Затем порылась у него в карманах и нашла носовой платок. С его помощью она наложила жгут на бедро выше пулевого ранения, испачкав при этом его кровью и свое платье.

– Рана сильно кровоточит.

– Джип здесь неподалеку. Я отнесу его.

Худощавый островитянин, хотя и не отличался высоким ростом – с Ритлендом не сравнить, – оказался Жилистым и проворным. Он с неожиданной ловкостью рывком поднял Скаута и взвалил себе на плечо, а затем выпрямился с помо-

щью Шанталь.

– С виду не скажешь, что он такой тяжелый.

– Он очень плотно сбитый и крепкий.

Это замечание поразило Андре, и он взглянул на Шанталь с любопытством. Та поспешила отвернуться. Она знала, что Скаут мускулист, так как касалась его груди под смокингом и успела ощутить силу и упругость его бедер и почувствовать, что стройное тело таит в себе силу.

Прежде чем они двинулись в путь через джунгли, она осмотрела затылок Скаута, на котором уже вздулась огромная шишка. Когда ее пальцы ощупывали ушибленное место, забравшись под его темные волосы, он застонал.

– Нам надо спешить, Андре, – сказала она, сбросив с ног босоножки на высоких каблуках.

– Oui.

Они со своей необычной ношей, стараясь не производить шума, двинулись сквозь джунгли. Разумеется, никто из участников вечеринки все равно не смог бы ничего услышать – в воздухе разливались бравурные звуки оркестра, исполнявшего «Янки Дудл Дэнди». Над лагуной продолжали взрываться петарды, разлетались огненные брызги фейерверка. Разрывы хлопушек и заглушили звук нечаянного выстрела Шанталь.

– Я сяду с ним на заднем сиденье.

Добравшись до джипа, Шанталь забралась в салон, а Андре пристроил рядом с ней бесчувственное тело Скаута.

Шанталь положила голову раненого к себе на колени. Андре сел за руль и включил мотор. Спустя несколько секунд они тронулись в путь.

К счастью, Скаут был без сознания, однако, когда джип прыгал по ухабам, что случалось довольно часто, американец стонал от боли. Шанталь следила за его лицом, и бледность Скаута ей не нравилась. Отросшая за день щетина выглядела особенно заметной на его скулах.

Похищение тщательно планировалось. Но, разумеется, стрельбы не предполагалось. Порывистость Скаута, а затем и нетерпение Андре привели к ненужному насилию, которое напугало Шанталь и казалось ей отвратительным.

Она ранила человека! Что, если он потеряет слишком много крови и умрет? Что, если она не сможет извлечь пулю, не задев нерва, и он навсегда останется хромым? А что, если ей вообще не удастся извлечь эту пулю?

Все эти «если» приводили ее в ужас, и страх девушки возрастал с каждой милей пути. Андре вел машину с определенной осторожностью, чтобы не навредить пассажиру, но все же держал необходимую скорость.

Путь в дальний конец острова был даже в дневное время нелегким, а в темноте грунтовые дороги, бежавшие вдоль высокого обрыва над океаном, петляя в поросших лесом горах, превратились в сущий кошмар. Один раз Андре пришлось слишком резко затормозить, чтобы не сбить пересекавшую тропу горную козу. Скаут застонал и выбранился.

Шанталь, чувствуя себя виноватой, ласково прижала его голову к своей груди.

Брюки Скаута уже пропитались кровью. Ни минуты не раздумывая, Шанталь стащила с себя платье и, скомкав, прижала к кровоточащей ране.

Она и думать забыла, что сидит обнаженная. Внезапно Скаут повернул к ней голову, и лицо его прижалось к ее груди. Она кожей чувствовала колючую щетину, ощущала его губы у своих сосков. Взволнованная пронзившим ее ощущением, она вытащила из прически цветы гибискуса и распустила волосы. Тяжелые темные пряди упали ей на плечи и грудь. словно тонкая рубашка, они одели девушку до самого пояса.

Когда наконец путешественники достигли моста, Андре остановил джип. Они вдвоем вытащили Скаута из машины: Андре поддерживал его за голову и плечи, Шанталь – за ноги. Тяжело ступая, они двинулись по опасно раскачивавшемуся подвесному мосту.

Жители деревни, словно почуяв беду, высыпали из своих хижин, несмотря на глубокую ночь. На противоположном конце моста полыхали огни факелов. Шанталь крикнула односельчанам, чтобы им с Андре пришли на помощь. Не успели они достичь другого склона глубокого ущелья, как их окружили любопытные, возбужденно затараторившие между собой.

Шанталь попросила одного из них поддержать Скаута за

ноги.

– Быстрее несите его ко мне, – приказала она по-французски и побежала вперед к дому, стоявшему несколько в стороне от других хижин деревни.

Пробежав через широкую веранду, она распахнула дверь и схватила ближайший фонарь. Она едва успела зажечь его, как Ритленда внесли сквозь открытую дверь.

– Несите дальше, быстрее, быстрее.

Раненого положили на длинный стол в свободной от мебели комнате, что находилась в глубине дома и служила своеобразной приемной врача. Шанталь развернула голову своего пациента на бок и приступила к изучению шишки на затылке, очень твердой, но не увеличившейся.

– С ним будет все в порядке, если мне удастся без осложнений извлечь пулю. – Она размышляла вслух, с беспокойством закусив нижнюю губу. – Хорошо, если он при операции не потеряет слишком много крови... А что, если бедренная артерия задета?.. Снимите с него одежду, пока я вымою руки.

Она тщательно вымыла руки и до локтя обработала их раствором антисептика, как обычно делал ее отец. Затем надела чистый белый халат. До этого она была в одних трусиках, но никто из жителей деревни даже не обратил на это внимания.

Когда она обернулась, похищенный ею мужчина, уже обнаженный, лежал на столе. Большая кровавая рана на ле-

вом бедре выглядела устрашающе, и ею следовало заняться немедленно. Отца нет, и, хотя хирургия не ее специальность, ей придется обработать эту ужасную рану. Она с облегчением отметила, что местные женщины, обычно помогавшие в таких случаях ее отцу, уже собрались вокруг Скаута и начали протирать его дезинфицирующей жидкостью.

Шанталь наполнила шприц морфием и ввела препарат в вену пациента.

– Этого пока будет достаточно, большей дозы я не могу себе позволить, – объявила она посерьезневшим зрителям. – Андре, пожалуйста, останься. Возможно, придется держать его. Никки, позаботься об освещении, вокруг должно быть достаточно фонарей.

– Oui, mademoiselle.

Она пододвинула к себе поднос с простерилизованными инструментами, чтобы самой без труда брать все необходимое, и надела маску. Затем жестом приказала остальным сделать то же самое. Прикрыв ноги Скаута чистыми полотенцами, она оставила незакрытым только место вокруг раны.

«Если бы отец был здесь», – подумала она, беря в руки скальпель.

Но отца нет, а на чашу весов положена человеческая жизнь. Если Скаут умрет, вина целиком ляжет на ее плечи. Ей никогда прежде не приходилось делать столь значительных хирургических операций, и она боялась ошибиться и навсегда покалечить пациента. Но если не решиться на извле-

чение пули, он наверняка умрет.

Прежде чем начать, она помолилась христианскому Богу. А потом на всякий случай помолилась всем богам, что, по поверьям жителей, защищали местную деревню.

В такие минуты не следует пренебрегать участием никакого божества.

Скаут лежал на узкой кровати в спальне для гостей. Шанталь практически не покидала эту комнату несколько дней подряд. Она сидела у постели больного, вслушиваясь в его стоны, вытирая ему пот со лба, наблюдая рану, обтирая тело и страшась признаков инфекции.

Многие предлагали подежурить подле Скаута вместо нее, но она отказывалась. Мужчина, лежавший под простыней, занимал теперь все ее время и мысли. Все ее молитвы были лишь о нем.

Она вводила ему пенициллин и страдала оттого, что не может колоть его морфием больше одного раза в день. Когда наркотик переставал оказывать действие и Скаут начинал метаться, бормоча что-то нечленораздельное, а веки его подрагивали в такт рукам, беспокойно метавшимся по кровати, она поила его местным спиртным.

Приподняв ему голову и прижав ее к своей груди, она подносила чашку к его губам, которые ей приходилось постоянно смазывать маслом какао. Дело двигалось медленно, но она терпеливо ждала, пока он не выпивал все. Она обтирала

его разгоряченное лицо и потное тело влажными прохладными полотенцами.

Все это время она старалась не замечать его привлекательности и думала лишь о том, в каком тяжелом состоянии он находится. Смазывая ему губы маслом какао, она вспоминала его поцелуй. Каким он был умелым и приятным... Она думала о том, что он возненавидит ее, ибо она завлекла его в ловушку. В эти мгновения она сомневалась в правильности своего поступка. Но только в эти мгновения. Да, то, что она сделала, конечно, рискованно и, без сомнения, незаконно, но выбора у нее не было. Когда нет выбора, человек способен на отчаянные поступки.

Сидя около постели Скаута и глядя в его заросшее щетиной лицо, она отчаянно хотела верить, что, когда она все объяснит, он поймет и не станет судить ее слишком строго.

К вечеру третьего дня она вдруг сообразила, что он не двигает раненой ногой. Ее охватил страх, что она повредила нерв, когда извлекала пулю из мускульной ткани. Чтобы удостовериться в этом, она булавкой уколола большой палец его ноги. Скаут не только поморщился, но и непроизвольно притянул колено к груди, выкрикнув какое-то ругательство, а затем вернул ногу в прежнее положение.

И тогда Шанталь решила, что настало время позволить ему очнуться.

Несколько минут он тупо смотрел в потолок. Со своего

стула с прямой спинкой, поставленного около его кровати, она видела, что он пытается сориентироваться и сообразить, где находится. Наконец, с глубоким вздохом повернув голову на подушке, он разглядел Шанталь сквозь москитную сетку и удивленно моргнул.

– Ты?! – прохрипел он.

– Шанталь Дюпон, – напомнила она еле слышным шепотом.

Однако он все равно поморщился.

– Незачем кричать. – Он провел языком по губам и ощутил вкус масла, но не распробовал и еще раз облизнулся, чтобы понять, что это такое. – Где я?

– Разве вы не помните, что произошло?

Он с трудом покачал головой, снова уставился на нее, а затем попытался сесть, но в следующую секунду со стоном повалился на подушку.

– Черт, – сильным голосом произнес он и поднял руку, чтобы прикрыть глаза от резкого света. – У меня голова раскалывается. Видать, здорово мы вчера повеселились.

Он не помнил! Но со временем он вспомнит. Она выжидала. Неожиданно она заметила, как напряглось его тело. Он медленно отвел руку от покрасневших глаз. Снова взглядом отыскал Шанталь. На этот раз в его глазах горела ненависть. Трехдневная щетина делала его похожим на разбойника с большой дороги.

– Я лежу здесь голый в состоянии похмелья вовсе не по-

тому, что мы всю ночь развлекались, так ведь?

Она покачала головой, и волосы черной волной перелились ей на спину.

Он прошипел ругательство, затем со свистом выдохнул, внезапно обнаружив источник своих болевых ощущений. Она наблюдала, как его рука скользнула под простыню, пошарила там и, видимо, наткнулась на марлевую повязку на бедре. Он снова негодуя уставился на нее.

– Теперь я вспомнил: ты меня ранила.

– Случайно, – поспешно добавила она.

– Черта с два!

– Я держала вас под прицелом, но хотела лишь напугать.

Я понятия не имела, что пистолет заряжен.

– Это же твой пистолет. Ты его из сумки достала.

– Я велела Андре подыскать мне пистолет. А он меня не предупредил о том, что зарядил его.

Скаут снова поднес руку ко лбу.

– Кто, черт возьми, этот...

– Андре. Тот самый, что ударил вас по голове.

– И сделал это чертовски умело, – простонал Скаут.

– Я и подумать не могла, что он намерен так поступить.

– Похоже, у меня череп проломлен.

– Нет, все в порядке. Это скорее от спиртного.

– Спиртное?

– Я все время поила вас, чтобы вы не приходили в сознание.

– Зачем?

– Я знала, что вам больно. А у нас мало морфия, и достать его трудно, потому что я...

Он устало поднял руку, чтобы прервать поток дальнейших объяснений, смысл которых до него не доходил. Глаза его вдруг закрылись. Шанталь вскочила со стула, приблизилась к сетке и наклонилась над Скаутом. Потрогала лоб – температуры нет. Кожа прохладная и чуть влажная. Он снова открыл глаза.

– Рана серьезная?

– Не очень. Я извлекла пулю.

– Ты вынула пулю?

– К счастью, она не задела ни кость, ни нервы.

Она не стала пояснять, каким образом она определила это. Почему-то она все же сообразила, что ему не понравится, если она расскажет, как колола его палец булавкой.

– Какое-то время вы не сможете двигать ногой, но через несколько недель все заживет. – Взяв фарфоровый чайник с подноса на прикроватном столике, она налила в чашку дымящийся отвар. – Выпейте.

Он подозрительно понюхал содержимое.

– Что это? Лекарство? Спирт?

– Бульон с травами и целебными веществами. Вам это необходимо, чтобы восстановить силы. Вы потеряли много крови, а переливание я не сумела сделать. – Она поднесла чашку к его губам, но он отказался пить.

– Почему ты не отвезла меня в больницу?

– Не могла же я!.. – воскликнула она изумленно. – Мне пришлось бы объяснять насчет выстрела, и они арестовали бы меня.

– Верно, приходится идти на этот риск, коли стреляешь в кого-то или похищаешь людей, принцесса.

– Я готова нести ответственность за свой поступок, но только позже... когда вы уже будете мне не нужны. А пока выпейте, пожалуйста. Вам нужно подкрепиться.

Он упрямо оттолкнул протянутую ею чашку.

– Ну и зачем вы меня умыкнули?

– Я же сказала, вы мне нужны.

– А в чем дело, что собственно с тобой такое?

Она недоуменно вскинула голову.

– Не понимаю.

– Почему тебе непременно надо стрелять в мужика, чтобы затащить его к себе в постель?

Ее синие глаза потемнели от гнева. Ей захотелось выплеснуть кипяток ему на живот и навсегда лишить его мужских достоинств. Только ее заинтересованность в его общем физическом состоянии помешала ей ошпарить его.

– Пейте, или я буду вынуждена принудить вас, – заявила она тем же высокомерным тоном, каким приказала ему тогда в джунглях идти вперед.

Не сводя с нее глаз, он сделал глоток, выплюнул и от души выругался.

– Что это за гадость, черт побери?

– Исключительно для вас, мы не можем позволить себе такую роскошь, чтобы заколоть одну из наших и без того немногочисленных коров. А это снадобье содержит большой процент растительного белка. Пейте же!

– Мне показалось, ты что-то говорила об отваре. Но ведь это не говяжий бульон, верно? Так что же это?

– Вам это пойдет на пользу.

– Я же спросил, что это.

– Пейте, – упрямо повторила она.

– Ладно, – смирился Скаут после недолгой молчаливой борьбы характеров. – Выпью. Но лишь потому, что хочу набраться сил, чтобы вылезти из этой койки и придушить тебя.

Не обратив внимания на его угрозу, Шанталь спокойно поднесла чашку к его губам. Он выпил все до капли, содрогаясь от отвращения.

– Еще?

– Нет уж. С меня и этого хватит.

Она не успела отойти, как он ухватил ее за блузку и вплотную притянул к себе.

– Я чувствую, что вот-вот опять отключусь. Прежде чем это случится, я хочу знать, почему ты позволяешь себе такое? Зачем, ради всего святого?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Вы построите для меня мост, мистер Ритленд.

Она видела, как по лицу его разлилось недоумение, но тут

его веки вздрогнули и закрылись сами собой. Пальцы, все еще державшие прозрачную ткань ее блузки, слабея, разжались, голова откинулась на подушку.

Что же, по крайней мере, теперь он знал, в чем дело.

3

Когда он проснулся снова, вся комната была залита лиловым светом. В окнах не было стекол, только жалюзи. Они были подняты. Дул легкий ветерок. Скаут ощущал запах океана и мог слышать его шум.

Рана уже по-иному напомнила ему о себе – ощущение прижатого к бедру раскаленного тавро сменилось неотступной ноющей болью. Очень хотелось пить. От выпитого перед сном отвара остался во рту острый жгучий привкус. Возможно, это был эффект от неумеренных доз спиртного, поглощенного им помимо воли. В голове словно туман, но сильная боль, испытываемая прежде, отступила. Когда это было? Вчера? Черт побери, он даже не знал, сколько времени прошло со дня торжественного открытия курорта «Коралловый риф». И вообще, где это он находится, будь оно все неладно?

Он повернул голову и вздрогнул от удивления.

В изножье его постели за москитной сеткой стояли три женщины. Одна молоденькая, стройная и очень хорошенькая. Другая пухленькая и не слишком симпатичная. Зато от внешнего вида третьей остановились бы часы. На всех троих были короткие цветастые саронги, обернутые вокруг бедер, и ничего сверху. Довольно волнующее зрелище.

Когда женщины поняли, что больной проснулся и смотрит на них, они принялись тихонько хихикать и возбужден-

но переговариваться между собой по-французски. Скаут в смущении прикрыл простыней свою голую грудь.

– Где эта, как там ее? Принцесса? Шанталь? – поинтересовался он хриплым голосом.

Его незамысловатый и вполне невинный вопрос вызвал новый взрыв смеха у всех троих. Скаут понял, что женщины говорят о нем. Они продолжали искоса бросать на него взгляды, за которыми немедленно следовали новые приступы хихиканья, от чего его больной голове вовсе не становилось лучше.

– Пожалуйста, можно мне попить?

– Можно.

Он повернул голову к двери как раз в тот момент, когда его похитительница вошла с подносом, на котором стояли графин с водой и стакан.

– Я знала, что вам захочется пить.

Обращаясь к женщинам, она сказала: «Merci» – и проговорила что-то еще по-французски.

– Что происходит? – спросил он.

– Они настояли, чтобы я отдохнула, – пояснила Шанталь, отодвигая москитную сетку. – Предложили подежурить, пока я помоюсь и вздремну хоть часок. Я поблагодарила их за то, что они так хорошо ухаживали за вами в мое отсутствие.

Вероятно, благодаря принятой ею ванне в комнату вместе с ней вошли запах и свежесть цветов. Длинные темные и шелковистые волосы, в которые ему так хотелось запустить

пятерню, были все еще влажными. Одна из островитянок возбужденно затараторила что-то. Две другие, слушая, прикрывали рты ладонями, тщетно пытаясь подавить смешки.

– Ну а теперь-то в чем дело? – спросил Скаут у Шанталь, которая, обходя вокруг кровати, поправляла простыню, подсовывая ее края под матрац. Она старалась не смотреть на него.

– Они... гм-м... говорят, что вы тут вспотели и им пришлось обтереть вас губкой.

Он повернулся к женщинам.

– Merci.

Те прямо повалились друг на друга, ослабев от хохота.

– Что тут смешного, черт возьми? Что случилось, я неправильно произнес «мерси»?

– Oui, – ответила Шанталь, стараясь не встречаться с ним взглядом. Уголки ее губ подрагивали, она сама едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Болтовня женщин действовала Скауту на нервы, тем более что он знал: разговор шел о нем.

– О чем они сейчас говорят?

– О вас.

– Об этом я и сам догадался. Что они говорят? – Он поймал руку Шанталь. – Что-нибудь не так с моей ногой? Вы, часом, ее не отрезали, пока я тут валялся без сознания? – Он приподнял простыню, чтобы удостовериться, что его пострадавшая конечность на месте.

Она раздраженно вырвала свою руку и сунула ему под язык термометр.

– Если уж так хотите знать, то они потрясены вашими волосами.

– Моими волосами? – пробубнил он, стараясь не выронить термометр, и поднес руку к своей шевелюре.

– Волосами на теле.

Скаут чуть не проглотил градусник, успев в последнюю секунду выдернуть его изо рта. Рука его снова машинально скользнула под простыню.

– Моими – чем?

– У мужчин с острова волосы на груди не растут. А у вас... – Она запнулась и сглотнула. – У вас они в изобилии, мистер Ритленд.

По мнению Скаута, для врача она казалась излишне застенчивой. Но с другой стороны, почему бы и нет, решил он. Коль скоро она привыкла иметь дело только с островитянами, то ничего удивительного, что ее поражает его волосатая грудь.

– В них тут есть надобность? – спросил он, кивнув в сторону полуобнаженных зрительниц. – Разве не достаточно того, что я нахожусь под твоим присмотром?

Шанталь поблагодарила трио хохотушек и выпроводила их за дверь. Шаркая босыми ногами по гладкому деревянному полу, все трое, продолжая щебетать подобно стайке разноцветных птиц, неспешно удалились.

– Господи, с ума можно сойти! О чем они говорят?

– Вы не говорите по-французски?

– Ну... могу заказать обед в ресторане, если, разумеется, не выбирать ничего особенного в меню. Но, конечно, этой трескотни со скоростью девяносто миль в час мне не понять.

С трудом сдерживая смех, она поднесла указательный палец к губам, показав глазами на женщин. Потом повернулась к Скауту.

– Они говорят, что мне повезло, раз я ухаживаю за вами.

– Почему?

– Потому что... потому что вы – почетный гость деревни.

– Как же! – Он достаточно хорошо разобрался в людях, чтобы распознать ложь.

Эта синеглазая куколка – хитрая бестия. Он прочувствовал это на собственной шкуре. Она не говорит ему всей правды.

Внезапно до его ушей донеслось знакомое слово. Сев на постели, он показал пальцем на дверь, за которой продолжали говорить женщины, и воскликнул:

– Я понял! Я знаю это слово. Это... это... – Он в раздражении щелкнул пальцами, пытаясь пробраться сквозь туман последних дней беспамятства. – Это та скульптура. Мужик с хитрой ухмылкой и огромным...

Его глаза уставились на Шанталь. Та поспешно повернулась к нему спиной и плотнее прикрыла дверь за женщинами. Затем и сама вышла за ними. Когда через несколько ми-

нут она вернулась, то как ни в чем не бывало подошла к прикроватному столику и налила стакан воды из графина. Она казалась невозмутимой, но розовые пятна на щеках выдавали ее.

– Воды не желаете, мистер Ритленд?

Он взял у нее стакан и выпил, разглядывая ее с явным одобрением. Эта женщина умела держать себя в руках в любой ситуации.

А может, нет? Ему следует это проверить, необходимо все выяснить. Чтобы победить противника, нужно первым делом узнать все его сильные и слабые стороны. Возвращая стакан, он коснулся ее пальцев и с упреком в голосе спросил:

– Кто обмывал меня до того, как эти три красотки взялись за дело?

– Я, мистер Ритленд. – Она смотрела на него, не отводя взгляда.

– Ах, вот как?

– Еще воды?

– Нет, спасибо. Пока хватит, но графин оставь здесь.

Она поставила стакан на поднос и зажгла фонарь, так как солнце уже село.

– Вам лучше не вводить в заблуждение нас обоих. И не пытайтесь меня соблазнить, мистер Ритленд. Ничего не выйдет. Я пошла на все, чтобы заполучить вас, и не собираюсь выпустить вас из-за романтических соображений.

Ее холодный, спокойный и сдержанный тон разозлил его

не меньше, чем смысл сказанного. Он отбросил простыню и спустил ногу с кровати. Боль пронзила бедро, ринувшись по всем нервам его тела, отчего его затошнило. Сжав зубы, он силился побороть подступившую дурноту. Он стал слабее котенка и вынужден был опереться руками о матрац, чтобы сохранить вертикальное положение.

– Я выберусь отсюда, – пообещал он сквозь зубы, сжатые от боли и ярости.

– Вы скоро поймете, что шансы на это у вас ничтожны, особенно если учесть, что ходить вы не сможете еще несколько дней.

Он все же уловил почти сочувствие в ее мелодичном голосе.

– Вы не помните, как мы сюда добирались, но, да будет вам известно, что курорт находится на другой стороне острова. Между ним и этой деревней – скалистая местность. Ни шоссе, ни населенных пунктов. Дороги – практически лишь козьи тропы. А в деревне всего один джип. Он принадлежит моему отцу и тщательно спрятан. Никто из жителей ни за какую плату вам его не покажет. Пожалуйста, не оскорбляйте их подобными попытками. А пешком, особенно с больной ногой, вам не удастся добраться до того, что вы называете цивилизацией.

– Хочешь, поспорим, принцесса?

Она лишь улыбнулась.

– Поступайте, как знаете. Вы голодны?

– Коня бы съел.

– Прекрасно. Именно это вы и получите.

Она ушла, оставив его с раскрытым ртом. Он вполголоса выругался, проклиная свою боль, беспомощность, слабость и невезение.

Ему с самого начала следовало догадаться, что она слишком хороша, чтобы стать легкой добычей. Надо же быть таким идиотом! Не обнаглей он от их местного пьяного зелья, он бы действовал осторожнее. Так нет же, как последний дурак, влез по уши, а теперь, видно, завязнет с головой.

Он продолжал сидеть на краю постели, хотя на это требовались силы, которыми он не располагал. Но, пребывая в таком положении, он казался себе менее беспомощным. Если он ляжет, то вновь окажется в ее власти.

Она вернулась с еще одним подносом, на котором стоял чайник и стакан с мутной жидкостью.

– Я больше не желаю пить эту гадость, – упрямо заявил он, надеясь, что в его голосе прозвучало больше уверенности, чем он ощущал.

– Тогда мне придется кормить вас насильно.

Он угрюмо наблюдал, как она наливала дымящийся отвар в чашку.

– Это что, в самом деле бульон из конины?

– Во многих частях света конина считается деликатесом.

– Как и собачье мясо. Я не собираюсь есть ни то, ни другое.

– Эта лошадь пожертвовала ради вас жизнью. Вы можете хотя бы сделать вид, что признательны ей за это?

– Вы не пожелали резать корову ради меня, так почему же не пощадили лошадь?

– По правде говоря, – пояснила она, нахмурившись, – мы нашли бедное животное в придорожной канаве уже мертвым. Но мясо еще не начало портиться.

– В таком случае и думать об этом забудь, Флоренс Найтингейл. – Он оттолкнул протянутую чашку.

Она одарила его чарующей улыбкой.

– Вы же хотите набраться сил, чтобы придушить меня, верно? Или передумали?

Он выхватил чашку у нее из рук и по неосторожности выплеснул немного обжигающей жидкости себе на грудь.

– О, черт!

Шанталь отреагировала мгновенно: протянув руку за льняной салфеткой, что лежала на подносе, она кинулась вытирать сверкающие капли с покрытой густым волосом груди. Когда она наклонилась вперед, пряди ее волос коснулись его колена, не прикрытого простыней.

Реакция Скаута была однозначной. Ощувив, как ее темные волосы, словно черные атласные ленты, ласкают его кожу, он едва совладал с собой. Может, она и сумасшедшая, и опасна, ему все равно! Ему захотелось дотронуться до нее, погладить эти волосы и зацеловать ее всю, с головы до ног.

Он ухватил эти тяжелые пряди и сжал руку в кулак, а за-

тем отвел ее упавшие волосы со своих колен. Ее рука замерла в нескольких сантиметрах от его груди, и взгляды их встретились. Их лица при этом оказались так близко, что он ощутил ее быстрое дыхание, слетавшее с влажных, полураскрытых губ. Черт, ему снова захотелось почувствовать ее рот своими губами.

– Со мной все в порядке, – грубовато заметил он.

Она выпрямилась и швырнула салфетку на поднос, а он поспешил разделаться с отвратительным бульоном и состроил ужасную гримасу, допивая последний глоток.

– Когда мне дадут что-нибудь посущественнее? Или в твои планы входит держать меня впроголодь, подпитывая одним бульоном из конины?

– Нет, я хочу, чтобы вы поскорее набрались сил.

– Чтобы я мог... как это? Сконструировать мост?

– Совершенно верно, – ответила она с предельной серьезностью.

– Ты, верно, перегрелась на тропическом солнце, принцесса, – рассмеялся он. – Я не собираюсь ничего конструировать для тебя, кроме разве уголовного дела, которое тебе ни за что не выиграть. Между прочим, со времен второй мировой войны остров Пэрриш является территорией Соединенных Штатов. Каким бы языческим и отсталым он ни был, – продолжал он, многозначительно взглянув на керосиновую лампу, – все цивилизованные законы имеют силу и здесь. Как только я смогу двигаться, ты угодишь за решетку.

– Возможно. Но сначала вы построите мне мост.

– Какой мост? А это что еще такое, черт побери? – сварливо полюбопытствовал он, когда Шанталь попыталась вручить ему принесенный на подносе стакан с жидкостью.

– Кокосовое молоко. Вам понравится.

Он выпил. После бульона вкус показался ему приятным – что-то вроде молочного коктейля.

– Ладно, я выпил. Теперь ответь на мой вопрос.

– Какой вопрос?

– Про какой это мост ты постоянно твердишь?

– Мы поговорим об этом утром. Вам не надо в туалет?

– Настолько, что аж слеза прошибает.

– Могли бы сказать. – Она сунула руку под кровать и достала фарфоровое судно.

Скаут взглянул на «утку» и почувствовал, что краснеет.

– Черта с два!..

– Несколько поздновато испытывать застенчивость, мистер Ритленд, поскольку я уже несколько дней забочусь о вас. Стало быть, у вас нет от меня секретов. Распоряжайтесь по судиной, или вам же хуже будет!

Он закусил щеку изнутри. Вид у Шанталь был решительный. Его организм в свою очередь тоже требовал своего.

– Не будет ли дерзостью с моей стороны попросить тебя оставить меня одного?

Она повернулась и вышла. Дивные ножки, подумал он, провожая ее взглядом. На ней были обычные шорты, а не

саронг, который носят местные женщины. К тому же Скаут почти испытывал благодарность за то, что Шанталь носила блузку из тончайшего хлопка, полы которой узлом завязала на талии. Наблюдая за мягким колыханием ее бюста, он готов был побиться об заклад на последний грош, что под полупрозрачной тканью ничего больше не было. Но рубашка была – вот что его радовало! Трудно было бы на нее злиться, ходи она голой по пояс. Ему и так с трудом удавалось сдерживать эмоции при виде ее голых ног.

Прежде чем войти, она постучала. Он насупился, ибо никогда в жизни не чувствовал еще себя таким униженным. Она быстро вынесла судно.

– Мне кажется, вам следует прилечь, мистер Ритленд. Вы побледнели. – Она положила ладони ему на плечи и попыталась заставить его лечь.

Быстрым движением руки он обнял ее за талию. Другая рука столь же стремительно схватила ее за волосы. Он видел, что она недовольно поморщилась, но лишь слегка ослабил хватку.

– Твой выбор пал на меня случайно? – спросил он, и губы его побелели от гнева, боли и огорчения.

– Нет.

– А те призывные взгляды, что ты так недвусмысленно бросала на меня, не имели никакого отношения к тому факту, что тебе приглянулась моя внешность, так? Ты выбрала меня из толпы не потому, что сочла привлекательным?

– Я понимаю, что это удар по вашему самолюбию, мистер Ритленд, но – нет. Как вы выглядите, не имело для меня никакого значения.

– Ты подставила меня с самого начала.

– Верно.

– Ты наметила мою кандидатуру заранее и сделала все, чтобы я наверняка обратил на тебя внимание во время приема.

– Правильно.

Его рука крепче обхватила ее талию. Он притянул Шанталь к себе. Ее колени столкнулись с его коленями, но на пронзившую его боль он почти не обратил внимания: он ничего не видел, любуясь ее гладкой кожей.

– Но зачем, черт побери?

– Я же сказала. Все ради моста.

– Какого моста, мать твою?..

Она вывернулась из его объятия и одним сердитым взмахом головы перебросила волосы за спину.

– Я все объясню, когда вы окрепнете, возможно, утром.

Не отрывая от нее глаз, Скаут позволил ей уложить себя на подушки. Устроив его поудобнее, она убедилась, что вода в пределах его досягаемости, а москитная сетка надежно защищает ложе, и погасила лампу.

Он слышал шаги ее босых ног по деревянному полу, а потом увидел, как она выскользнула за дверь.

Скаут долго смотрел в темноту, но заснуть ему не удава-

лось. Он даже не сумел расслабиться. В голове все путалось, но сон не приходил.

Он ругал себя за мягкотелую уступчивость. Какого черта он позволяет всему этому продолжаться? Верно, она хитра, но ведь и он далеко не дурак. И есть люди, которые даже считают его довольно хитроумным.

Он крупнее ее, весит намного больше. Она, правда, рослая, выше, чем другие островитянки, но он помнил, что даже на высоких каблуках она едва доходила ему до подбородка... Да, у них обоих удачный рост – очень удобно целоваться, очень...

– Дьявол! – Он выругался, ворочаясь в темноте, едва разбавленной лунным светом из окна. Не стоит ему вспоминать об их поцелуе, или он оправдает мнение тех трех женщин, что сравнили его с маленьким дьяволом – тем божком с перманентной эрекцией. И потом, ему следует сосредоточиться на случившемся и обдумать ситуацию, в которую он попал.

Судя по всему, Шанталь Дюпон пользовалась в деревне большим авторитетом и неограниченной властью, но при этом он не заметил, чтобы у дверей дежурили вооруженные охранники. Интересно, трудно ли будет скрутить ее и заставить признаться, где спрятан джип, или принудить отвезти его на этом джипе на другую сторону острова? Кстати, куда подевался пистолет, из которого она его ранила? Пока он валяется в этой постели, которая больше подошла бы для лилипута, ему уж точно не найти ее пистолет.

При этой мысли он решительно откинул простыню и москитную сетку. Затем сел, однако на этот раз осторожно спустил ноги с кровати. И все равно левую ногу словно огнем ожгло.

Встав на одну ногу, а другую держа на весу, Скаут еще вспомнил, что он совершенно голый. Он дотянулся до висевшего полотенца и, завладев им, обернул его вокруг талии. Слишком солидно, но все же лучше, чем ничего.

Еще раньше он заметил в углу метлу. К ней он и запрыгал на правой ноге, хватаясь по пути за мебель, чтобы не упасть.

К тому времени, когда он добрался до метлы, на лбу у него выступил пот. Он дышал открытым ртом, будто пробежал пять километров в гору. Опираясь на метлу, он с этим импровизированным костылем направился к двери. Голова у него кружилась, и дверь оказалась несколько в стороне от того места, где, как он прикинул, она должна находиться.

В доме царила тишина, нарушаемая только ропотом океана. Стихия где-то совсем рядом. Скаут искал на ощупь какие-нибудь выключатели, но, как он и ожидал, никаких признаков электричества не оказалось. Не было и телефона. Однако дом был хорошо обставлен, безукоризненно чист и полон красивых вещей. Повсюду книги, их стопки на столах, полках, даже на полу. Некоторые на французском, какая-то часть на английском.

Стараясь производить как можно меньше шума, он, преодолевая боль, с трудом прошел через просторную гостиную

и направился по коридору мимо еще одной спальни, где постель была расстелена, но пуста, дошел до следующей большой комнаты, разделенной резной ширмой на спальню и кабинет.

На огромной кровати тоже никого не было. Шанталь сидела в кабинете. Тусклая керосиновая лампа слабо освещала помещение, и лицо Шанталь оставалось в тени. Женщина полулежала в кожаном кресле, положив ноги на угол заваленного бумагами письменного стола, на котором царил полный беспорядок. Она была в очках. На коленях у нее лежала книга.

Шанталь настолько углубилась в чтение, что не услышала его приближения. Ее темные волосы подобно плотному занавесу свисали со спинки кресла, и лишь несколько прядей обрамляли безукоризненное лицо. Она расстегнула и развязала рубашку – видимо, собиралась ее снять, но потом передумала.

При виде идеально округлых груди, увенчанных сосками, словно созданными для мужских губ, Скаут ощутил пульсацию отнюдь не в больной ноге. Он попытался отогнать похотливые мысли, но когда заговорил, голос его прозвучал хрипло:

– Ты все объяснишь мне прямо сейчас.

Она вздрогнула. Ноги бухнулись на пол, и книга слетела с колен. Шанталь резко подняла голову. Сквозь толстые стекла очков она вглядывалась в полумрак, различила наконец

размытые очертания его силуэта, и потребовалась несколько секунд да его сверлящий взгляд, пока она сообразила, что ее рубашка распахнута. Она поспешно запахнулась и сняла очки.

– Мистер Ритленд, каким образом...

– Кончай с этим «мистер Ритленд», а? Я же не официальное лицо и не гость в твоём доме. Я твой пленник. Ты видела меня голым, и я бы тоже не отказался полюбоваться тобой, особенно когда целовал тебя и массирует твой сосок. Так что мы вполне можем обращаться друг к другу по имени.

Он испытал какое-то извращенное удовольствие, заметив, как обидело Шанталь его заявление. Но одновременно он поразился собственному цинизму. Дома он никогда не посмел бы так разговаривать с женщиной... с любой женщиной. Он читал о мужчинах, дичавших в отрыве от цивилизации и привычного окружения, но от себя такого не ожидал. Тем более в такие короткие сроки. Хотя, конечно, его жестоко провоцировала именно эта женщина с потрясающими синими глазами, которая теперь с надеждой смотрит ему в лицо, словно ожидая извинений. Смущенный, он шумно выдохнул. Обиженное выражение ее лица заставляло его чувствовать себя дурным человеком.

– По меньшей мере хоть согласишься, что у меня есть все основания, чтобы злиться и расстраиваться.

– Я согласна, – негромким голосом признала она. – Но, честное слово, я вовсе не хотела вас ранить. Мне очень жаль.

– Да ладно, дело уже сделано, так ведь? Ну что там насчет моста?

– Вы уверены, что хотите услышать мои объяснения именно сегодня?

– Абсолютно.

– Тогда садитесь, пожалуйста. – И, улыбнувшись, добавила: – Скаут.

Он с благодарностью опустился в стоявшее напротив кресло.

4

Даже при свете керосиновой лампы Шанталь заметила, как побелели его губы. Она знала, что он страдает от боли. В его ослабленном состоянии путь от спальни до кабинета равносителен долгому путешествию. Кожа у него приобрела серый оттенок, лоб покрылся испариной, пряди волос, упавшие на глаза, стали влажными и слиплись.

Но несмотря на слабость и мучения, он был полон решимости, и Шанталь сочла, что достаточно долго держала его в неведении. С чего же начать?

– Вы не помните, поскольку были без сознания, – заговорила она, – но когда мы добирались до деревни, нам с Андре пришлось нести вас по подвесному мосту над глубоким ущельем. Там настоящая пропасть, она разделяет нашу деревню и остальную часть острова. Мост в ужасном состоянии. Его требуется срочно заменить. Я затащила вас сюда, чтобы вы построили для нас новый мост.

Она следила, как он молча переваривает услышанное: выражение лица вроде бесстрастное, но искорка интереса мелькнула в его глазах, и она уловила это. Интерес в его глазах. Очень недурных. Светло-карих с золотом.

Она отвела взгляд и вдруг заметила, что он машинально массирует больное бедро.

– Болит?

Он оставил ногу в покое, скорчил недовольную мину и соврал:

– Нет.

– Я могу дать вам что-нибудь.

– Не выйдет, мисс Дюпон. Стоит тебе дать что-нибудь мне, как я теряю сознание на несколько часов.

– Может, таблетку аспирина?

– Давай рассказывай про мост, – нетерпеливо прервал он. – Насколько я понимаю, речь идет не о маленьком, коротком мосте.

Она небрежно взмахнула рукой, стараясь казаться спокойной.

– Какие-нибудь шестьдесят метров.

– Черт! – Он рассмеялся и покачал головой.

– Я рада, что вы находите это забавным, – съязвила Шанталь. – Уверяю вас, для нас этот мост – жизненная необходимость. Мой народ...

– Твой народ? – закричал он. – Да кто же ты такая, черт побери?

Посчитав этот вопрос резонным, она ответила:

– Шанталь Дюпон.

– Это я знаю. – Он снова машинально потер ногу, но, поймав ее взгляд, прекратил это занятие. – Ты что здесь, жрица? Ее величество королева? Миссионерка? Кто ты?

Этот вопрос вызвал у нее улыбку.

– Ничего такого королевского. Я здесь родилась, в этой

деревне. – Протянув руку, она взяла со стола фотографию в серебряной рамке. – Мои родители.

Он с любопытством взглянул на фото: белый мужчина и полинезийка. Шанталь внимательно следила за его реакцией. Поставив фотографию на стол, он заметил:

– У тебя отцовские глаза. Но все остальное ты унаследовала от матери.

– Благодарю вас. Она была очень красивой.

– Была?

– Она умерла много лет назад. Я понимаю, вам любопытно, но из вежливости вы стесняетесь спросить.

Он смущенно заерзал в кресле, тем самым подтверждая ее правоту.

– Мой отец, – начала Шанталь, – доктор Джордж Дюпон, служил в военно-морских силах Франции. Его послали на этот остров как раз перед началом второй мировой войны. Как вы, вероятно, заметили, остров весьма привлекателен. После войны Франция оказалась в руинах, так что он вернулся сюда, чтобы заниматься научной работой, хотя здесь уже была американская территория. Он познакомился с моей матерью, Лили, полюбил ее, и они поженились.

– Судя по задумчивому выражению твоего лица, я полагаю, они жили счастливо, пока смерть не разлучила их.

– Мать приняла католичество. Но несмотря на это, когда она последовала за отцом во Францию, от нее шарахались. От них обоих. Дюпоны – старинный аристократический род.

Неважно, что они потеряли большую часть своего состояния при нацистах. Все члены этой семьи по-прежнему считают себя элитой.

– Принять в свой клан полинезийку да еще в качестве члена семьи – об этом нельзя было даже подумать, так?

Шанталь опустила голову. Каждый раз, когда она рассказывала о своей красавице матери и о том, как страдала бедная женщина, сердце ее сжималось от жалости. Шанталь сама до известной степени сталкивалась с предрассудками, а ведь она лишь наполовину была тем, что вызывало неприязнь в случае с Лили, отталкивало от нее Дюпонов и всех старых друзей и коллег ее отца.

– Так вот, – продолжала Шанталь, прерывисто вздохнув, – они вернулись на остров. Отец продолжил здесь свою работу и ранее начатые исследования. Он построил этот дом и приложил все силы, чтобы сделать его по возможности удобным. Он научил местных жителей пользоваться некоторыми современными удобствами. В результате так вышло, что аборигены привыкли полагаться на него и стали от него зависеть.

– Он был для них вроде отца.

– Вот именно.

– А когда же появилась ты? Тебе ведь не так уж много...

– Многие годы после замужества моя мать никак не могла забеременеть, и это, как я потом узнала, сильно тревожило ее. Наконец это произошло. Она писала в дневнике, что дни

беременности были самыми счастливыми в ее жизни. – Шанталь сдвинула брови. – Но она была уже в таком возрасте, что роды не могли пройти без осложнений. За ней не было надлежащего ухода во время беременности. А она проходила сложно. Мама так окончательно и не оправилась после родов, умерла, когда я была совсем маленькой. У меня очень смутные воспоминания о ней, я запомнила только улыбающееся лицо да еще французские колыбельные, которые она мне пела.

Они несколько минут помолчали. Шанталь погрузилась в горькие, но одновременно приятные воспоминания. Скаут прервал их, спросив:

– Почему твой отец не вернулся с тобой во Францию после смерти Лили?

– К тому времени остров стал для него домом, ближе, чем Париж. Он привык к местной размеренной и неторопливой жизни. Да и жители деревни нуждались в нем. Кроме того, – добавила она, – он не хотел оставить маму.

– Но он сделал все, чтобы ты уехала.

– С чего вы взяли? – с удивлением спросила Шанталь.

Скаут кивком указал на стену за ее спиной. Она проследила за его взглядом: на стене висели дипломы в рамках.

– Гордость отца, – сказала она, пожав плечами с истинно французской грациозностью, унаследованной от Джорджа Дюпона. – Я ходила в английскую школу на военной базе.

– Там-то ты и выучила язык как следует?

– Спасибо. Когда я окончила школу, меня отослали в колледж в Калифорнию.

– Отослали?

– Я сопротивлялась изо всех сил.

– Почему? Думается, тебе хотелось посмотреть мир.

Шанталь, искренне изумившись, склонила голову к плечу.

– Зачем? – Она развела руками. – Здесь настоящий рай.

На уроках истории я узнала, что повсюду в мире идут ужасные войны, происходят восстания, царят насилие и рабство.

– Довольно логично, – мрачно согласился Скаут. – В таком случае, почему все же Штаты, а не Франция?

– У меня двойное гражданство. По какой-то одному ему понятной причине отец решил, что Америка подходит мне больше, чем Франция.

– Ну и как?

Шанталь улыбнулась и встала. Подошла к бару, налила в рюмку коньяку.

– Не желаете?

– Нет, спасибо. Я бросаю пить.

– Приехав в Штаты, я обнаружила, что там не так уж и плохо. Мне понравились чизбургеры, рок-музыка и фильмы. К своему удивлению, я полюбила модно одеваться. – Она согрела коньяк в ладонях, бессознательно наслаждаясь терпким ароматным напитком. – Разумеется, я не выглядела абсолютной невеждой в этом смысле, ведь я посещала школу

на военной базе.

– Готов поспорить, моряки и солдаты крутились вокруг тебя, как трутни вокруг пчеломатки.

Шанталь отпила глоток коньяка. Внешне она оставалась спокойной, хотя слова Скаута вызвали у нее раздражение. Верно, ее часто приглашали на свидания, но она очень скоро поняла, к чему могут привести эти с виду невинные встречи. Мужчины, оторванные от дома и женского общества, считали ее легкой добычей. Так думали обо всех других девушках с острова. Ряд неприятных эпизодов, что заставили ее с недоверием относиться к белым мужчинам, она прекрасно помнила, и, как потом оказалось, для подобного недоверия были вполне веские основания.

Чтобы отвлечься от неприятных воспоминаний, Шанталь снова мысленно вернулась к Скауту, смотревшему на нее с нескрываемым любопытством.

– Чему вы удивляетесь? – спросила она.

– Большинство знакомых мне мужчин точно так же греют коньяк в ладонях. Ты научилась пить у отца?

Она отставила рюмку.

– И пить и всему остальному.

– Не понимаю...

– Что именно?

– То ты выглядишь такой умудренной опытом, то... – Он, похоже, никак не мог подобрать нужные слова. – Ты ведь долго была в Штатах, отчего же вернулась сюда?

– Так мне захотелось.

– Не понравилась Калифорния?

– Очень понравилась. Меня многое связывает со Штатами.

– Тогда почему вернулась?

– Это мое дело.

– Отец попросил тебя вернуться?

– Он определенно был рад моему возвращению, – уклончиво ответила она, смущенная необходимостью обсуждать свою личную жизнь со Скаутом.

– Разве это не эгоизм с его стороны? Положим, он принял решение остаться здесь, но ведь у тебя-то была возможность заниматься медициной в Штатах, так что...

– Медициной?

На лицах обоих отразилось явное непонимание.

– Медициной, – повторил он, кивнув в сторону дипломов доктора Шанталь Луизы Дюпон. – Разве ты не пошла по стопам отца?

Она рассмеялась.

– Да, я пошла по стопам отца и стала доктором. Но не врачом. Я защитила диссертацию в области геологии.

Лицо Скаута стало мертвенно-белым.

– Геологии? – хрипло переспросил он, прищурившись и глядя на документы в рамках. Затем гневно сверкнул глазами и вскричал: – Геологии?

Он вскочил с кресла. Шанталь вскочила вслед за ним.

– Осторожнее...

– И ты оперировала меня, не будучи врачом? – заорал он.

– А вы предпочли бы, чтобы я оставила пулю у вас в ноге?

Чтобы вы истекли кровью?

Он ткнул пальцем в повязку на бедре и снова заорал:

– Ты оперировала меня! Я ведь мог потерять ногу. Ты могла превратить меня в калеку на всю оставшуюся жизнь, – бушевал он. – Господи! Да ты чокнутая!

– Успокойтесь. Не такая уж серьезная была операция. Я видела, как отец делал куда более сложные операции, и успешно. Я знала, что следует делать, хотя раньше мне самой никогда не приходилось заниматься этим.

– Значит, и он такой же чокнутый.

– Он лечил антибиотиками, если они у него были, и делал все необходимое, чтобы спасти чью-то жизнь. Случалось, и оперировал. Он вправлял сломанные кости, удалял миндалины и аппендиксы, помогал при трудных родах. Когда ближайшая больница на другой стороне острова, волей-неволей научишься справляться и экспериментировать.

– Никто не имеет права экспериментировать над моей ногой, принцесса! – Он умолк, пытаясь отдышаться, грудь его часто вздымалась. – Где твой старик? Я хочу поговорить с ним. Хочу его видеть. Сегодня! – потребовал он. – У него, видать, тоже не все дома. Похоже, безумие у вас в крови. Но на данном этапе выбор у меня ограничен. Я рискну довериться ему. Говори, где он?

– Его здесь нет.

Скаут на одной ноге доскакал до нее и, схватив за плечи, слегка тряхнул.

– Где он?

– Он где-то там, в предгорье. До него не добраться. Но если бы он был здесь, когда я привезла вас с пулей в бедре, он сделал бы то же самое.

Скаут прошипел ругательство с таким неистовством, что лицо Шанталь потемнело.

– У меня не было бы никакой пули в бедре. Меня вообще не было бы здесь, если бы не ты. – Он убрал руки с ее плеч.

– Вам вредно так волноваться. – Она прекрасно понимала, что его ярость вызвана не столько услышанным, сколько болью, которая изнуряла его. – Давайте я помогу вам добраться до постели.

Не дожидаясь возражений, она обвила рукой его талию и положила его руку себе на плечи. Пытаясь подставить свое плечо ему под мышку, она приняла большую часть его веса на себя.

– Я и сам могу добраться до постели.

Шанталь взглянула ему в лицо. Бледные губы растянулись, обнажив сжатые зубы. Сильно выступающие скулы обтянуты кожей и покрыты потом. Он чересчур упрям и горд.

– Ну, разумеется, можете, – мягко уступила она, – но вам придется трудно, и не имеет смысла мучиться, если я могу вам помочь.

Он дышал со свистом, сквозь зубы.

– Нога дьявольски болит.

– Вам не следовало вставать.

– Ну, не мог же я просто так продолжать валяться в постели и позволять тебе дурачить меня.

Он невольно наступил на левую ногу и со стоном привалился к ней. Она обняла его покрепче. Рука Скаута свисала с ее плеча, и ладонь его покоилась на высокой груди Шанталь. В какой-то момент пальцы его коснулись ее соска, который мгновенно затвердел и ясно обозначился под блузкой.

И Шанталь, и Скаут, оторопев, замерли на секунду, оба смотрели в пол, будучи не в состоянии думать о чем-либо, дышать, двигаться. Шанталь даже зажмурилась, ожидая, когда схлынет это ощущение, эхом отозвавшееся в других частях тела. Под его ладонью кожа ее потеплела – она почти слышала биение собственного сердца.

Наконец она открыла глаза и двинулась было вперед, но он не шелохнулся. Взглянув на него, она поняла, что он смотрит куда-то в другой конец комнаты. Она проследила за его взглядом и увидела, что взор его прикован к пистолету, который она оставила на прикроватном столике отца.

– Не стоит попусту расходовать силы, – спокойно сказала она, прочитав его мысли. – Я не знала, что он заряжен, когда Андре принес его мне. Я пришла в такой ужас, когда ранила вас, что вынула все пули и выбросила их.

Со вздохом, означавшим поражение, Скаут снова тяжело

повис на ней. Они молча дотащились до комнаты, которую он покинул час назад.

Она осторожно усадила его на край кровати и повернулась, чтобы зажечь лампу. Когда она снова взглянула на него, он разматывал повязку на бедре.

– Что это вы делаете? – воскликнула она.

– То, что и должен был сделать сразу же, как только пришел в себя, прочухавшись после твоих спиртных напитков. Откуда я знаю, что ты там натворила.

– Пожалуйста, не надо.

Шанталь попробовала помешать ему, но он оттолкнул ее руки и продолжал разматывать бинт, струйкой тянувшийся к полу.

Похоже, он удивился, увидев аккуратные стежки, соединившие края раны. Шов был чистым – никаких признаков нагноения, хотя вокруг раны наблюдалась некоторая припухлость.

– Боюсь, у вас останется шрам, – мягко заметила она, – зато будет о чем поговорить.

Он искоса взглянул на нее и улыбнулся.

– Шрам я переживу, а вот гангрена – это было бы чересчур.

– Теперь, когда вы сорвали повязку, мне придется продезинфицировать рану и снова забинтовать. Не лучше ли вам лечь?

Он медленно поднял глаза и встретился с ней взглядом.

Тепло, подобное ласкающим лучам тропического солнца, охватило ее, и она почувствовала, как подгибаются колени под его взглядом.

И Шанталь, и ее отец получили роскошно оформленное приглашение на торжественное открытие курортного комплекса, однако она отправилась туда с определенной целью. Ей предстояло похитить инженера по имени Скаут Ритленд.

Правда, когда Андре незаметно показал ей этого человека, сердце ее на секунду остановилось и внизу живота что-то сжалось. Намеченная жертва оказалась настолько привлекательной, призывно сексуальной, что предстоящая задача из неприятной превратилась в легкую и желанную.

Несколько раз за вечер ей пришлось напоминать себе, что соблазняет она его не всерьез, что это всего лишь уловки и чтобы добиться того, что так необходимо для жителей ее деревни. Она обнаружила, что реагирует на поставленную цель как женщина, возжелавшая соблазнить самого красивого мужчину в зале, и сожалеет, что за удачным началом якобы невинного флирта не последует настоящего романа.

По собственному опыту она знала, что подобный роман может сопровождаться ужасными страданиями. Все это время после своей первой неудачи в Калифорнии она старалась избегать всяческих романов. Она будет и дальше поступать так же, хотя от одного взгляда Скаута Ритленда она слабела от желания и вспоминала, что как женщина она уже долгое время лишена многого.

Напустив на себя озабоченно-деловой вид, Шанталь отвела взгляд и заставила Скаута лечь на подушки. Он упорно продолжал смотреть на нее, но она, стараясь не встречаться с ним глазами, приступила к обработке раны антисептиком. Затем велела ему согнуть ногу в колене и ловко перебинтовала рану.

– Вам обязательно надо принять обезболивающее.

– И думать забудь об этом. Чтобы иметь дело с тобой, я должен обладать светлой головой, призвав на помощь все свои умственные способности.

– Тогда, может быть, коньяку?

Он вопросительно поднял брови.

– Чистого? Без всяких примесей?

Она хмуро взглянула на него и вышла из комнаты. Спустя минуту она вернулась с рюмкой коньяка. Скаут сделал первый глоток, закрыв глаза, проглотил коньяк и удовлетворенно выдохнул.

– У твоего старика дорогие привязанности, – заметил он, причмокнув губами.

Он машинально потер свой голый живот. Шанталь знала, что коньяк разливается сейчас приятным теплом. Пальцы Скаута бессознательно ерошили мягкие, курчавые и шелковистые волосы, покрывавшие его грудь и живот. Шанталь знала и то, что растительность на его теле именно шелковиста, ведь она обмывала его и даже иногда позволяла себе дотронуться до этих волос, хотя ей совершенно не следовало

делать это.

Вспомнив о тех минутах, Шанталь разволновалась и продолжала разговор словно осипшим голосом:

– Каждое Рождество мы получаем ящик французского коньяка от коллеги моего отца, который так и остался его верным другом.

Стоя подле постели Скаута, она наблюдала, как он, не торопясь, пьет коньяк. Выпив последний глоток, он попытался кулаком взбить подушку, но поморщился от боли, причиняемой резкими движениями.

– Позвольте мне.

Шанталь просунула одну руку ему под затылок и приподняла его голову, а свободной рукой взбила подушку и перевернула ее на прохладную сторону. В этот момент она стояла наклонившись и никак не ожидала, что он потянется к ней лицом. Для начала и в порядке эксперимента Скаут потерся носом о ее грудь, а затем прижался лицом к вырезу ее блузки и вдруг поцеловал нежную упругую плоть.

Шанталь застонала и на какое-то мгновение прижала его голову к себе, но тут же отпустила и отступила на шаг. Похоже, Скаут удивился не меньше ее. Несколько неловких мгновений они смотрели друг на друга. Наконец он заговорил:

– Не понимаю... У меня странное ощущение, будто...

Не отдавая себе отчета в том, что делает, она облизнула губы и провела руками вдоль бедер.

– Когда мы сюда ехали, – прошептала она, – я держала вас,

а ваша голова лежала у меня на коленях.

Он перевел взгляд ей на бедра, а затем снова посмотрел в ее широко расставленные синие глаза.

– Почему?

– Я боялась, что вы умрете. – Чтобы избавиться от возникшего напряжения и защититься от его заволаживающего взгляда, Шанталь протянула руку к лампе и вывернула фитиль. – Спокойной ночи. – Она повернулась, чтобы уйти, но Скаут быстро схватил ее за руку.

– Шанталь?

Она неохотно повернулась к кровати.

– Я ведь там, на вечеринке, пошел за тобой потому, что нечем было заняться, как ты понимаешь.

– Да, я знаю.

– Ты понимаешь, чего я хотел?

– Да.

– И до сих пор хочу.

В лунном свете она могла различить, что полотенце, прикрывавшее его чресла, не спасает ситуацию: она видела, как он возбужден.

– Не надо, – сбивчиво дыша, взмолилась она.

– Слушай, Шанталь, эта твоя идея абсолютно бредовая.

– Только не для меня. И не для моего народа.

– Будь же разумной! Я не могу и не стану ошиваться здесь, чтобы построить этот проклятый мост.

– Станете.

Сердясь, он протяжно вздохнул.

– Ты же интеллигентная, образованная, вполне воспитанная женщина. Бог мой, да ты похожа на языческую богиню, ты женщина из грез и сновидений. Лучше попроси меня сделать что-то разумное, ну, например, улучшить породу местного племени, подарив тебе ребенка. Я с радостью соглашусь. Но этот мост – бред собачий. Ты и сама знаешь.

– Завтра, когда вы увидите его, вы будете думать иначе.

– Завтра я буду озабочен мыслями, как бы смыться отсюда и вернуться к цивилизации.

– Посмотрим. – В голосе ее послышалась таинственность. Она вырвала у него свою руку, поправила москитную сетку и вышла из полосы лунного света. – Спокойной ночи, Скаут. Вы будете спать очень крепко.

– Откуда, черт возьми, ты знаешь, как я буду спать? Ты не... – Он рывком сел. Она увидела, как он покачнулся и схватился одной рукой за голову, затем продолжительно выругался и снова упал на подушку. – Ты опять опоила меня, подмешала что-то в коньяк? Черт возьми! Когда же я научусь?..

– Мне очень жаль, но я не хочу, чтобы вы страдали без нужды.

– В таком случае странно, почему ты все же оперировала меня, а не выстрелила в голову?

– Не говорите ерунды. Вы слишком мне нужны, чтобы я могла поступить так безрассудно.

Его проклятия преследовали ее, пока она шла по тихому дому. Наконец он умолк: слабый наркотик, сделанный из растущих на острове ягод, возымел свое действие. Шанталь разделась и скользнула в постель. Обычно ее комната хорошо продувалась ветерком с океана. Так было и сегодня, но она никак не могла успокоиться, чувствуя каждый сантиметр своего разгоряченного тела под простыней.

Она потянулась и выгнула спину, безуспешно пытаясь расслабиться. Она старалась дышать медленно и ровно, сложила руки на груди, чтобы избавиться от беспокойных ощущений, но тем самым только сильнее почувствовала возбуждение. Стыдясь самое себя, она крепко сжала ноги, но лихорадочная пульсация внизу живота не проходила. Ничто не помогало – она не могла избавиться от симптомов этой внезапно поразившей ее болезни. Ни попытки считать овец, ни думы о мосте, ни молитвы не принесли ей избавления от воспоминаний о поцелуе Скаута. Ощущение от прикосновения к его коже, память о приятном щекотании его бороды, когда он прижался лицом к ее груди, не давали ей уснуть.

На следующее утро Шанталь стояла у его постели, наблюдая, как он просыпается. Солнечный свет ласкал его лицо, потемневшее на скулах и подбородке от выступившей щетины. Кустистые брови резко выделялись на бледном лбу. Через пару дней ему потребуется подстричься, чтобы выглядеть прилично, по крайней мере, по нормальным стандартам. Однако ей нравились эти завитки за ушами и на шее.

Она любовалась, глядя, как солнце высвечивает золотисто-каштановые пряди в его темных волосах. Седины не было, но она решила, что Скауту около сорока, и он, должно быть, старше ее лет на десять.

Возможно, специфические морщины делали его лицо старше, чем это было на самом деле. Скорей всего, мелкие морщинки, уходившие от глаз к вискам, – результат постоянного пребывания на открытом воздухе. Эти лучики возле внешних уголков глаз безумно ей нравились.

Он дышал свободно, спокойно, положив одну руку себе на грудь, и неосознанно почесывался. Глаза его открылись, и он сощурился от яркого света, а затем открыл их с некоторой осторожностью. Увидев стоявших у кровати Шанталь и маленького мальчика, он вздрогнул.

– А это еще кто? – спросил он охрипшим от сна голосом, кивком указав на парнишку.

– Жан, – ответила Шанталь, произнося имя на французский манер. – Мы зовем его Джонни.

Скаут дружелюбно оглядел паренька.

– Забавный малыш. Твой?

– Нет!

– Не стоит так возмущаться. Я просто спросил. – Он улыбнулся мальчику. – Привет, Джонни. Как делишки?

– Bonjour, monsieur, – застенчиво ответил мальчик.

– Боюсь, что Джонни – единственное известное ему английское слово, – сообщила Шанталь Скауту. – Но полагаю, что вы сможете общаться. Некоторое время он будет служить вам, став вашими ногами. Укажите, что вам требуется, и он все исполнит.

– Он может вызвать мне такси?

Понимая, что Скаут ее дразнит, Шанталь не заглотила наживку. Вместо этого она улыбнулась, сделав вид, что считает его вопрос шуткой.

– Завтракать будете до или после бритья?

– Бритья?

Она отступила в сторону, чтобы Скаут мог увидеть разложенные на прикроватном столике туалетные принадлежности, плоску и чайник с горячей водой.

– Это же мои вещи! – воскликнул он. – Где ты их взяла?

– В вашем трейлере на стройплощадке.

– Ты залезла туда и взяла все это?

– Я не залезала. Андре предложил мне свои услуги. Ему

не пришлось взламывать дверь – она оказалась незапертой. Я подумала, что вам захочется иметь при себе свои вещи. – Она указала на открытый чемодан на полу.

Скаут признал ее правоту, но взглянул на нее с торжествующей улыбкой.

– Знаешь, а ведь меня там уже, наверное, хватились. Все давно протрезвели после вечеринки, наверняка поискали меня и обнаружили, что я исчез. Они, скорее всего, уже прочесывают остров с помощью вертолетов и поисковых собак и, уж конечно, сделают все возможное, чтобы меня найти. Рано или поздно они появятся здесь.

– Поисковых собак? – засмеялась она. – Хорошая мысль, но не стоит так возбуждаться и тратить силы. Я слышала, как вы говорили мистеру Рейнолдсу, что собираетесь затеряться в глубинах острова на неопределенное время. Никто, как вы и велели, не станет вас искать. Во всяком случае в ближайшее время.

Его лицо налилось кровью.

– Прибавь к длинному списку твоих грехов еще подслушивание.

– Всегда лучше перебдеть.

Ухмыльнувшись, он спросил:

– Ты что-то говорила насчет завтрака?

– Да, и сегодня вы получите твердую пищу.

– Ради этого замечательного события мне, похоже, действительно стоит побриться. Но сначала мне потребуется

ванная комната. – Он упрямо сжал зубы. – Больше я судном не пользуюсь.

– Боюсь, у нас тут нет привычных для вас удобств, настоящей канализации, но что-то вроде туалета имеется. Джонни поможет вам добраться туда, а я принесу завтрак. – В дверях комнаты она обернулась: – Разумеется, вы не станете ничего предпринимать, пока находитесь под опекой Джонни, например, не попытаетесь сбежать. Это поставит мальчика в ужасное положение перед его друзьями и родственниками. Его начнут считать неудачником, а такое клеймо останется на нем по гроб жизни.

Джонни, сообразивший, что Шанталь говорит о нем, но не понимавший ни слова, во все глаза смотрел на высокого белого волосатого человека. Невинная милая улыбка мальчугана демонстрировала отсутствие двух передних зубов.

Скаут тоже улыбнулся мальчику и сухо обратился к Шанталь:

– Пока он со мной, обещаю ничего такого не предпринимать.

С довольной улыбкой Шанталь оставила его вдвоем с мальчиком, уверенная, что Скаут не станет позорить мальчонку в глазах его соплеменников.

Скаут был крупнее и мускулистее любого мужчины в деревне. Рана мешала ему, но Шанталь уже поняла, что он упрямец и будет из кожи вон лезть, доводя себя до изнеможения, чтобы превозмочь последствия своего временного

увечья. Хотя, впрочем, физически он и в таком состоянии справился бы с нею. Если она хочет как-то контролировать его действия, ей следует прибегнуть к методам психического воздействия.

Когда она вернулась, неся поднос с завтраком, Скаут соскребал остатки щетины безопасным лезвием. Он сидел, подбрав правую ногу под себя, а больная левая свисала с постели. Джонни, скрестив ноги, уселся в конце кровати и держал зеркало, напряженно наблюдая за процедурой. Его подбородок тоже был покрыт клочьями пены.

– Правда, иногда эта штука с ментолом щиплет. Лично я предпочитаю ту, что с лимонным запахом. Аромат сводит дам с ума. Ну как?

Он предложил на суд мальчика свое обновленное лицо, и тот радостно и одобрительно кивнул. Скаут стер остатки пены влажным полотенцем.

– Ладно, теперь побреем тебя. – Он повернул лезвие обратной стороной, чтобы не поранить Джонни, и снял с его лица мыльную пену. – Ну вот, и ты в полном порядке, – провозгласил он мгновение спустя, развернув зеркало к мальчику.

Тот засмеялся от восторга.

– Мне кажется, вы поладите.

– Он мой приятель, это уж точно. Он помог мне одеться. Впервые за все эти дни.

Шанталь увидела, что на нем шорты, хотя рубашкой он

пренебрег. Волосы на груди были влажными и курчавились после недавнего мытья. Он и волосы расчесал. Лимонный запах пены для бритья завораживал. Она уловила этот аромат цитрусовых, когда нагнулась, чтобы поставить поднос с завтраком Скауту на колени.

– Что на завтрак? Булочки с колбасой? – с надеждой спросил он. – Яйца и бекон?

– Рис и рыба.

На тарелке лежали две маленькие жареные рыбки, горка риса и половинка папайи. Когда удивление первых секунд прошло, Скаут набросился на еду, быстро уничтожив все принесенное и запив съеденное двумя чашками кофе. Последний кусок папайи он сунул в рот Джонни.

Вытирая рот салфеткой, он поднял глаза на Шанталь и поинтересовался:

– Что теперь? Надеюсь, не снова в постель?

– Не хотите взглянуть на мост?

– Хочу. – Быстрое согласие Скаута удивило ее, однако он поспешно добавил, показывая на нее пальцем: – Но лишь потому, что это прямой способ покинуть эту комнату и единственный путь с острова.

Шанталь по-французски дала Джонни какие-то указания. Мальчуган мигом спорхнул с кровати Скаута и выбежал за дверь. Как и накануне, подставив свое плечо, Шанталь помогла Скауту пройти по всему дому, чтобы добраться до дверей спальни ее отца. Она заглянула туда.

– Джонни?

Внезапно вскрикнув, она отпустила Скаута и рванулась к мальчику, который, развлекаясь, крутил на указательном пальце пистолет.

– Mon Dieu! – воскликнула она, выхватив оружие из рук ребенка.

Мгновение она с облегчением прижимала пистолет к груди, затем открыла патронник, вытрясла оттуда пять оставшихся пуль и сунула пистолет в ящик. Сжав пули в кулаке, она обернулась.

Скаут стоял, прислонившись к косяку, и зло смотрел на нее из-под сдвинутых бровей.

– Ах, мать твою... – тихо выругался он.

– Я вынуждена была соврать вам вчера, – попыталась оправдаться Шанталь. – Я не могла позволить вам завладеть пистолетом. Вы ринулись бы к нему, и ваша рана могла бы открыться.

– Но я мог бы и улизнуть, держа тебя на прицеле.

– И это верно, – согласилась она.

Она подошла к одному из окон, раздвинула жалюзи и выбросила пули на каменную дорожку, спускающуюся к пляжу.

– Ну вот. Вопрос с пистолетом закрыт. В деревне больше нет оружия. С вашей ногой вы не сможете отыскать эти пули среди гальки. Так что забудьте.

Джонни, сидевший на корточках около стены, нерешительно подошел к Шанталь. Он держал в руках соломенную

шляпу с широкими полями, за которой его и посылали. Протягивая шляпу Шанталь, он виновато прошептал:

– Мать твою...

Она укоризненно взглянула на Скаута.

– Вам следует быть поосторожнее с выражениями, мистер Ритленд. – Она взлохматила мальчику волосы. – Merci, Джонни.

И надела шляпу. Когда она подошла к Скауту, он схватил ее одной рукой за подбородок и повернул лицом к себе.

– Пуль не найти, так что я про них забуду. Но я не забуду, что ты меня обманула. Будь осторожнее, принцесса. Ты заплатишь за свое вранье.

– Не сомневаюсь. – Она сердито высвободилась из его рук. – Но не раньше, чем вы построите мост.

Неприязнь между ними росла и становилась почти физически ощутимой – вот-вот кто-нибудь из них взорвется. Скаут решил, что именно так и случилось, когда несколько секунд спустя по деревне внезапно пронесся глухой грохот, а в доме задрожали стекла. Двери сами собой захлопнулись, книги попадали с полок. Возникло такое впечатление, будто где-то под ногами с ревом мчится скоростной поезд.

Гнев Скаута мгновенно улетучился. Он с тревогой оглянулся и спросил:

– А это что еще такое, черт побери?

– Voix de Tonnerre, – спокойно ответила Шанталь.

– Говори по-английски! – Он силился перекричать нарас-

тавший гул.

– Голос Грома. Это наш вулкан.

На лице Скаута отразилось недоверие. Шанталь, удивленная, рассмеялась:

– Не может быть, чтобы вы не знали про наш вулкан.

– Черт, да, я знал. Но я не думал...

Внезапно, как и возник, гул смолк, и тряска прекратилась. Скаут стоял, выжидающе склонив голову. Убедившись, что землетрясение кончилось, он требовательно спросил:

– Где он? Близко? А не может случиться извержение?

Он самостоятельно запрыгал к входной двери, а оттуда на широкую веранду, окружавшую дом с трех сторон. Джонни рванулся за ним и подлез ему под мышку, положив его руку себе на плечо. Опираясь на мальчика, как на костыль, Скаут спустился по ступенькам, глядя на столб дыма вдаль, поднимающийся над горной вершиной.

– Милостивый Боже, да эта штука сейчас взорвется! Шанталь, собери всех. Начнем эвакуацию. Сначала женщин и детей... Пусть возьмут с собой...

Он замолчал, сообразив, что она стоит и смеется над ним.

– Что с тобой? – в ярости закричал он. – У тебя что, не все дома? Как же это ты не соизволила заметить, что тут поблизости действующий вулкан, рукой подать?

– Я заметила, Скаут. Я выросла с ним рядом.

– Мило, очень мило, – ехидно усмехнулся он. – Может, тебе он и кажется ручным домашним зверьком, но у меня

раскаленная лава и пепел дружеских чувств не вызывают.

– Лава остывает и твердеет задолго до того, как успеваешь спуститься вниз, а пепел, если и бывает, то его уносит ветром в море.

– Откуда ты это знаешь, черт возьми? Ты хочешь сказать, что ты и раньше наблюдала извержения?

– И не раз. Хотя наш вулкан и считается не слишком активным среди других гавайских, с ним иногда случаются довольно сильные извержения. Раз в несколько лет. Последние недели все местные твердили, что вот-вот будет еще одно.

Его явное недоверие забавляло Шанталь. Но она все же постаралась успокоить Скаута.

– Этими извержениями местные боги дают понять, что довольны жителями деревни. Люди считают эти периодические извержения Божьей милостью. Они их ждут. Вы ведь видите, никто не суетится, не паникует, не пытается укрыться.

Скаут неуверенно оглянулся вокруг и в первый раз увидел, что все население деревни стоит внизу холма и с любопытством взирает на них. Все были абсолютно спокойны. Он единственный едва не впал в панику.

– Ну разумеется, они небось и в чудодейственные силы сущенных голов верят, – сказал он, поворачиваясь к Шанталь. – Меня не прельщает способ следовать их примеру.

– Уверяю вас, Голос Грома не опасен.

– А ты что, эксперт и разбираешься в этом?

– Да.

Скаута потрясла ее уверенность. Он захлопнул рот, воздержавшись от следующего ехидного замечания. Шанталь воспользовалась этим преимуществом:

– Отец, предсказывал, что в ближайшую тысячу лет серьезных извержений не будет.

– Надо же?! Ах, как замечательно! – сказал он, закатывая глаза. – Твой папа так говорил, но почему же ты мне сразу не сказала? Теперь я совсем спокоен.

– Ваши слова не просто ехидны, они оскорбительны.

– Да почему ты считаешь, что я должен верить всему, что говорит твой отец? Я не сомневаюсь, что у него, как и у тебя, с головой не все в порядке.

– Вы можете верить его утверждениям, ибо он – признанный авторитет в области вулканологии, – огрызнулась она. – У него нет ничего такого вроде пресловутой лаборатории подле вулкана Килауэа, но уверяю вас, его точка зрения в таких вопросах весьма авторитетна. Как и моя, кстати сказать... И если я озабочена безопасностью моста для жителей деревни, – добавила она, входя в раж, – то неужели вы полагаете, что я позволила бы людям остаться здесь, если бы считала, что может случиться такое извержение вулкана, которое поставит под угрозу их жизни и имущество?

Он пожевал внутреннюю сторону щеки, размышляя над ее словами. Чтобы быть более убедительной, Шанталь сказала:

– Я знаю, что группа Рейнолдса в курсе относительно этого вулкана. Прежде чем начать строительство на острове, они спрашивали совета у моего отца. Несомненно, вас, как одного из авторов проекта, должны были поставить в известность.

– Да, – резко парировал он. – Меня предупреждали, что я смогу увидеть белый дым над кратером. Еще мне сказали, что это придает романтики атмосфере острова. Но такого барабанного боя я не ожидал. И землетрясения, черт побери! Словом, ничего похожего на то, что только что произошло.

– Вы ощутили это, поскольку находитесь в непосредственной близости от вулкана. Следующий толчок потрясет вас уже не так сильно. Ну что, взглянем на мост?

Он с усилием выдохнул и провел рукой по волосам, сдаваясь на милость победителя.

– Это уж без сомнения. Жду не дождусь.

– По тропинке двигайтесь осторожнее, она каменистая и неровная. Опирайтесь на Джонни. Он для того к вам и приставлен.

– Я не разочарую его, обещаю вам.

Все трое медленно двинулись вниз по тропинке к центру деревни. Внизу спуска их приветствовали улыбающиеся аборигены, высыпавшие из своих хижин.

Когда они приблизились, Скаут пробормотал:

– На нас троих слишком много надето. Это так заметно: на остальных – одни цветы.

На женщинах были юбки из ткани или травы. На шеях, по гавайскому по обычаю, висели гирлянды цветов. Мужчины имели матерчатые набедренные повязки, а на головах – цветочные венки. Некоторые дети разгуливали совершенно голыми, но все были увешаны украшениями из огромных ярких цветов.

– Цветы означают, что сегодня праздник.

– По какому поводу?

Шанталь остановилась и взглянула на него из-под полей шляпы.

– В вашу честь.

Скаут тоже остановился на тропинке.

– В мою?

– Они молили о вас своих богов. И боги прислали вас, чтобы вы построили мост.

Смутившись, Скаут переваривал услышанное.

– Мне почему-то казалось, что их всех давно крестили. – Он кивком указал на хижину, явно служившую часовней. На соломенной крыше был укреплен крест.

– Так оно и есть, но не так-то легко избавиться от древних традиций племени.

– Меня заманили, прострелили, похитили и накачали наркотиками, – напомнил ей Скаут. – Вряд ли подобное обращение подобает посланцу богов.

– Как вы сюда попали, не так уж и важно. Важно то, что вы сделаете для этих людей.

– Иными словами, они ни о чем не знают и знать не будут.

– Не в этом дело. Я просто не сочла нужным посвящать их во все детали.

Они двинулись сквозь толпу, и по мере их продвижения шея Скаута прямо расцветала на глазах: восторженные жители деревни торжественно вешали на него гирлянду за гирляндой. Его обнимали, целовали, благоговейно дотрагивались до него, украшали цветами. Им любовались и восхищались и стар, и млад. По растерянному и смущенному выражению его лица Шанталь видела, что он потрясен таким излиянием симпатий. Впрочем, не менее чем и манерой одеваться островитянок.

– Между прочим, у них есть и лица, – язвительно заметила Шанталь, наблюдая за ним.

Скаут отвел взгляд от особенно привлекательного бюста одного из юных созданий и посмотрел на Шанталь, которая строго глядела на него.

– Ты должна извинить меня. Я – жертва своей культуры. Мне также не легко отказаться от своих племенных традиций, как и им. Для меня девушка с голыми сиськами и есть девушка с голыми сиськами.

– Скоро вы и замечать их перестанете.

– Ну, уж это вряд ли.

Неодобрительно нахмурившись, Шанталь обратилась к толпе, и послушные островитяне немедленно начали расходиться.

– Всю обедню испортила! – пробормотал Скаут.

– Они сейчас боготворят вас, но не забывайте, чего они ждут от вас взамен.

– Нового моста вместо старого.

– А вот старый мост.

Он посмотрел в направлении поднятой руки Шанталь и увидел хлипкий мост, нависший над глубоким ущельем.

– Площадка, на которой мы стоим, на самом деле – обломок скалы, оторвавшийся много веков назад, – пояснила она, указывая на гору по другую сторону ущелья, густо поросшего тропической растительностью. На дне бежал по камням ручей, сверкая в лучах утреннего солнца тысячами миниатюрных радуг. – Там мы берем питьевую воду, – сказала она. – Отец построил плотину, и образовалось маленькое озеро. Оно вон там, за поворотом.

Скаут кивнул, но глаза его были прикованы к мосту. Один из местных жителей тащил по шаткому сооружению упиравшуюся козу. Подвесной мост опасно раскачивался.

– Вы несли меня по нему? – хрипло спросил он.

Упасть с моста равносильно смерти, ибо любой не удержавшийся разобьется внизу о скалы. Он понял это сразу.

– Теперь вы понимаете, почему я решила прибегнуть к такому отчаянному способу, – сказала Шанталь. – Даже самый старый из жителей деревни не припомнит, когда был построен этот мост. Значит, сооружению по меньшей мере девяносто лет. Его надо заменить на более основательное.

– Тут трудно что-либо возразить.

– Садитесь. – Она указала на скамью, вырубленную в скале. Джонни опустился на землю у ног Скаута и с обожанием взирал на него. Шанталь стояла напротив, словно перед судьей, от которого зависит исход жизненно важного дела, хотя Скаут, увешанный цветами, мало походил на судью. – Только представьте себе, если бы у нас был мост, который способен выдерживать движение автотранспорта, что бы это значило для жителей деревни. У них появился бы более безопасный, надежный и быстрый способ добраться до остальной части острова, до школ и больниц.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, Шанталь, – согласился Скаут. – Поверь мне, я понимаю, что это сооружение представляет опасность для любого, ступившего на него. Но что, черт возьми, ты хочешь, что бы я сделал? – Он широко развел руками.

– Построй другой.

– Вот так просто? – Он щелкнул пальцами. – Раз – и готово? И все без чьей-либо помощи?

– Разумеется, нет. У нас здесь полно бесплатной рабочей силы.

– Здесь? – Он отрывисто хохотнул и через плечо оглянулся на деревню. – Ты имеешь в виду местных мужчин?

– Они вовсе не глупы, – обиженно проговорила она. – Они знают, что придется хорошенько потрудиться, и готовы к этому.

– Не заводись. Я не хотел их унижить. Вот только... – Он помял рукой подбородок. – Здесь ведь требуется куда больше, чем просто забивать гвозди. Если ты не понимаешь, то отец твой наверняка поймет. А кстати, почему он лично не обратился ко мне с этой просьбой? Почему он возложил эту обязанность на тебя?

– Мы вместе все придумали.

– Включая похищение?

– Да, – неуверенно ответила она.

– Врешь.

– Ладно, это моя инициатива. И не вините никого за это. Другие тут ни при чем. Я им сказала, что вы пошли добровольно, но в пути случилось несчастье.

– Слушай, принцесса, ты что же думаешь, украла инженера и – бац, вот тебе мост?!

– Мне ведь не нужны еще одни Золотые ворота.

– А, ну тогда все в порядке. А то я уже начал было беспокоиться...

– Нам нужен лишь мост, годный для употребления.

– Перебросить мост через такое ущелье... Да тут кошмары начнут сниться.

– Я не говорила, что это легко.

– Гр-р. – Скаут запрокинул голову и издал ужасающее рычание.

По-видимому, для того, чтобы спустить пар. Шанталь не рассердилась, хотя эхо от его рыка отразилось от склонов гор

и в деревне все замерли в испуге. Гордо вскинув подбородок, она спокойно ожидала, стоя на своем. Скаут сжал руки в замок и опустил их между широко расставленными коленями, изучая побелевшие костяшки пальцев.

Наконец он поднял голову и предложил более мирным тоном:

– Почему бы нам не сделать вот что? Я возвращусь в Штаты и постараюсь собрать деньги на постройку моста. Моя... хм-м... У меня есть приятельница, которая умеет собирать деньги на всякие благотворительные цели. У нее такое хобби. Она это здорово делает. Я все ей объясню, она воодушевится и немедленно примется за дело. Возможно, ей удастся привлечь к сбору средств Корпус мира или религиозные организации. Да, я уверен, что ей удастся. Что скажешь?

К концу этого исполненного великодушия монолога Шанталь уже вся кипела. Она ненавидела снисходительную улыбку и тон Скаута. Как будто он говорит с дурочкой. Она даже не нашла нужным снизойти до того, чтобы укорять его за этот тон. К тому же ей вовсе не хотелось, чтобы его возлюбленная из Бостона, а именно ее он и подразумевал, говоря о «приятельнице», имела хоть какое-то отношение к мосту. Скаут не догадывался, что она знала о существовании Дженнифер. А Шанталь и не собиралась пока признаваться ему в этом.

Однако больше всего ее привело в ярость его предположение, что жители деревни нуждаются в благотворительно-

сти. На этот счет она не могла не возразить.

– Люди хотят построить мост сами. Им не нужно, чтобы Корпус мира или Инженерный корпус делали это за них. В противном случае я давно попросила бы правительство США о помощи. Им нужен человек, который сконструировал бы мост и руководил работами, а строить его они собираются своими руками. Только тогда мост будет действительно принадлежать им, и они смогут гордиться этим творением. Они не ощущают себя беспомощными, недоразвитыми детьми, как со всей очевидностью полагаете вы.

– Я не говорил...

– Более того, мост необходим нам сейчас. И вы сейчас здесь. Если мы вас отпустим, то никогда больше не увидим и ничего о вас не услышим.

Он вскочил на ноги и тут же поморщился от боли, потому что забылся и оперся на раненую ногу.

– Как ты смеешь сомневаться в моей честности, когда сама нарушала данное мне слово столько раз, что я уже и со счета сбился?

– Я никогда не нарушала своего слова, – возразила она, решительно тряхнув головой.

– В таком случае напоминай мне, чтобы я всякий раз требовал от тебя честного слова. Потому что до сего времени я наблюдал за тобой ярко выраженную склонность к хитрости и откровенному вранью.

– Это потому, что я в отчаянии.

– Ну так ведь и я тоже. Я в отчаянии, ибо желаю обратиться отсюда ко всем чертям.

– Так вы отказываетесь?

– Дьявольски точно подмечено. Мне обычно платят за постройку мостов и всего остального. Почему ты считаешь, что и я должен разделить твое чувство ответственности за деревню?

– Из соображений простой порядочности.

– Простой порядочностью сыт не будешь. Я годы бился, чтобы сделать мое дело доходным. На данном этапе одна из самых крупных корпораций в мире обхаживает меня в надежде заполучить. Я не собираюсь упускать такую возможность ради того, чтобы остаться здесь и возводить этот жалкий мостик.

Синие глаза Шанталь опасно сузились.

– Значит, вы отказываетесь только потому, что мы не в состоянии заплатить вам? Ох уж эти мне капиталисты!

Скаут снова пригладил волосы и шумно выдохнул.

– Нет, дело не только в деньгах. Не такой уж я мерзавец.

– Но что-то вроде этого...

Он сердито взглянул на нее.

– Ну и кто кого теперь оскорбляет?

– Тогда в чем дело, Скаут? Почему бы вам не помочь им? –

Она развела руки, словно обнимая всю деревню.

– Ладно, я скажу тебе, в чем дело, – согласился он, подступив к ней на шаг ближе. – Где-то там наверху, – сказал он,

показывая на горы, – сидит старый француз, позволяющий своей дочери соблазнять и похищать простаков вроде меня, причем под дулом пистолета. Одна мысль об общем деле с таким лунатиком делает меня нервным, не говоря уже о том, что названная дочка – знахарка, врунья и к тому же имеет дело с наркотиками. Далее, в спину мне дышит действующий вулкан, который в любую минуту сможет уничтожить построенный мною мост, хотя вся эта затея изначально обречена на провал, учитывая отсутствие необходимых стройматериалов и квалифицированной рабочей силы. Ко всему прочему, я буду вынужден питаться бульоном из конины и есть рыбу на завтрак, а в ноге у меня дырка от пули и она чертовски сильно болит.

С каждым словом он все больше заводился и последнюю фразу почти выкрикивал, что насторожило внимательного Джонни, и мальчик озабоченно нахмурился. Но Шанталь оставалась спокойной и не отводила от Скаута внимательно-го, немигающего взгляда.

Выругавшись, он отвернулся, потом снова взглянул на нее.

– Слушай, Шанталь, ты мужественная женщина. Как всякий человек я ценю то, что ты уже сделала для деревни некоторое время назад и что собираешься совершить, заботясь об ее будущем. В наше время такое самопожертвование редкость. Я вижу и то, что вам необходим другой мост, получше, но я тут не гожусь. Ты вынуждаешь меня говорить без оби-

няков. – Он сделал паузу, глубоко вздохнул, вяло ей улыбнулся и закончил: – Понимаешь, меня это не касается, это не моя задача.

Она молча отвернулась и сделала знак мужчинам, стоявшим по обоим концам моста. Те зажгли факелы, которые уже держали наготове. Когда все факелы разгорелись, они поднесли пламя к потертым веревкам. Старая пенька и дерево вспыхнули в ту же секунду.

Скаут вскрикнул от ярости и изумления. Повернувшись к нему, Шанталь заметила с милой улыбкой:

– Теперь это и ваша личная задача.

6

– Ты что, совсем спятила? – Скаут, прыгая на одной ноге, поспешил к горящему мосту. – Поверить невозможно, – воскликнул он, забыв про рану и хлопнув себя руками по бедрам. – Вы все тут психи.

От огня шел сильный жар. Гудя, пламя посылало на них вполне ощутимые волны горячего воздуха. Но, загоревшись в один момент, огонь так же быстро и погас, справившись с мостом меньше чем за минуту. Обгорелые головешки плавно падали в ущелье, с шипением ныряя в ручей и поднимая облака пара.

Жители деревни восторженно выкрикивали, ликуя, ибо для них сожжение старого моста означало обещание, что скоро будет построен новый, по которому не так опасно будет ходить. Они принялись праздновать событие всерьез, начали петь и плясать. Послышалась веселая дробь барабанов.

Скаут, не обращая внимания ни на что, за исключением дымившихся обломков моста, повернулся к Шанталь. Он сорвал с шеи цветочные гирлянды и швырнул их на землю. Его глаза горели не менее ярко, чем пламя, поглотившее мост.

– Я тебя убью!

Морщась от боли, он начал приближаться к Шанталь. Свою угрозу он произнес с такой яростью и так убедительно, что Шанталь ощутила страх, решив, что он выполнит

свое обещание. Однако, когда он потянулся к ее горлу, кто-то схватил его за руки и заломил их за спину.

– Отпусти меня! – в бешенстве закричал Скаут и оглянулся.

– Он тебя обидел, Шанталь? – Мускулистый юноша метнулся к Шанталь, в то время как двое других, столь же мускулистых, удерживали Скаута.

– Нет, Андре.

– Ах, Андре?! – передразнил Скаут, пытаясь вырваться. – Когда я покончу с ней, придет очередь и до тебя.

– Не беспокойся, – заверила она Андре. – Он немного расстроился, только и всего. Ведь мы сожгли мост и отрезали ему пути к бегству.

– Немного расстроился? – проревел Скаут, пытаясь вырваться от державших его мужчин. – Это даже близко не подходит к характеристике моего настроения, принцесса. Когда я доберусь до тебя, я тебя убью.

– Хочешь, мы его стукнем, чтобы он опять потерял сознание? – предложил Андре.

– Нет! – воскликнула Шанталь, хватая его за руку. – Пусть он смирится с мыслью, что у него нет другого выхода, кроме как построить новый мост.

Скаут внимательно приглядывался к Андре.

– Я тебя знаю?

– Я работал на строительстве гостиницы.

– Да, теперь припоминаю. Ты был надежным, сильным

работником, но дисциплина у тебя хромала. – Скаут фыркнул. – Неудивительно, ведь ты всего лишь играл роль ее лакея и шпиона.

Андре рванулся к Скауту, но Шанталь снова удержала его. Обратившись к Скауту, она сказала:

– Вам лучше подружиться с Андре. Он пригодится вам, когда вы начнете строить мост.

Скаут смачно высказал непристойное соображение относительно Шанталь и ее моста. На этот раз Шанталь оказалась недостаточно быстрой. Прежде чем она успела остановить Андре, он заехал Скауту прямо в зубы. Скаут, которому бешенство придало сил, умудрился высвободить руки. В ответ он нанес Андре прямой удар в челюсть, разорвав ему кожу на подбородке.

– Прекратите! – Шанталь встала между ними. – Прекратите немедленно! Вы что, хотите, чтобы люди увидели, как вы деретесь? Сегодня у нас праздник. Я не хочу, чтобы вы своим мужским самолюбием все испортили. Джонни! – звала она.

Мальчонка подбежал к Скауту и положил его руку себе на плечо. Шанталь подбородком показала на дом на холме. Скаут кипел, но лицо его осунулось и побелело от боли. Он неохотно оперся на Джонни и нехотя начал взбираться по пологому откосу.

Шанталь смотрела им вслед. К ее удивлению, Андре схватил ее за руку. Он никогда раньше не прикасался к ней, рав-

но как никогда раньше не смотрел на нее таким жестким взглядом.

– Он представляет опасность. Мне кажется, он не должен оставаться в твоём доме.

Она высвободила руку.

– Придется. Мне надо обрабатывать его рану. Если она загноится, он ничем не сможет нам помочь. Не надо за меня бояться. Он рычит, но не кусается.

Андре не отреагировал на ее попытку отшутиться и продолжал смотреть на Шанталь немигающим взглядом угольно-черных глаз, в которых вдруг вспыхнула ненависть, когда он перевел взгляд на поднимавшегося в гору Скаута. Затем он молча повернулся и сделал знак своим приятелям следовать за белым и мальчуганом.

Шанталь устало вздохнула. Они с Андре раньше никогда не спорили. Почему же сейчас, когда ей совсем не нужны дополнительные осложнения, он начал демонстрировать характер?

Когда она добралась до дому, Скаут уже сидел на постели и разматывал бинты. Джонни с грустью наблюдал за ним. Шанталь быстро что-то сказала ему, и он кинулся выполнять приказание.

Она отвела руки Скаута от раны и осмотрела шов.

– Кое-где лопнуло во время вашей смехотворной потасовки.

– Ее начал твой домашний пес.

Вернулся Джонни с графином коньяка. Шанталь налила изрядную порцию в стакан и протянула Скауту.

– Нет уж, спасибочки! Не желаю проспять остаток недели.

– Здесь только коньяк. Вы же видели, как я наливала.

– Откуда мне знать, что ты не сдобрила своим зельем всю бутылку?

Она поднесла стакан к губам и осушила его. Затем налила снова и протянула ему. Он взял и выпил так же решительно, как и она.

– Спасибо, – прохрипел он. Высунув язык, он осторожно исследовал кровоточащую ранку на распухшей губе.

– Взрослые люди, – укоризненно заговорила Шанталь, – а размахивают кулаками. – Она смочила конец салфетки в тазике с водой, стоявшем на прикроватном столике, и вытерла кровь с его губы.

– Ох, черт! Прекрати.

– Надо чем-то смазать.

– Обойдусь.

– Может загноиться.

Скаут взял графин и налил себе еще порцию коньяка. Прежде чем выпить, он обмакнул палец в жидкость и провел им по кровоточащей губе. От этой процедуры из глаз его потекли слезы.

– Считай, что дезинфекция произведена.

– Прекрасно. Но мне придется сделать здесь еще один стежок...

– Больше тебе до меня не добраться, лекарша Дюпон, так что забудь об этом. Положусь-ка я лучше на свое крепкое здоровье и способность человеческого тела к самозаживлению.

– Похоже, у вас температура. Наверное, вам лучше лечь.

– Наверное, тебе лучше бросить изображать заботу и поведать мне, где он.

– Вы о чем?

– Другой путь из деревни. – Скаут поставил стакан и с трудом встал на ноги. – Потому что даже ты не настолько чокнутая, чтобы отрезать единственный путь из деревни к остальной части острова.

– Я не знаю, с чего вы взяли...

Он схватил ее за плечи и с силой тряхнул. Ее руки уперлись в его голую грудь. Так они стояли, глядя друг другу в глаза с неприкрытой враждебностью. Джонни издал беспокойный, испуганный звук, который привел обоих взрослых в чувство.

Шанталь отступила назад, пробормотала что-то успокаивающее мальчику и погладила его по щеке. Джонни попрощался со Скаутом и вышел из комнаты.

– Я жду, – напряженным голосом произнес Скаут, когда Джонни исчез за дверью.

Шанталь сняла соломенную шляпу и тряхнула тяжелой гривой волос.

– Есть тропинка, которая извивается по краю ущелья, ве-

дя вниз вдоль одного склона и вверх вдоль другого. Но чтобы по ней пройти, понадобится почти час, не говоря уже о том, что предстоит пересекать ручей. С вашей раной вам потребуется вчетверо больше времени, если вы вообще справитесь. И потом, вам неизвестно, где эта тропинка. Так что смиритесь с мыслью, что придется построить новый мост...

Он оценивающе взглянул на нее.

– Или? – мягко спросил он.

Она удивилась и спросила:

– Что вы хотите сказать этим «или»?

– Именно то, что говорю. – Он обхватил ее рукой за шею и упал на подушку, притягивая к себе. Его руки сомкнулись на ее талии.

– Чем больше я думаю о том, чтобы застрять здесь, тем больше мне нравится эта идея, – прошептал он, почти касаясь ее губ. – Какой мужчина не сочтет это раем? Я могу наслаждаться тем, что ты продемонстрировала в ту ночь. – Он крепко поцеловал ее и пробежал пальцами по спине до ягодиц и обратно. – Если тебя как следует подзавести, готов поклясться, что в постели ты настоящая тигрица. Андре, вероятно, может это подтвердить. Разве не из ревности он полез на меня с кулаками? Ему не понравилась мысль, что я сумею проникнуть туда, где он уже однажды побывал, а? Разумеется, ему не о чем беспокоиться. Когда ты надоешь мне, я верну ему тебя. А сам выберу себе красотку в деревне, из тех, что вешались мне на шею сегодня. Мне не придется больше

работать ни одного дня в жизни, не придется снова напяливать галстук и злиться, попав в пробки на дорогах в часы пик.

Он подтянул ее тело повыше, плотнее прижал к себе и положил руки ей на ягодицы.

– Сама подумай, принцесса, зачем мне трудиться и строить мост, когда, чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится мысль просто валяться здесь и толстеть от лени, как твой папаша.

Его насмешка показалась Шанталь оскорбительной. В этот момент ей захотелось вонзить нож в его сердце. Но вместо этого она коленом двинула по его раненой ноге. Когда Скаут дернулся от боли, она высвободилась из его объятий, предоставив ему лежать в одиночестве.

– Вы переутомились в это утро, – холодно заметила она. – Я пришлю Джонни с обедом. После этого, полагаю, вам следует отдохнуть.

Закрыв за собой дверь и прислонившись к ней спиной, она позволила себе разрыдаться. Он чудовищно обидел ее, достал до самого нутра, поразил в самое больное место. Отвечать ему означало снабдить его оружием, которым он в любой момент сумеет воспользоваться. Нет, она скорее умрет, чем позволит ему узнать, насколько жестоко он только что обошелся с ней.

Прошло несколько часов, прежде чем она снова вошла в комнату.

Скаут сидел на постели, положив на колени блокнот. Он поднял голову только после того, как закончил что-то писать. При виде Шанталь он рот разинул от изумления: она стояла на пороге в бикини.

Она не заметила его удивления, ибо сама была не меньше потрясена. Всюду на полу были разбросаны скомканные клочки бумаги.

– Джонни все потом соберет, – проговорил Скаут, заставив Шанталь взглянуть на него.

– Что это вы делаете?

– Черчу.

– Что чертите?

Скауту с трудом удавалось смотреть ей в лицо. Когда она вошла в комнату и он увидел ее живот, он обомлел. Его словно парализовало при виде ее бедер и груди, обтянутой бюстгальтером от бикини.

– Разные идеи, – неестественным голосом произнес он, ощущая совершенно определенную реакцию в паху.

Шанталь взглянула на верхний листок блокнота.

– Это же мост! – шепотом воскликнула она.

– Разумеется, это он. Ты же притащила меня сюда строить мост, не так ли? Или ты передумала?

– Нет, но вы определенно передумали. – Негодующе взирая на него, она полюбопытствовала: – Мне чувствовать себя оскорбленной или польщенной, что вы больше не намерены превратить меня в свою шлюху?

Он шумно выдохнул, будто она ударила его под дых.

– Наверное, я заслужил этот упрек.

– А вместе с ним и кое-что еще.

Отложив блокнот и карандаш, он взглянул на нее.

– Шанталь, в тот момент за меня говорили гнев и досада. Я не такой. Я... в последние пару дней мне ведь нелегко приходилось, верно? Я чувствовал обиду и...

– Ненависть.

– Верно, ненависть, – признался он. – Я и ударил там, где, как мне показалось, будет всего больнее.

– Вы проявили прозорливость, мистер Ритленд, и должна сказать, что все, что вы говорили, и самый ваш тон заслуживают презрения.

– Снова мистер Ритленд?

– Пока да.

– Может, сменишь гнев на милость, если я познакомлю тебя с некоторыми идеями? Я тут кое-что придумал. Я попросил Джонни принести мне блокнот и карандаш из кабинета Джорджа. Ты не возражаешь, если я буду называть его Джорджем? Тут всего лишь наброски...

– Почему вы занялись этим?

Он резко поднял голову.

– Мне казалось, ты этого хотела.

– Хотела. Но вы сдались так внезапно. Почему?

Ему еще не приходилось встречаться с такой дотошной заказчицей. Он из кожи вон лезет, делает то, о чем она про-

сила, а она все еще требует объяснений.

– Ты не поверишь, но меня многие любят, – сказал он. – Мои деловые отношения с людьми складывались в общем и целом весьма дружелюбно. Я по возможности стараюсь избегать конфликтов и сегодня утром дрался впервые после окончания школы, – добавил он, дотрагиваясь языком до ранки на губе.

– Мне жаль, что Андре вас ударил, хотя вы это заслужили, произнеся при мне те грязные слова.

– Меня здорово спровоцировали, Шанталь, – мягко напомнил он ей.

Ее голос был так же негромок.

– И что заставило вас изменить своему решению?

– Я начал казаться себе эгоистом. Мне в последнее время везло. – Он пожал плечами. – Я подумал, может, мне стоит поделиться этим везением? Если я смогу помочь твоим людям, я это сделаю.

Чего он ей не сказал, так это то, что он неожиданно сообщил, что со дня открытия гостиницы прошла целая неделя. Значит, неделей меньше осталось и до его свадьбы. Дженнифер ждет, что он скоро вернется домой, хотя он никогда не называл точкой даты своего возвращения. Но он понимал, что, если она ничего не услышит от него в какой-то обозримый отрезок времени, она начнет с ума сходить.

Возможно, она сумеет понять его желание поохотиться, порыбачить, посмотреть остров. Но если в качестве объяс-

нений он поведает ей, что застрял в отдаленной деревне под одной крышей с женщиной, которая выглядит как Шанталь, то, пожалуй, глупо будет надеяться, что его невеста оставит эти подробности без внимания. Это будет уже слишком.

В любом случае ему не следует задерживаться. Чем скорее он построит этот чертов мост, тем скорее сможет убраться отсюда. Шанталь явно не собиралась идти на компромиссы. Пока что ей удавалось его перехитрить. Он решил, что необходимо выработать другую тактику. Она стояла подле со скептическим выражением лица, скрестив руки на голом животe.

– Это очень мило с вашей стороны, мистер Ритленд.

– Ты мне не веришь?

– Нет, – откровенно призналась она. – Но причины, по которым вы согласились работать, не имеют значения. Лишь бы построить мост. Вы не хотели бы немного прогуляться?

– А ты не хочешь взглянуть, что я тут напридумывал? – Его беспокоило отсутствие энтузиазма с ее стороны. Он ожидал удивления, благодарности, всего, чего угодно, но не показного равнодушия.

– Со временем. Я полагаю, вам будет полезен свежий воздух. Пойдемте. Я кликну Джонни. Думаю, вдвоем мы сможем помочь вам доковылять до пляжа.

Продвижение было затруднительным и болезненным, но в конце концов троица достигла конца каменистой тропинки, спускавшейся от дома к пляжу. Скауту показалось даже,

что он и дальше сможет продвигаться без особых жалоб. Путешествие обеспечивало ему законное право касаться Шанталь. Когда она его поддерживала, рука его покоилась на ее талии. Он так толком и не понял, отчего у него кружится голова – от долгого лежания в постели без движения, от жаркого солнца или от вида ее соблазнительного бюста, которым он мог любоваться при ходьбе в исключительно выгодном для него ракурсе.

– Посидите-ка в этом озерке. Соленая вода пойдет на пользу вашей ране.

Он с сомнением смотрел на маленькую лужицу, но все же послушно залез и сел в воду. Как только нога его оказалась под водой, он тут же вытащил ее.

– Горячая и щиплет.

– Перестаньте ныть, – укоризненно проговорила она и подтолкнула его ногу к воде.

Пейзаж вокруг сгодился бы для любого путеводителя. Песок цветом и на ощупь напоминал сахар, а море было аквамариновым. Белые пенящиеся волны набегали на берег и отступали, оставляя на песке искрящуюся пену. Несколько мужчин из деревни ловили рыбу с помощью копий. Женщины и дети резвились в полосе прибоя. Абсолютно все были почти голые, на теле ничего – за исключением тропической разновидности крошечных плавок. Никто, кроме Скаута, не обращал на это внимания. Даже при таком изобилии обнаженной природы бедняга глаз не мог отвести от женщины, на

которой было надето больше, чем на всех. Он пожирал глазами Шанталь, игравшую в волнах с Джонни. От одного ее вида – темные волосы прилипли к спине, на атласной коже капельки воды, глаза сияют от удовольствия – у него перехватило дыхание. Когда она выходила из воды, он мгновенно вспомнил, как давно не был с женщиной. Он порадовался, что сидит по пояс в воде.

– Ну и как? – удивила она его своим вопросом, присаживаясь рядом на песок. – Я вижу, тут слегка воспалилось.

Он откашлялся.

– Простите?

– Я про губу. – Она слегка коснулась его губы прохладным влажным пальцем.

Мускулы его живота дрогнули и сжались.

– Все нормально.

– А как рана? Теплая соленая вода помогает? – Она слизнула морскую соль с губ, и его сердце сделало сальто в груди.

– Да, эта ванна здорово помогла.

– Прекрасно. Я так и думала. – Собрав волосы в кулак, она отжала воду и перекинула свою гриву через плечо.

– Знаешь, – сказал он, с трудом отведя взгляд от ручейков, сбегавших по ее животу и исчезающих за кромкой треугольника между ее бедрами, – у меня сложилось впечатление, что я сегодня – объект для развлечений.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну, каждый раз, когда кто-то из них смотрит в мою сто-

рону, они начинают хихикать. К моей волосатой груди они вроде бы должны уже привыкнуть.

Шанталь опустила глаза. Он заметил, как ее мокрые ресницы темными стрелочками легли на щеки.

– Они вовсе в вас не находят ничего смешного. Они хихикают надо мной.

– Над тобой? А в тебе что смешного?

– Не смешного. Просто появилась разница.

– Какая разница?

Она быстро взглянула на него и отвернулась.

– Они не привыкли видеть меня на пляже в... бюстгалтере.

Взгляд Скаута мгновенно опустился ей на грудь. Он впервые заметил, что верх бикини совершенно новый и не выцвел в отличие от трусиков. Вряд ли она его вообще когда-либо надевала.

Для такой стройной женщины у Шанталь была полная, великолепная грудь. Соски просвечивали сквозь синюю ткань. Он вспомнил, какими отзывчивыми они были, реагируя на прикосновения его пальцев, и представил себе, каковы они будут, если ласкать их языком. Эта мысль сопровождалась всплеском желания.

– Пожалуйста, не меняйте своих привычек ради меня.

Он медленно поднял взор и заглянул ей в глаза, которые сияли, как солнце над водами океана. Несколько томительных мгновений их глаза сообщали друг другу, что испыты-

вают их тела. Скаут машинально протянул руку и взял Шанталь за запястье. Большой палец нащупал ее пульс. Он не удивился, что сердце ее бьется в таком же стремительном темпе, как и у него самого.

– Пожалуйста, а? – тихо взмолился он.

С ее уст слетел слабый стон, но она вырвала руку из его пальцев.

– Будь вы европейцем, возможно. Но, по вашему собственному признанию, у американских мужчин пунктик насчет груди. – Она неопределенно махнула рукой, словно прекращая этим жестом всяческую дискуссию. – Почему бы вам сейчас не показать мне свои наброски?

Он приказал своему телу расслабиться, но ему никак не хотелось позволить ей так легко от него отделаться. Он сорвал цветок гибискуса с росшего за ее спиной кустика. Затем, не сводя с ее лица ищущих глаз, он засунул стебель цветка в ложбинку между ее грудями, и лепестки закрыли гладкие округлости в вырезе лифчика.

– А теперь взглянем на наброски. – Он вовсе не собирался так переживать по поводу своей работы. Он хотел возбудить и взволновать ее, но это вышло ему боком. Получилось, что нервничает он сам.

Джонни захватил блокнот с собой и пристроил его на пляже, прижав камнем. Скауту пришлось повозиться с огромным валуном, но он сумел достать блокнот.

– Сначала я подумывал о подвесном мосте, вроде старого.

Но для него нужны тросы и опоры, так что с этим ничего не выйдет. – Он пролистал несколько страниц, перечеркнутых крест-накрест. – Арочный мост, – провозгласил он, постукивая пальцем по очередному рисунку. – Тривиально и надежно. Разве что мы находимся на острове, где ущелье, через которое нам предстоит перебросить мост, чересчур обрывистое, а избытка цемента не предвидится. – Итак, – продолжал он, – я вернулся к идее эстакады, заимствованной прямо из вестернов Джона Уэйна.

– А здесь можно построить такой?

Он поскреб в затылке и прищурился, глядя на океан.

– Не знаю, если...

– Что? – торопливо спросила она.

– Если у меня будут стройматериалы. – Он отложил блокнот и снова потянулся к ее руке. На этот раз он собирался ее утешить. Сжав ее руку в своих ладонях, он заглянул ей в глаза и серьезно сказал: – Шанталь, ты хочешь невозможного. Хотя я и согласился остаться и даже поразвлекся, обуюнный всякими идеями, я не могу этого сделать.

Она грациозно поднялась и протянула руку, помогая ему встать.

– Пошли.

– Куда? – Он обрадовался, что после принятой ванны его нога двигалась лучше, а боль уменьшилась. Однако он все еще не мог полностью опираться на ступню. Джонни подскокил к нему. – Спасибо, приятель. Дама требует, чтобы мы

следовали за ней.

Шанталь двинулась с пляжа, и озадаченный Скаут потащился следом. Она исчезла среди гигантских валунов, о которые с шумом бился прибой, рассыпая брызги во все стороны. Джонни повел Скаута через небольшую лужу, образованную между камнями приливом.

Когда они выбрались из затопленной расселины, то увидели Шанталь, свертывавшую огромную маскировочную сетку. Под ней были сложены стройматериалы, которые с лихвой заполнили бы складское помещение средних размеров. Мешки с цементом, уложенные штабелями так плотно, что хоть бункер устраивай, высились почти в человеческий рост, груды досок и бревен, и всевозможные электроинструменты – все вплоть до передвижного генератора. Мили стального кабеля, свернутого в кольца, подобно змеям, греющимся на солнце. Все было аккуратно сложено и накрыто водонепромокаемой пленкой.

У Скаута челюсть отвисла: на всех материалах четко выделялась красная метка, но и без нее он всегда узнал бы их.

– Так это... так это ты?.. – заикаясь, начал он.

– Все верно, – спокойно подтвердила Шанталь. – Я – тот самый негодяй, который вас обворовывал.

– Как тебе это удастся? – поинтересовался Скаут, запихивая в рот щепотку риса, взятую прямо пальцами из миски. Они ели, сидя на пляже, под открытым небом, и перед ними разворачивалась захватывающая дух панорама океана.

Шанталь заранее предупредила, что ножей-вилкой не подадут. Ему казалось, что с этим не возникнут проблемы, но пока что его пальцы плохо справлялись с поставленной задачей. Большая часть риса то и дело сыпалась к нему на колени.

– Меня научили есть таким способом еще до того, как я вообще увидела ложку или вилку. – Его тщетные усилия и откровенное огорчение забавляли Шанталь, и она веселилась от души.

– Так недолго и с голоду помереть.

– Хотите еще урок? – Отставив миску, она тщательно облизала каждый палец и повернулась к нему: – Бея хитрость в том, чтобы держать миску под подбородком поближе ко рту и плотнее сжимать рис пальцами. Отправьте в рот, что сумеете, и слизите остальное. Вот так.

Она захватила щепотку риса с кусочком жареной свинины и поднесла ему ко рту. Он съел и слизал остатки с ее пальцев. Шанталь следила за движением его губ и дивилась, как что-то столь невинное вызывает у нее такое чувство, словно она в невесомости. Когда язык Скаута коснулся кончиков ее

пальцев, она быстро отдернула руку.

– Думаю, теперь вы и сами сумеете...

– Я не справлюсь – еще не закончил тренировку.

Ее чувственность откликнулась на смешливую искорку, сверкнувшую в его глазах, но она честно сопротивлялась изо всех сил.

– Попробуйте обойтись без меня.

– Спасибо за урок по усвоению застольных манер, принятых на острове Пэрриш, – сказал он, продолжая уплетать угощение, – но когда я задал свой вопрос, то имел в виду воровство.

– Какое слово суровое.

– Приговор тоже был бы суровым, если бы тебя поймали.

– Но ведь этого не случилось.

– До настоящего момента. – Он настолько близко сдвинул брови, что между ними на переносице почти не оставалось просвета.

– Вы злитесь, потому что не сумели поймать меня. То, что меня никто не выследил, заботит вас больше, чем потеря материалов, верно?

Он расправил плечи и с воинственным видом повернулся к ней.

– Тебе известно, на сколько ты выставила «Рейнолдс групп»?

– Нет, но готова поспорить, что они и сами не знают, за исключением, возможно, бухгалтера, который заполнял за-

явки в страховое агентство. Он-то, уж наверное, может сказать, на какую сумму мы у вас натаскали, потому что ему все, до последнего пенни, возместило страховое агентство.

– Значит, ты выставила это агентство.

– Как вы думаете, сколько ежегодно «Рейнолдс групп» платит по страховкам? То, что я взяла, лишь крошечная доля от этой суммы. Так что никто не в убытке.

Скаут, потрясенный, покачал головой.

– Знаешь, что самое удивительное? Я не сомневаюсь в том, что ты действительно веришь сказанному тобой же. Для тебя подобная логика не лишена смысла.

– Правильно. Она абсолютно осмысленна. Кроме того, скорее всего вам эти материалы и не понадобились бы. Я уверена, вы заказывали с избытком. Ведь так надежнее, к чему рисковать, а что, если вдруг чего-то не хватит в разгар работ, особенно если учесть, что все стройматериалы доставлялись морем. Я даже сэкономила вам расходы по отправке этих избытков назад в Штаты и одновременно смогу использовать их в благих целях.

– Значит, ты считаешь, что можно красть, если материалы вам нужны, а нам нет?

Она задрожала от обиды.

– Неужели вы считаете, что я пойду на воровство, если у меня нет в этом нужды?

Голова Скаута опустилась на грудь так резко, будто у него сломалась шея.

– Легче с каменной стеной разговаривать, – пробубнил он.
– Взбодритесь. Вот и десерт несут!

Все население деревни собралось, чтобы отпраздновать предстоящее строительство моста. Люди веселились от души, как заметила Шанталь. Все, кроме Андре, сидевшего в сторонке с чашкой коварного напитка. Несколько раз за вечер она поймала взгляд Андре, брошенный на Скаута: в нем читались ненависть и злоба.

Андре слыл самым сильным юношей в деревне. Он был образованнее остальных, и Джордж Дюпон заметил смысленного паренька, постарался, чтобы тот получил образование в американской школе. Андре с великой неохотой оставил деревню, но учился он прекрасно. Дюпоны привыкли поручать ему задания, с которыми не справились бы менее развитые жители деревни. Он часто служил курьером и бывал на другой части острова, так как хорошо говорил по-английски и мог свободно общаться, если требовалось. Посему вполне естественно, что именно его выбрали на роль шпиона и отрядили на строительство курортного комплекса.

Шанталь жалела, что Андре изменил свое отношение к Скауту. Это произошло лишь после похищения. До этого Андре отзывался об инженере хорошо, считая его строгим, но справедливым начальником. Он заверил Шанталь и ее отца, что мистер Ритленд, бесспорно, самый подходящий человек, чтобы руководить строительством моста.

Шанталь удивляло, почему отношение Андре к Скауту

так резко изменилось к худшему. Предположение Скаута, что он ревнует ее, безусловно, нелепо. Они выросли вместе, играли детьми. Андре никогда не проявлял никаких романтических чувств в адрес Шанталь. К тому же он мог выбрать любую из деревенских невест – ему не отказала бы ни одна. Неприязнь, возникшая между мужчинами, беспокоила ее не столько потому, что она не выносила дисгармонии вокруг себя, но в основном потому, что им предстоит трудиться бок о бок на строительстве моста, работать в одной упряжке, но никак не в соперничестве друг с другом. Получалось так, что, о чем бы она ни подумала, мысли ее всегда возвращались к этому мосту.

Скаут продолжал делать вид, что у него нет готового плана, и отказывался обсуждать проект, пока все как следует не продумает. Как бы она на него ни давила, он упорно молчал с той поры, когда выяснилось, что именно она является тем неуловимым воришкой, который грабил их стройку. А ей хотелось; чтобы работы начались как можно скорее. Что, если он удерет и оставит их с недоделанным мостом? Ведь ему надо вернуться в Штаты, чтобы успеть к свадьбе? Она не сможет удерживать его бесконечно. Когда приблизится срок, ей придется спросить свою совесть, ради кого она удерживает Скаута: ради жителей деревни или ради себя. Несмотря на их постоянные ссоры, ее радовало его присутствие.

Разглядывая его сейчас, она любовалась отсветами факелов на его лице и в прядях волос.

– Потрясающе, – констатировал он и, не стесняясь, слизал липкую массу с пальцев. – Что это нам подали?

– Что-то вроде пудинга. Точнее, густое пюре из фруктов и тертый кокос, приправленные козьим молоком.

Он перестал есть и с отвращением взглянул на мелкую мисочку, которую за секунду до этого тщательно опорожнял. Рассмеявшись, Шанталь сказала:

– Не надо мне было говорить, что это, и портить вам удовольствие. Ну, пожалуйста, улыбнитесь. Марго приготовила это специально для вас.

– Кто такая Марго?

– Вон та. Которая ломает руки в тревоге, глядя в нашу сторону.

Скаут последовал за взглядом Шанталь и увидел девушку. Он высоко поднял пустую мисочку и удовлетворенно потер живот. Озабоченное личико девушки расцвело радостной улыбкой.

– Сколько ей лет?

– Восемнадцать и все еще не замужем. Старая дева.

– Я иначе представляю себе старых дев, – заметил Скаут, явно одобряя красоту полинезийки.

– Она очень красивая, верно, – согласилась Шанталь. – И очень разборчивая, все цену себе никак не назначит. Ее родители ждут не дождутся, когда она выйдет замуж. Им хочется уберечь ее.

– От кого?

– От мужчин, приезжающих на остров из-за океана, – медленно проговорила она, отворачиваясь. – Они обычно относятся к нашим девушкам как к живому товару. Такие, как Марго, и становятся их добычей. Иностранцы их соблазняют. Когда же им надоедают эти бедняжки, тем обычно уже ничего не остается, кроме как работать проститутками в барах на побережье или у военных баз.

Радостное настроение Скаута вмиг улетучилось.

– Ты хочешь сказать, всего одна ошибка, в которой она, возможно, будет не виновата, и жизнь ее испорчена навсегда? Да это ведь несправедливо?!

– Для здешних людей по-прежнему очень важно, чтобы невеста была девственницей.

Голос Грома словно выбрал момент: сопровождая слова Шанталь, вулкан отрыгнул столб дыма. Ночь осветилась красным заревом. Земля задрожала. Послышался грохот, напоминающий удар грома и раскатившийся эхом в окрестных горах.

Скаут вскочил на ноги, забыв о своей больной ноге. А местные жители отреагировали радостными криками. Барабаны начали отбивать стремительную ритуальную дробь. Из рук в руки люди передавали кувшины с пьянящим напитком, к которым с небывалым энтузиазмом прикладывались все.

Скаут выпил содержимое своей чашки и опустился на циновку рядом с Шанталь. Он жестом показал на разбушевавшийся кратер и поднимающийся над ним столб дыма.

– Ты уверена, что знаешь, о чем говоришь?

– Уверена. Мой отец изучал этот вулкан всю свою жизнь, а затем мы вместе исследовали его. Он вот-вот начнет извергаться, но ничего разрушительного не произойдет. Верьте мне. Если это вам трудно, то поверьте моему отцу. В мире мало специалистов такого класса.

– И он сейчас там, наверху? Когда такое происходит? Он не боится, что окажется в западне, когда вулкан начнет извергаться?

Она с безразличием взглянула на гору.

– Да, он там, наверху. Но нет, вулкана он не боится.

Скаут взял ее за подбородок и развернул лицом к себе. Его глаза внимательно изучали ее.

– Мне кажется, ты и сама наполовину язычница, Шанталь Дюпон.

Она таинственно улыбнулась:

– Эта культура манит и притягивает, верно?

– Есть свои положительные стороны...

Он взглянул ниже, на ее узенький бюстгальтер без бретелек, дополнявший наряд из саронга. Между двумя кусками ткани оставалась широкая полоса гладкой, загорелой кожи, от которой Скаут не мог отвести взгляда. Шанталь ощутила неловкость.

– Перестаньте глазеть на меня!

– Больше всего на свете обожаю пупки, – внезапно осипшим голосом заметил он.

– Тогда вы наверняка получите удовольствие от следующей церемонии праздника. – Она попыталась переключить его внимание и указала на группу молоденьких девушек, среди которых была и Марго. – Сейчас они станцуют для вас. Постарайтесь сделать вид, что вам понравилось.

– Мне и стараться не придется.

Танцовщицы задвигались в такт барабанам. Их босые ноги переступали по песку. В свете факелов вращались бедра. Покачиваясь, они словно бросали вызов природе. Натренированные мускулы гладких животов перекачивались, словно волны, опадая и вздымаясь в такт движениям бедер. Над покачивавшимися головами плыли корзины с цветами и фруктами.

– Они приносят подношение вулкану, – пояснила Шанталь.

– Я-то полагал, что туда принято швырять девственницу, – пошутил Скаут.

– Так было. – Он перевел взгляд с обнаженных по пояс танцовщиц на Шанталь и внимательно всмотрелся в ее лицо, чтобы понять, не шутит ли она. Нет, она не шутила. – Это одна из уступок здешних жителей христианству.

– Повезло девственницам, – пробормотал Скаут. Взглянув на кратер уже с большим уважением, он отсалютовал ему своей чашкой и отпил еще глоток.

– У вас вырабатывается привычка к нашим напиткам.

Он взмахнул рукой, державшей чашку, и покачал головой.

– Ну не совсем. Пара глотков этого зелья, и создается впечатление, будто в мозгу у тебя несется с ревом скорый поезд.

– Тогда зачем вы пьете?

– Потому что скорых поездов я боюсь куда меньше, чем вулканов. – Он слабо улыбнулся, а сердце Шанталь забилося так бешено, словно и она участвовала в танце.

Когда он не хмурился и не ухмылялся, лицо его становилось очень приятным, надо признать. В последнее время она часто пыталась представить себе, как бы сложилась ее жизнь, повстречай она Скаута на материке. Изменилась бы ее судьба? Вне всякого сомнения, их потянуло бы друг к другу. Но полюбили бы они, поженились бы, нарожали бы детей?

Подобные мечтания не приносили ей радости, напротив – одну лишь боль, потому что не его она встретила тогда в Калифорнии, а совсем другого мужчину. Однако, если бы она подарила свою любовь невинной девушки Скауту, результат, скорее всего, был бы таким же. В том мире ничто не изменило бы того факта, что она – островитянка. Ни дипломы колледжа, ни ее профессиональное признание не могли бы изменить этого.

Неожиданно грохот барабанов смолк. Казалось, что наступившую тишину можно пощупать рукой. Танцовщицы замерли на несколько мгновений, подобно статуэткам, а зрители, и особенно Скаут, затаили дыхание. Затем девушки пришли в движение, словно ожившие статуи, и направились к своим семьям.

В этой атмосфере торжественной таинственности невозможно было говорить громко, и Скаут, наклонившись к Шанталь, шепотом полюбопытствовал:

– А что сейчас будет?

Его близкое дыхание напомнило ей о морском ветерке, так приятно было ощущать его на своей коже. Ночь была необыкновенно теплой, особенно после извержения вулкана. По щеке Скаута от виска стекала струйка пота.

– Они сейчас станцуют совсем другой танец. Только молодые незамужние девушки могут принять в нем участие.

– Почему?

– Потому что его цель – привлечь внимание неженатых мужчин.

– В самом деле? Так что же ты не танцуешь?

– А я не намерена никого завлекать.

Он окинул ее долгим взглядом и на несколько мгновений задержал взор на ее груди.

– А так ли это?

Внутри у Шанталь все пылало и трепетало, как в жерле вулкана, но она старалась оставаться невозмутимой, следя за тем, чтобы голос не выдал ее состояния.

– Если бы я сбросила бюстгальтер и станцевала этот древний ритуальный танец, тогда вы могли бы узнать, что я желаю привлечь ваше внимание.

– Было бы не трудно догадаться, это верно.

– Но я этого не сделаю. Так что не смейте думать обо мне

в этом смысле.

Он коротко хохотнул и слегка коснулся указательным пальцем ее живота.

– Это невозможно.

Но тут вновь зазвучали барабаны, и она не расслышала его слов, но сумела прочесть по губам. Отчего и вышло еще двусмысленнее, с сексуальным намеком.

Она сделала вид, что любит танцовщицами, но на самом деле следила за Скаутом. Его рука лежала совсем близко, и он часто невзначай касался Шанталь. Она видела, как ветерок колышет его волосы. От порыва этого ветерка несколько прядей ее волос отлетели ему на лицо, коснувшись губ. Он не отмахнулся.

Скаут только однажды прокомментировал танец, хрипло проговорив:

– Бог мой, да они не оставляют никаких сомнений в своих намерениях.

Марго приблизилась к Андре и танцевала прямо перед ним. Ее бедра поднимались и опускались, делали завораживающие медленные вращательные движения, безупречные с хореографической точки зрения, но откровенно призывные. Андре наблюдал за девушкой затуманенным взором чуть прищуренных глаз, а его голая грудь вздымалась от взволнованного дыхания.

Руки и ноги извивались. Тела раскачивались. Груды и живот, теперь блестящие от пота, жаждали ласки любовника и

взывали к освежающим поцелуям.

Бой барабанов стал мощнее и громче, темп все убыстрялся. Казалось, он проникает в самое нутро слушателей и вслед ему рвутся те путы, которые сковывают человека, обрекая на пуританскую сдержанность.

Хотя Шанталь видела и ритуальные танцы с раннего детства, сегодня барабаны сообщали ей нечто иное, не то что всегда. Ей захотелось позволить своему телу делать то, чего оно жаждет, отпустить вожжи, расслабиться, раскачиваясь в такт эротичному ритму.

Жар заливал нижнюю часть ее тела, а барабаны приказывали вращать бедрами. Она ощутила, что тесный бюстгальтер мешает ей. Хотелось высвободить грудь, оголить ее перед небом, морем, вулканом и... мужчиной. Хотелось раскачивать головой, чтобы волосы метались по спине. Дыхание частыми толчками вырывалось из груди сквозь приоткрытые губы. Она чувствовала, что впадает в транс и с трудом поднимает веки. Сдавшись, она закрыла глаза, начав раскачиваться в такт музыке. Издав бешеное крещендо, барабаны внезапно умолкли.

Она поспешила открыть глаза. Скаут наклонился над ней совсем близко и смотрел на нее, а в его зрачках плясали горящие факелы и пылал пламень, сжигавший его самого. Лицо его блестело от пота. Капельки пота выступили и на шее. Ноздри слегка раздувались, и Шанталь внезапно осознала, что дыхание у него такое же прерывистое и учащенное, как

и у нее самой.

Неожиданно он положил руку ей на затылок и притянул ее голову к себе. Губы его с силой прижались к ее губам. Он поцеловал ее страстно, языком раздвинув ее губы. Пальцы одной руки распластались по ее затылку, а другой он придерживал Шанталь за подбородок так, чтобы голова ее чуть склонилась набок, ибо в таком положении ему было удобнее целовать ее. Шанталь снова и снова ощущала движения его языка. Рефлекторно руки ее начали искать опоры, и пальцы сами вцепились в шелковистую растительность на его груди, нащупав твердую плоть под ней.

Так же внезапно, как и приблизился к ней, Скаут отдернул голову и внимательно взгляделся в ее широко распахнутые глаза.

– Это должно случиться, – сказал он низким голосом. – Я обязательно буду в тебе. – Он отодвинулся на приличное расстояние, чтобы не привлекать взоры любопытных.

Эротичным танцем официальная часть праздника и закончилась. Как влюбленные во всем мире, молодые люди, пригласив избранных девушек, разбрелись по своим потайным местечкам. Старшее поколение семьями двинулось по домам, карабкаясь вверх по склону к своим хижинам. Факелы погасли, так что единственным освещением служила луна да зарево над вулканом, бросавшее на пляж сюрреалистические отсветы.

– Джонни? – тихо позвала Шанталь.

– Вот он. – Скаут обнаружил спящего мальчика свернувшимся в клубочек под пальмой. – Наверное, я его утомил сегодня.

– Жаль его будить.

– И не надо. – Скаут поймал Шанталь за руку, прежде чем она сделала шаг в сторону мальчонки. – Пусть спит. Я сам доберусь.

– Вы уверены?

– С твоей помощью.

– Разумеется.

Она обняла его одной рукой за талию, а он пристроил свою руку на ее плече. Уже привычным манером они осторожно двинулись через пляж к каменистой тропинке, ведущей к дому.

Песчаный берег отделяла от холма полоска растительности. Не успели они войти в пальмовую рощицу, как Скаут споткнулся обо что-то и свалился на землю, увлекая за собой Шанталь. Она упала на спину, приземлившись на густой настил из прохладных папоротников, а Скаут немедленно склонился над ней.

– Скаут... – выдохнула она, едва придя в себя от неожиданности. Первой ее заботой была его раненая нога. – Тебе больно? – Его ухмылка открыла ей правду. – Ты нарочно сделал это!

– Гм-м. – Он коснулся губами ее губ. Она попыталась оттолкнуть его. – Послушай, – прошипел он, заведя ее руки

над головой и прижав их к земле, – сколько бы ты ни отрицала это, ко я знаю, тебе нравятся мои поцелуи. Ты что, думаешь, мужчина инстинктивно не чувствует этого? Я знаю, ты хитростью заманила меня тогда на вечеринке, но ведь то, что случилось до выстрела, не было притворством, верно?

– Я...

– Нет, ты ответь!

Воля боролась в ней с желанием. Наконец глаза ее остановились на его великолепном, абсолютно мужском рте. Она молча покачала головой.

Часть напряжения ушла из его тела, и он поудобнее устроился подле Шанталь. Теперь он по очереди гладил ее губы большими пальцами рук.

– Я так не думаю. Ты тогда хотела, чтобы я тебя поцеловал, ты и сейчас хочешь, ведь так?

– Да, – нехотя призналась она. Затем, скользнув пальцами по его волосам, она повторила: – Да.

Губы их сомкнулись с такой же страстью, как и в первый раз, но этот поцелуй был мягче и глубже. Губы Шан-таль стали податливыми, а его язык вел себя смело, но не нахально, позволяя себе нежные прикосновения. Наконец он поднял голову, застонав от желания, а затем ткнулся лицом в ее шею. Осторожно зажав ее волосы в кулаках, он провел кончиками прядей по своим щекам. Шанталь выгнула шею, когда его губы принялись изыскивать наиболее чувствительные местечки. Проведя пальцами по ее груди, он сообщил:

– Никогда еще не приходилось касаться такой удивительно гладкой кожи, как у тебя.

Он умело расстегнул ей бюстгальтер и снял его. Шанталь, привыкшая ходить по пояс обнаженной, неожиданно застыла. Скаут отбросил в сторону скрывавшие грудь пряди ее волос и смог наконец увидеть ее тело в пятнах лунного света. Он пробормотал что-то одобрителное, накрыв одну грудь ладонью.

– Ты просто потрясающая. – Он сжал мягкую грудь, послушно менявшую форму под его рукой, а затем пальцем коснулся темной сердцевины, с интересом наблюдая за реакцией.

С каждым движением его пальцев лежавшая на примятом папоротнике Шанталь все выше выгибала спину. Ласки Скаута вызывали у нее незнакомое ощущение внизу живота, волнами разливавшееся по всему телу.

– У тебя песок на пальцах, – робея, пробормотала она шепотом.

– Прости. Тебе больно?

Она покачала головой. Ощущение песка на коже привносило какой-то дополнительный эффект от его ласки. Соски ее затвердели и стали болезненно чувствительными. Каждое прикосновение вызывало у нее легкий стон. Она уже думала, что желание ее достигло предела, как вдруг он осторожно дунул на ее грудь, чтобы избавиться от песка. Она мысленно выкрикнула его имя, но с губ ее слетела лишь хриплая моль-

ба. Он отреагировал мгновенно, охватив один сосок губами, и она ощутила всю безудержную силу его желания.

Шанталь крепко обхватила его твердую, мускулистую спину. Она даже не успела сообразить, что произошло, как он уже лежал на ней, ритмично двигая бедрами. Внезапно он снова приподнялся на локтях и взял ее лицо в свои ладони. Когда он опять припал к ней, чтобы поцеловать, соски ее, все еще влажные от ласк, уткнулись в густую растительность на его груди. И Скаут, и Шанталь одновременно застонали от наслаждения.

Она легко провела ногтями по его ребрам, добравшись до талии. Издав низкий горловой звук, он поймал одну ее руку и потянул вниз, вынудив ее пальцы охватить твердую выпуклость в его шортах.

Шанталь вздрогнула сначала от неожиданности, потом от восторга, а потом от испуга. Он что, жаждет таких интимных ласк от всех своих подружек? И от своей будущей жены? Или только от девушки с острова?

Она оттолкнула Скаута и выбралась из-под него одним сильным рывком. Когда он пришел в себя, она уже сидела, прислонившись к пальме, с трудом переводя дыхание и прикрыв ладонями обнаженную грудь.

– Что с тобой, черт побери? – с присвистом произнес он, моргая.

– Я должна была остановить это.

Он набрал полную грудь воздуха.

– Зачем?

– Потому что я предпочитаю не заниматься с вами любовью.

– Несколько минут назад ты предпочитала обратное. – Он пытался сдерживаться, чтобы не показать, насколько он взбешен.

– Мне очень жаль, – искренне прошептала она.

– Извинения на этот раз не пройдут, Шанталь. Ему от извинений не легче. – Для убедительности он положил ее ладонь себе на шорты.

Грубый жест взбесил и обидел ее.

– Как вы смеете!..

– Нет, как ты смеешь зайти так далеко и внезапно остановиться? – закричал он. – Что ты о себе воображаешь?

– А вы что обо мне воображаете? – огрызнулась она. – Местная девчонка, с которой можно позабавиться во время отпуска?

– Отпуска! – Он с трудом поднялся сначала на одно колено, потом на обе ноги. – Ты называешь отпуском похищение, рану и шантаж, направленный на то, чтобы заставить меня строить мост? Ты не находишь, что после всего, что ты со мной проделала, мне полагается компенсация?

Она прижала руки к груди, будто он и впрямь собирался ударить ее.

– Вы рассчитывали, что я поведу себя с вами как потаскуха, пока вы тут строите мост, я верно поняла? Мост взамен

неограниченного пользования моим телом?

Его неуважительное отношение оскорбило ее до глубины души. И глубоко ранило. А она-то уже успела подумать, что он – мужчина другого разряда, более порядочный, чем все встречавшиеся ей.

– Что ж, очень хорошо, мистер Ритленд. – Шанталь была раздавлена. – Я стану спать с вами, пока вы здесь, если это потребуется для того, чтобы у моих людей появился новый мост. Но, – добавила она, переводя дыхание, – каждый раз, когда вы будете пользоваться услугами моего тела, знайте, что единственная причина, по которой я уступила, именно в этом. Я буду ненавидеть и презирать вас. А поскольку я действительно считаю вас цельным человеком, я смею полагать, что впоследствии вы тоже станете ненавидеть и презирать себя. – Она смотрела прямо ему в лицо. – Вы этого хотите? Вам надобна шлюха, которая ценит вас более низко, чем вы ее?

Он с силой и со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы и прорычал:

– Убирайся ко всем чертям от меня подальше, пока я не воспользовался твоим щедрым предложением.

Шанталь сама не понимала, до какой степени она страшится его ответа и одновременно насколько он для нее важен, пока не услышала его последних слов. Напряжение оставило ее, она пришла в себя и с протянутыми руками подступила к нему.

– Я помогу вам добраться до дома.

Он оттолкнул ее.

– Я сказал, убирайся от меня ко всем чертям!

– Вы не сможете сами дойти до дома с такой ногой...

– Моя нога в данный момент, – перебил он ее, сделав ударение на первые два слова, – беспокоит меня меньше всего.

Они обменялись страстными и вместе с тем полными страдания взглядами, и Шанталь отвернулась. Она медленно поплелась по тропинке одна.

8

Утром, когда Шанталь варила кофе на кухне, в дверях появился, опираясь на импровизированный костыль, Скаут. Она сразу заметила, что он снял повязку. Шрам выделялся неровной ярко-розовой полосой, но припухлость вокруг значительно уменьшилась. Волосы у него были взлохмачены, а шорты измяты. Он еще не успел побриться, и было ясно, что ночь он провел на пляже. Он выглядел помятым и злым. И в то же время он показался ей удивительно мужественным и щемяще несчастным. Шанталь подивилась самой себе: как это она устояла и не отдалась ему прошлой ночью?

– Кофе готов? – сердито спросил он.

– Почти. – Она улыбнулась мальчику, который жался к Скауту, словно став его тенью. – Bonjour, Jean.

– Bonjour, – сонным голосом отозвался мальчуган.

Шанталь повернулась к плите, топившейся дровами, и устремила взгляд на синий в крапинку эмалированный кофейник. Такой допотопной посудине самое место в лачуге, где-нибудь в провинциальной Америке, а не рядом с изящным фарфором, вывезенным ее отцом из Франции.

Пока Скаут усаживался на стул, она налила ему кофе в одну из бесценных чашек. От предложений помощи она воздержалась, догадавшись, что ему это не понравится, и Скаут сам уселся на стул. Преданный Джонни тут же поставил

поближе костыль, прислонив к столу так, чтобы Скаут мог дотянуться.

– Откуда вы его взяли? – поинтересовалась Шанталь, подсаживаясь к столу со своей чашкой кофе.

– Сделал утром. Рано утром. Джонни притащил мне нож, когда я подыскал то, что требовалось. Это он помог мне отыскать подходящую крепкую палку. – Скаут улыбнулся мальчику, и в ответ тот просиял беззубой улыбкой, почуяв одобрение своего кумира.

– С ним, конечно, будет сподручнее.

Скаут кивнул и принялся за кофе. Оба избегали смотреть друг другу в глаза, и каждый думал о прошлой ночи, поцелуях, которыми они обменялись, и о ласках, что пьянили и лишали сил.

Чтобы разорвать напряженную тишину, Шанталь спросила:

– Будете завтракать прямо сейчас?

– Если опять рыба, то нет.

– Каждый получил свою долю от свиньи, зажаренной вчера в честь праздника.

– Местная разновидность ветчины или бекона? Островной вариант, так сказать?

Шанталь скупо улыбнулась.

– Можно сказать и так.

– Нет, спасибо. Я не очень голоден. Достаточно кофе. Может быть, попозже – фрукты.

Она согласно кивнула. Натянутость угнетала ее. Поддерживать разговор было нелегко, но даже пустая болтовня лучше, чем мучительное молчание.

– Я вижу, вы сняли швы?

– Да, сам снял.

Это и так было ясно. Но она ждала продолжения. Он безразлично пожал плечами.

– Мне... гм-м... не очень хорошо спалось, и я проснулся, едва забрезжило. Делать было нечего, вот я и снял швы.

– Вы уверены, что не поспешили?

– Нет.

– Больно не было?

– Нет.

– Ваше лицо искажается от боли, когда вы двигаетесь.

– Чертовски неудобно, только и всего.

– Да, разумеется. Мне очень жаль.

– Ты уже говорила это.

Последовала еще одна гнетущая пауза. Шанталь воспользовалась ею, чтобы долить кофе в чашки, хотя ни одна еще не была допита. Когда она повернулась, чтобы подойти к плите, пальцы Скаута сомкнулись на ее запястье.

– Я никогда не считал тебя шлюхой, Шанталь.

Они долго смотрели друг другу в глаза сквозь пар, поднимающийся от эмалированного кофейника. Наконец она устала держать кофейник и поставила его на плиту, а затем опять села напротив него. Несколько мгновений она рассматрива-

ла темный напиток в своей чашке.

– Шанталь?

Она подняла голову.

– Как ты могла подумать, что я способен так неуважительно относиться к тебе? – мягко начал он.

– Вы сказали, что я целуюсь, как дорогая шлюха.

– Твои поцелуи страстные и великолепные. Некоторым женщинам польстило бы это сравнение.

– Только не мне.

Обескураженный, он несколько секунд смотрел в свою чашку. Потом взглянул на нее через стол и сказал:

– Ты мне не все рассказываешь. Поговори со мной.

Она, почти робея, отвела взгляд.

– Я – продукт трех культур: полинезийской, унаследованной от матери, французской – от отца и американской, потому что ходила в их школу. Я знала, что меня ожидает в Америке, потому что и на военной базе люди всегда смотрели в мою сторону с некоторым подозрением. Ведь по мне заметно, что у меня смешанная кровь.

– Но ты еще и очень красива, причем совершенно особой красотой. И взгляды, казавшиеся тебе подозрительными, могли означать восхищение.

– Спасибо. Возможно, было и это, но я научилась быть осторожной. Люди стараются держаться подальше от того, чего они не понимают. Если мной и восхищались, то издали.

– А если кто-нибудь приближался?

– Обычно меня принимали не за то, что я собой представляю.

– Что было потом, когда ты поступила в университет? Ты бегала на свидания?

– Да, – нерешительно ответила она, – но за мной очень скоро закрепилась репутация высокомерной и недружелюбной персоны. И это за то, что я всего лишь старалась быть осторожной.

Она встала, подошла к окну и подняла жалюзи. В комнату влетел свежий утренний ветерок.

– На старшем курсе я познакомилась с выпускником геологического факультета. Его звали Патрик. Наши встречи переросли в нечто более значительное, чем просто свидания в часы досуга.

– Ах вот как! Ты влюбилась?

Скаут лишь высказал предположение, но она дала правдивый ответ.

– Да, влюбилась, по уши. Любое трафаретное определение или клише подойдет. Мы воспаряли в розовом свете счастья. Жизнь казалась прекрасной, а будущее – светлым. Мы собирались пожениться.

Скаут откашлялся и неловко поерзал на стуле. Джонни, ощутив беспокойство, тут же взглянул на него, но Скаут покачал головой, давая понять мальчику, что раненая нога его не тревожит. Он и сам не понимал, что с ним, хотя признавал, что ему крайне неприятно слушать рассказ Шанталь о

ее любовном приключении.

– И что же случилось с Патриком и розовым счастьем? – язвительно любопытствовал он.

– Он повез меня познакомиться со своими родителями.

Шанталь снова села на стул. Ее черные узкие брови нахмурились. Было ясно, насколько мучительны для нее эти откровения. Она тихо рассмеялась, но в ее смехе звучали обида и горечь.

– По-видимому, когда Патрик рассказывал им обо мне, они были в восторге от возможности обзавестись невесткой с таким забавным французским именем. Он не предупредил их, что я лишь наполовину француженка.

Она закусила губу, чтобы унять дрожь. Воспоминания о том вечере всегда причиняли ей боль. Ей хотелось плакать от унижения.

– Это был самый длинный ужин в моей жизни. Они вели себя тактично, но я чувствовала, что они разочарованы и пришли в дикий ужас. Никаких сцен не было, все шло пристойно, но явно ощутимый холод отчуждения повис в воздухе.

Даже теперь она помнила выражение испуга на лица у матери Патрика, когда та торопливо распахнула дверь и впервые увидела ту, которую ее сын избрал в невесты. Шанталь надела свое самое красивое платье. Она была идеально причесана и накрашена. Но ничто не имело значения, даже тот факт, что по результатам каждого семестра она значилась в

списке лучших студентов, она владела тремя языками, включая полинезийский диалект. Мать ее возлюбленного была бы меньше расстроена, даже если бы у Шанталь на лбу красовался рог. Эта женщина не была жестокой. Она обиделась бы, если бы ее сочли расисткой. Наверняка она содрогалась от отвращения при упоминании о ку-клукс-клане или неонацистах. Но она и подумать не смела, что ее милый сыночек способен жениться на полукровке.

– Через две недели Патрик разорвал нашу помолвку, – закончила Шанталь тихим голосом.

– Бесхребетный придурок.

– На него очень сильно давили.

– Почему он просто не сказал своим старикам, чтобы они отстали?

Шанталь изо всех сил попыталась оставаться спокойной. Скаут всего лишь задавал те вопросы, на которые она и сама тысячу раз пробовала найти ответ. Однако слышать их от этого мужчины оказалось куда тяжелее.

– Несогласие родителей – не единственная причина. Были и другие соображения.

– Например?

– Например дети.

– При чем тут дети?

– Он не хотел, чтобы у нас были дети.

– Почему?

– Он не хотел, чтобы на них лежало клеймо.

– Клеймо? Клеймо их матери?

– Вы правильно догадались.

– И ты еще защищаешь этого подонка, черт побери! – Скаут повысил голос и так грохнул кулаком по столу, что чашки подпрыгнули. – Послушать тебя, так ты все еще любишь его.

– Нет, не люблю.

– И прекрасно!

Они оба разом перестали соревноваться, кто кого перекричит. Скаут впервые за это утро попытался расчесать волосы, запустив в них пятерню. И напрасно, так как прическа его от этого стала только хуже.

– Шанталь, тебе повезло, что ты не связалась с таким ублюдком, можешь мне поверить. Он, скорее всего, законченный неудачник. Он не годился тебе в мужья. Радуйся, что никакого физического... – Скаут замолчал, увидев выражение ее лица. – Ах, во-от оно что! Он взял товар, а тебе предоставил расплачиваться.

Синие глаза Шанталь смотрели холодно и жестко. При виде этих глаз Скауту на мысль пришел твердый прозрачной голубизны алмаз.

– Патрик ничем не отличался от других мужчин.

Скаут резко откинулся на спинку кресла.

– Ну вот, наконец-то до меня и дошло: ты стреляешь – в моем случае это произошло в буквальном смысле – в любую собаку, потому что у одной знакомой тебе дворняжки завелись блохи.

– Забавно сказано. Патрик был не дворняжкой. Это я была...

– Ты, надеюсь, понимаешь, что я хотел сказать, – нетерпеливо продолжал он. – Твой парень ничего не имел против того, чтобы спать с тобой, но бросил тебя, поскольку не мог устоять перед натиском родителей. И теперь при каждой встрече с белым мужчиной мгновенно срабатывает твоя внутренняя сигнальная система.

– А ваша не срабатывала бы?

– Будь я уверен в себе – нет.

– Я и уверена. Это я в других не уверена. Пока я не буду знать, что меня принимают всю целиком, то есть такой, какая я есть...

– Ты не ляжешь с тем, кто будет на это претендовать.

– Могли бы выразиться поизящнее, мистер Ритленд.

– А ты могла бы быть недоверчивее. Разве я когда-нибудь обращался с тобой неуважительно, как с низшим существом, только потому, что твоя мать – полинезийка?

– Да!

Он ужаснулся.

– Это ложь, черт возьми! Когда?

– «Если меня украдет какая-нибудь симпатичная местная девчушка с обнаженной грудью, не спешите меня разыскивать».

Услышав свои собственные слова, сказанные Кори Рейнолдсу, Скаут растерялся и секунду продолжал сидеть с от-

крытым ртом. Шанталь решила воспользоваться этой временной потерей дара речи у собеседника.

– Мне показалось, вы имели в виду, что, пока «местная девушка» развлекает вас, вы сами не прочь потеряться. И при этом вы подразумевали, что девушки с острова Пэрриш легкодоступны, и безнравственны, и благосклонны к любому пожелавшему их мужчине. – Она умолкла, чтобы перевести дыхание. – Мне очень жаль, но я не буду вашей местной девушкой!

Скаут уже успел прийти в себя, избавившись от смущения. Теперь он сделал вид, что его раздражает непонятливость Шанталь.

– Слушай, помилосердствуй, а? Это же просто манера выражаться. Два мужика болтают про женщин, как это обычно бывает.

– Ну а мне это не нравится, ни как местной девчужке, ни как нормальной женщине.

Чертыхнувшись, он поднял руки, сдаваясь.

– Ладно. Я прошу прощения. На слушателей я не рассчитывал. Высказался цинично. Я прощаю тебя за подслушивание, если ты простишь меня за то, что я вел себя как мерзкий козел и шовинист, договорились?

– Ну а теперь вы надо мной насмехаетесь. Вы не только считаете меня легкой добычей, вы еще и полагаете, что я глупа.

На этот раз он хлопнул по столу ладонями обеих рук.

– Тебе не приходило в голову, что я домогаюсь тебя по самым простым откровенным причинам? Например, потому, что ты очень красива? Потому, что ты необыкновенная и вокруг тебя аура загадочности, которая кажется мне чертовски сексуально привлекательной?

Он протянул руку через стол и погладил ее кисть большим пальцем.

– Я мечтал поцеловать тебя с самой первой минуты, как увидел, и отнюдь не из-за того, кто твои родители, а потому, что у тебя самые чарующие губы, какие мне только приходилось видеть. Кожа у тебя нежная, как лепесток цветка, волосы темнее ночи, а глаза – словно бездонные лагуны. Чтобы ты вдруг не вообразила, что я прибегаю к поэтическим образам, лишь бы завоевать тебя, я присовокуплю и еще кое-что, дерзкое и интимное. Ну, скажем... – Он наклонился вперед и, взяв ее за руку, крепко прижал к своей груди. – Я много раз представлял себе, как ты, обнаженная и разгоряченная, лежишь подо мной, а я вхожу в тебя, в твое роскошное лоно.

Губы ее распахнулись отчасти от удивления, но еще и от внезапно нахлынувшего желания. Она испустила долгий вздох, сообразив, что все это время задерживала дыхание.

– Ты не должен говорить мне такие вещи, Скаут.

– Почему это? Мне кажется, тебе следует знать, что я чувствую. Я хочу, чтобы ты знала: я желаю тебя. И не потому, что ты подвернулась под руку. Да Бог мой! – рассмеялся он. – Ты только припомни, через что мне пришлось пройти ра-

ди тебя. Разве после этого я могу считать тебя легкодоступной? – Крепко сжав ее руку, он с надеждой спросил: – Почему ты мне не доверяешь?

Ей пришлось приложить усилия, но в конце концов все же удалось освободить свою руку. Она уставилась на свою кисть, побывавшую в его зажатой ладони. Затем она медленно подняла на него глаза.

– Из-за твоей невесты.

9

– Дженнифер? – тихо переспросил Скаут.

– Мне кажется, ее именно так и зовут.

Ничем не выказывая своего огорчения, Шанталь встала и отнесла чашки и блюда в раковину, куда насосом по трубке подавали воду.

– Сдается, что раз ты подслушивала наш разговор с Рейнолдсом, то ты слышала и о Дженнифер.

Собрав все свое мужество, Шанталь повернулась к нему:

– День вашей свадьбы стремительно приближается, а мисс Колфакс являет собой очаровательную молодую особу, интересующуюся антиквариатом.

– Слушай, Шанталь...

– Не стоит, Скаут, – устало перебила она. – Пожалуйста, не оскорбляй меня ненужными объяснениями. И не вовлекай меня в свою двойную игру. Я не стану служить тебе временной забавой до твоего возвращения к целомудренной бостонской невесте.

У Скаута хватило совести смутиться, ведь его поймали с поличным, не дав осуществить старый, как мир, трюк.

– Я никогда не собирался оскорблять или компрометировать тебя, Шанталь. Честно, я последнее время совсем мало думал о своей женитьбе на Дженнифер. И уж точно не прошлой ночью.

– Вы полагаете, я вам поверю?

Он уныло опустил голову.

– Нет, я не жду, что ты мне поверишь. Но это правда.

– Все это говорит не в нашу пользу, верно?

– Да, особенно не в мою.

– Мы оба виноваты. Я ведь тоже о ней не подумала, Скаут, – тихо призналась она.

Он поднял голову, и их взгляды снова встретились. В кухне наступила томительная тишина, хотя в помещение уже долетали звуки и шум просыпавшейся деревни. С подножия холма доносился гул обыденной жизни, но он казался отдаленным и был не властен над Шанталь и Скаутом, окунувшись в омут вины и желания.

Неожиданно в животе у Джонни громко заурчало. Очнувшись от своих мыслей, Шанталь заговорила с мальчуганом на певучем французском и, получив молчаливое согласие Скаута, Джонни удалился в надежде не пропустить свой завтрак.

– Несмотря на все, что я проделала, я не собираюсь удерживать вас и мешать вашей свадьбе, – заверила она Скаута. – Значит, надо начинать работу как можно скорее. Если, разумеется, вы теперь не откажетесь строить мост из-за того, что я отказалась делить с вами постель.

– Я сказал, что сделаю, и я сделаю свою работу, – сказал он резко.

Ком в груди, который все время мешал ей дышать, начал

потихоньку рассасываться, однако она постаралась скрыть от Скаута испытанное облегчение.

– Вы можете показать мне свои чертежи?

– Сначала я хочу знать правду.

– О чем?

– О лодках.

– То есть?

– Когда я сегодня сидел на пляже, я подумал, а нельзя ли сбежать морем. Но проходящих судов, которым можно было бы сигнализировать, что-то не заметил.

– Морские пути пролегают вдоль противоположного берега острова.

– До этого я и сам додумался, – проворчал он. – Когда Джонни понял, о чем я спрашиваю, он так расстроился, что у меня не хватило совести давить на него.

– В деревне много рыбачьих лодок. Их спрятали, но скорее ради вас, чем ради нас самих. Я боялась, что вы наделаете глупостей. – Скаут искоса взглянул на нее, но промолчал.

– Мы ходим на этих лодках на другую сторону острова очень редко, потому что течения здесь опасны. Даже самые опытные мужчины в деревне справляются с трудом. Одному это и вовсе не под силу. Тут нужен моторный катер, а его у нас нет.

– А как же вы в таком случае доставили сюда все эти строительные материалы, на ковре-самолете?

– Мы позаимствовали небольшое транспортное судно,

стоявшее в сухом доке.

– Позаимствовали? У... ладно, оставим это... Я не хочу ничего знать.

– Ну, военные им пока не пользовались. Мы поставили его на то же место, где нашли.

Он хмыкнул, качая головой.

– Скорее всего, ты говоришь правду – придумать такое невозможно. – Он внимательно всмотрелся в ее лицо. Взгляд его был полон удивления, смешанного с восхищением. – Садитесь, доктор Дюпон.

Она нерешительно присела напротив. Ее страшили нахмуренные брови Скаута, ей казалось, что это означает плохие новости, но все равно она хотела их услышать.

– Тебе это не понравится, – пробормотал он, проводя ладонями по небритым щекам. – Один Бог знает, как ты это поймешь, особенно после нашего разговора о моей грядущей женитьбе. Поверь мне, Шанталь, я об этом не думал, когда делал альтернативный чертеж.

– Альтернативный?

– Не торопись с выводами, – сказал он, уловив в ее голосе подозрительность. Он порылся в кармане шортов и вынул несколько листков из блокнота. – Я придумал способ, как перебраться с одного края ущелья на другой. Задача абсолютно выполнима. Во всяком случае, в теории получается.

– Почему вы считаете, что мне это может не понравиться?

– Потому что потребуются компромиссы. А, как я уже вы-

яснил, у тебя с компромиссами слабовато.

Она сжала в кулаки лежавшие на столе кисти рук.

– Что вы придумали? Я не настолько несгибаема, как вам кажется.

– Ладно. – Он разложил листки на столе.

Шанталь заметила, какие сильные у него руки. И загорелые. Тыльные стороны покрыты выгоревшими на солнце волосками. Руки рабочего человека, с мозолями, ногти коротко подстрижены, но чистые.

Помимо воли, она вспомнила, как эти руки гладили ее кожу, ласкали тело, брали ее грудь в ладони, а кончики пальцев доставляли ей такое эротическое наслаждение, что, казалось, сердце разорвется. Когда он вернется в Бостон к этой своей Дженнифер, будет ли Шанталь жалеть, что отказалась заниматься с ним любовью, упустила такую возможность?

– Совсем несложно.

– Простите, – включилась она, оторвавшись от своих воспоминаний, – что вы сказали?

Он как-то странно посмотрел на нее. Пытаясь оправдаться, она набросилась на него:

– Я ничегошеньки не поняла.

– Тогда придвигайся поближе, и ты увидишь чертеж не вверх ногами.

Она послушалась, передвинула свой стул и села рядом. При этом нога ее нечаянно коснулась его, но Шанталь не подала виду, что заметила.

– Что означают эти маленькие черточки? – спросила она, показав на ряд карандашных пометок на бумаге.

– Как я уже сказал, когда ты явно думала о чем-то другом и не слушала, построить мост невозможно, разве что начать плести пеньку, чтобы соорудить нечто вроде того, что ты сожгла.

– Что? Вчера шла речь об опорах и арках и...

– Попридержи лошадей. Дай мне объяснить, ладно? – Она замолчала. Он глубоко вздохнул и продолжал: – Я построю подвесной мост, но не на той высоте, где был старый. Наш мост будет много ниже, вон там, где ущелье сужается, – сказал он, прочерчивая линию над извилистой чертой, которую Шанталь правильно приняла за ручей. – В этом месте его длина не будет превышать пятнадцати метров.

– Не понимаю. А как попасть туда вниз?

– Посмотри сюда. Это ступени, выбитые в скале.

– Ступеньки к мосту, – раздумывала она вслух. – Мост намного короче, а построить его легче и не потребуется такого количества материалов.

– И не так много рабочих рук.

– И не так много времени.

Ее выразительные глаза встретились с глазами Скаута, но взгляд ее тут же вернулся к чертежам.

– Они будут крутыми, эти ступеньки?

– Если вырубать их вертикально вниз, то очень крутыми. Поэтому я расположил их зигзагом. Они будут тогда куда бо-

лее пологими, чем сам склон. Но за ними придется постоянно следить, чтобы они не заросли.

– С этим проблем не будет. Вы что-то упоминали о ком-промиссах.

Он поскреб голову.

– Во-первых, пешеходу теперь понадобится больше времени, чтобы перебраться через ущелье, чем прежде. И всему населению придется заняться аэробикой.

– Но этот мост будет много безопаснее, чем старый.

– Это уж наверняка.

– Какие минусы? – спросила она.

– Калеке через него не перебраться.

– Калеке и по тому мосту, что у нас есть, не пройти.

– Был, – поправил он Шанталь и улыбнулся.

– Был, – мягко повторила она. – Однако до деревни все равно нельзя будет добраться на машине, – указала она еще на один недостаток предложения Скаута.

Он бросил карандаш и глубоко вздохнул.

– Вот тут-то и самая главная заковыка, Шанталь. Я почти всю ночь думал, пытаюсь найти способ, как построить действующий мост с теми ограниченными ресурсами, что имеются в моем распоряжении. Нет такого способа! Прости, но я не кудесник. Я не могу перекинуть мост через такое ущелье без бульдозеров, подъемных кранов, современных материалов, не располагая месяцами тяжелой работы опытных инженеров. Мужчины в твоей деревне при всем их энтузи-

азме не являются квалифицированными рабочими. Это же очевидно. Мне думается, я смогу построить вам пешеходный подвесной мост внизу в самой узкой части ущелья, укрепить его на бетонных столбах стальными тросами. Ничего лучшего я предложить не могу.

Она пристально смотрела на Скаута, силясь понять, насколько он искретен. Ей показалось, что он не хитрит. Ни тени фальши. Более того, он казался неподдельно расстроенным и явно сожалел, что не может предложить ничего иного.

– Я и хотела, чтобы ты предложил нам лучшее, Скаут.

Он улыбнулся.

– Значит, ты согласна, чтобы я действовал в соответствии с этим замыслом?

Она поднялась со стула, закатывая рукава рубашки.

– Еще как! С чего начнем?

Он медленно и с трудом встал со стула. Сунул под руку костыль и сказал:

– Собирай воинов, принцесса. Твой главнокомандующий желает к ним обратиться.

– Ты давно носишь очки?

Скаут некоторое время наблюдал за Шанталь, сидевшей у стола в противоположном конце комнаты. Помещение освещалось лишь керосиновыми лампами, расставленными по углам. Ее сосредоточенное лицо было почти в тени. Перед ней на низеньком столике лежало несколько фрагментов за-

стывшей лавы, и она что-то записывала в журнал.

Подняв голову, Шанталь взглянула на него сквозь очки.

– Со школы. Только когда читаю.

– Гм-м... над чем ты работаешь?

– Данные по вулкану Голос Грома.

– Зачем?

Она не ответила. Вместо этого она подняла очки на лоб и с тревогой посмотрела на него.

– Ты выглядишь усталым, Скаут.

– Так оно и есть.

– Почему бы тебе не лечь спать?

– Слишком о многом надо подумать.

Она сидела, поджав под себя одну ногу. Спустя секунду она отложила блокнот, встала с дивана и подошла к нему, бесшумно ступая босыми ногами.

– Мой отец утверждал, что я прекрасно массирую спину.

Может быть, это поможет тебе расслабиться.

– Звучит заманчиво.

Она зашла сзади за его стул и принялась ловко массировать ему спину и шею. Ощущение было замечательное, но Скаут не верил, что это поможет ему расслабиться. Рядом с Шанталей об этом думать не приходилось. Больше недели прошло с той праздничной ночи и их несостоявшейся любви там, на пляже. Скаут все еще легко заводился и быстро раздражался. Казалось, его лихорадит без особой температуры. От этой лихорадки он не мог избавиться. Каждые несколько

часов он глотал аспирин, но дрожь не унималась.

– В последние дни жарче, чем когда я здесь появился, верно?

– Это все вулкан, – объясняла она, массируя его напряженные мускулы сильными пальцами. – От двух сегодняшних извержений воздух сильно прогрелся.

Подобное происходило и со Скаутом при одном взгляде на Шанталь. Каждое утро она надевала шорты и простую рубашку и присоединялась к рабочим. Но ее бюст делал рубашку необыкновенной, а то, что удавалось ее длинным ногам, украшавшим обыкновенные шорты, держало Скаута на грани извержения, под стать Голосу Грома. Эти ее ноги даже в толстых носках и тяжелых ботинках выглядели потрясающе.

Чтобы уберечь лицо от солнца, Шанталь не расставалась с потрепанной соломенной шляпой с широкими полями. Этот головной убор был довольно уродлив, но, когда Скаут попробовал пошутить по этому поводу, она прореагировала странно и, похоже, обиделась. Он решил, что с этой шляпой у Шанталь связаны какие-то сентиментальные воспоминания. Более того, он даже начал испытывать симпатию к этой дурацкой шляпе и частенько взглядом выискивал ее среди голов трудившихся по обеим сторонам ущелья работяг.

Вечера Шанталь и Скаут проводили в тишине. Они жили в затененном доме вдвоем. Первые несколько дней он, входя в комнату, машинально тянулся к выключателю. Но со временем он уже едва замечал отсутствие электричества. В

офисе Джорджа имелся радиоприемник на батарейках. После ужина оба полчаса слушали новости, чтобы быть в курсе дел, но все происходившее в мире, казалось, не имело почти никакого отношения к жизни на острове.

Странно, но Скаут не скучал по телевидению, своему видеомагнитофону или другим электронным игрушкам, заполнявшим его дом. Его радовали вечера, проведенные за книгами из обширной библиотеки Дюпонов. Он любил также наблюдать за Шанталь, когда та изучала геологические карты, которые для него были полнейшей загадкой.

Фотографии составляли еще одну тайну.

На следующий день после начала строительства, когда жители деревни были заняты доставкой стройматериалов, перетаскивая их из тайника на строительную площадку, Скаут заметил, что Шанталь отправилась вдруг по хорошо замаскированной тропинке вверх по склону ущелья.

– Куда это она пошла, черт побери? – задал он Джонни риторический в определенном смысле вопрос.

Разумеется, он не ожидал ответа, но мальчонка, тоже успевший заметить Шанталь, пока она не скрылась в зарослях, внезапно начал что-то говорить.

– Что? Помедленнее, помедленнее, – попросил Скаут, стараясь понять, что хочет сказать Джонни, залепетавший по-французски.

– Photographic.

– Photographic? Фотографии? Она делает фотографии?

– Oui, oui, – обрадовался мальчик, довольный, что его поняли. Он жестами изобразил, как смотрит в видоискатель камеры и щелкает затвором.

– Фотографии, – пробормотал Скаут, недоуменно качая головой. – Фотографии чего?

Шанталь вернулась через несколько часов. Скаут видел, как она передала Андре непроявленную пленку, а тот выслушал ее указания и исчез.

– Чей фотоаппарат? – спросил Скаут, входя в дом. Он застал ее как раз в тот момент, когда она снимала камеру с шеи.

– Моего... моего отца.

Громяхая костылем, он подошел, взял фотоаппарат и оценивающе повертел его в руках.

– Замысловатая штукавина.

– Да, он довольно сложный.

– Куда ты с ним ходила?

– В предгорья.

– Чтобы увидеть отца?

– Да.

– Фотографировать его?

Она состроила гримасу, должную означать, что он задал глупейший вопрос из всех, какие она когда-либо слышала.

– Ладно, сдаюсь. Что ты фотографировала?

– Вулкан.

– А-а... И ты послала Андре проявить пленку.

– Что тут плохого?

– Ничего. Просто любопытно. Ну и как Джордж?

– Все так же.

– Что он там наверху делает? Разве ему совсем не интересно, что происходит здесь? Почему он не желает полюбопытствовать, как мы вышли из положения с мостом? Когда я буду иметь удовольствие познакомиться с ним?

Она сняла шляпу и стояла, обмахиваясь ею как веером.

– Я покажу тебе фотографии сразу же, как только получу их. Мне кажется, они потрясут тебя. Однако теперь тебе придется меня извинить: очень жарко, мне надо помыться.

Ей не надо было пояснять, что ей жарко. Он и сам это заметил. Мокрая от пота рубашка прилипла к телу, по шее стекали капельки пота. Ему захотелось поймать их языком. Ее округлая грудь просвечивала сквозь накладные карманы рубашки. Скауту приходилось туго, он силой заставлял себя не пялиться на ее грудь.

Больше они не говорили о фотографиях в тот день. Он и не вспоминал о них до настоящего момента.

– Ты получила фотографии? – Он ощутил, как руки ее замерли на его плечах. – Те, что ты делала позавчера.

– А-а, они вышли превосходно. Хочешь взглянуть?

– В другой раз. Не останавливайся, продолжай. Никогда не останавливайся.

Тихо рассмеявшись, она приложила ладонь к его лбу, а другую запустила в волосы, чтобы помассировать голову. Он издал низкий, удовлетворенный возглас.

– Неудивительно, что Джордж такого высокого мнения о твоих способностях массажистки. Просто чудесно! – Она продолжала массировать ему шею и голову. – Что думает твой папа насчет того, что ты живешь в доме вдвоем с мужчиной, пока он отсутствует?

– Так ведь он француз, этим все сказано.

– А что он думал о твоём романе с Патриком?

Она пожала плечами.

– Что обычно думают отцы о любовных делах своих дочерей? Как правило, это вызывает у них смешанные чувства.

– Значит, ты ему все рассказала, даже о причине разрыва?

Чтобы заглянуть ей в лицо, Скаут выгнул голову. Затылок уперся ей в живот. Ее смутил вопрос. Он видел это по ее глазам.

– Нет, об этом я ему не рассказала.

– Ты из-за отца позволила Патрику так легко отделаться?

– Не понимаю, о чем ты.

– Да нет, понимаешь. – Он поймал ее за руки, когда она попятилась. – Ты видела, как страдает отец, будучи оторван от семьи и друзей, от своей страны, и все из-за того, что он женился на твоей матери. Ты не хотела, чтобы такое же произошло с милым мальчиком Патриком.

Почему-то Скаут испытывал сильную неприязнь к калифорнийцу, с которым даже ни разу не встречался. Парень представлялся ему неким книжным червем, слабым, слегка сутулым, со слабыми худыми руками цвета старой замазки.

Каждый раз, когда он представлял себе руки Патрика, касающиеся тела Шанталь, ласкающие ее, ему хотелось кому-нибудь врезать. И побольнее.

Он всегда считал ревность величайшей глупостью. Смешно ревновать к человеку, которого никогда не видел. И все же это зеленоглазое чудище – ревность держала его за горло, грозя удушить.

– Я не хотела, чтобы Патрик чувствовал себя в долгу, поэтому и согласилась на расторжение помолвки без лишнего шума. – Она говорила обиженным тоном. – Я сама решила, как поступить. Я не устраиваю скандалов, когда не получаю того, чего хочу, или когда у меня что-то отнимают. Я взрослая женщина.

– Я уже заметил.

Эрекция грозила скандалом: казалось, шорты вот-вот прорвутся. Он постоянно находился в полувозбужденном состоянии, и это действовало ему на нервы, просто раздражало. Он был не в состоянии контролировать физиологическую реакцию на Шанталь, как не мог справиться и со своей мальчишеской ревностью к Патрику. Это и заставляло его говорить теперь язвительным тоном.

– Тебе нравится сводить меня с ума, Шанталь?

– Мне эта тематика наскучила, Скаут. Отпусти мою руку.

Он послушался, но, когда она направилась в спальню, он поднялся со стула и заковылял вслед за ней, опираясь на костыль. Она подошла к туалетному столику, отделанному во

французском стиле. То было абсолютно женское приспособление из всех имевшихся в доме. Когда он в первый раз сказал ей об этом, она пояснила, что Джордж заказал его во Франции специально для Лили. Шанталь унаследовала этот предмет мебели после смерти матери.

В комнате горели свечи. От них в помещении становилось как-то теплее, но в голосе Шанталь тепла не чувствовалось.

– Мне хочется спать.

– И мне.

– Скаут, пожалуйста. Мне казалось, мы сняли эту проблему.

– Сняли? – Он саркастически засмеялся. – Вряд ли это подходящее слово для моего теперешнего физического состояния. – Он уперся руками в дверные косяки, чтобы уменьшить нагрузку на больную ногу. – Что ты будешь делать, если я не стану обращать внимания на твои протесты, а войду и начну тебя целовать?

– Ты этого не сделаешь.

– Зря ты так уверена. – Его зловеющий тон поразил его самого, но он был так взбешен, что извинил себя. Он не касался ее, но не забыл, какая она на ощупь. Сейчас он желал ее больше, чем когда-либо.

Дженнифер, считавшаяся красоткой, с каждым днем все более превращалась в туманное воспоминание. Она, наверное, планирует разные вечеринки, приемы, Бог знает что еще, готовясь к свадьбе. Она изощрена до мозга костей и

иногда может по-настоящему достать человека, но она не заслужила, чтобы ее возлюбленный желал другую женщину каждой клеточкой своего тела, ворочаясь в постели в луже собственного пота и теряя рассудок из-за тех сцен, которые он не мог заставить себя не вообразить. Он никогда не вел себя так прежде. Неужели все дело в Шанталь? Или обстановка сказывается? Окружение? Может, она так соблазнительна потому, что сама атмосфера такая сладострастная, а она находится прямо в эпицентре?

Как-то бессонной ночью ему удалось поддержать в себе это убеждение пару секунд, но помимо воли пришлось все же отбросить эту мысль. Если бы их пути с Шанталь Дюпон пересеклись в любом уголке земного шара, она произвела бы на него то же самое оглушительное впечатление.

Ему почти сорок лет. Его любовная жизнь не годилась для романтических легенд, хотя ему и довелось иметь дело с достаточным количеством женщин, чтобы можно было сравнивать. Ничто из испытанного им ранее не могло сравниться с этим всепоглощающим, сводящим с ума, всепроникающим желанием, которое он испытывал к Шанталь.

Это было больше, чем похоть. Да, он страстно хотел оказаться в ее теле, но он хотел также проникнуть ей в мозг. Ему никогда раньше не приходилось встречать такого интересного человека. Он хотел узнать, что таится на дне этих синих глаз, узнать, что представляют собой скрывающиеся за ними душа и разум. Наблюдая сейчас за Шанталь, он заметил тре-

возную искорку в этих потрясающих глазах. Выругавшись вполголоса, он опустил руки.

– Я не стану целовать тебя, – хрипло произнес он. – Мне вовсе не хочется умереть от яда, удара мачете или рыболовного копья.

– О чем это ты?

– О твоей сторожевой собаке. Ему чертовски не нравится, что я живу здесь в доме вместе с тобой уже столько времени. Я не удивлюсь, если он расположился на ночь где-нибудь под пальмой, дожидаясь, когда ты позовешь на помощь.

Она легонько покачала головой, отмечая это предположение.

– Он же подчиняется тебе на стройке.

– Неохотно. Он делает, что ему велят, только потому, что ты его просила об этом, и он знает, что я работаю на благо деревни. Ему не по душе повиноваться моим приказам. Если вспомнить, ему это всегда не нравилось. Даже когда он работал на строительстве гостиницы, я всегда чувствовал его недовольство. А теперь, – добавил он, – я знаю, в чем дело. Он с самого начала видел во мне угрозу, узнавал соперника в борьбе за твои симпатии.

– Это просто смешно.

– Скажи это Андре. Он считает, что ты должна принадлежать ему, и готов придушить меня. Если я сделаю неверный шаг, он сначала убьет меня и только потом задастся вопросом зачем...

Она была подлинным олицетворением женственности: нежная, сильная, прямая и одновременно таинственная, простая и сложная, элегантная и эротичная.

Его горящий взгляд смущал ее. Он видел, как она сглотнула и нервно облизнула губы. В полутьме ее голос звучал хрипловато и неуверенно.

– Что – зачем?

– Ничего, – ответил он, поворачиваясь, чтобы уйти. – Я только подумал, что, может быть, ты и стоишь того, чтобы за тебя умереть.

Шанталь заметила его, когда он спускался по склону холма на пляж. Даже на расстоянии можно было понять, что он весь кипит от злости, подобно кратеру вулкана, причем в его случае извержение было неизбежным. Его тяжелые рабочие ботинки остановились прямо рядом с ее ступнями, обдав их песком.

– Что происходит, черт побери?

Она наивно смотрела на него из-под полей своей шляпы.

– Привет, Скаут. Я так рада, что ты присоединился к нам. Почему бы тебе не поплавать?

– Поплавать? – заикаясь, переспросил он, не веря своим ушам. – Я тут ишачу на них, а они развлекаются на пляже и плетут гирлянды из цветов, – заорал он, отшвырнув ногой венок из жасмина. – Устроили себе выходной! Я уже давно замечал, что обеденный перерыв несколько затягивается, но как заботливый начальник, учитывающий эту адскую жару, я подумал: эй, не заводись из-за нескольких лишних минут. Но потом рабочие, возвратившиеся с обеда, начали исчезать один за другим. Не успел я оглянуться, как оказался один на стройплощадке.

– И поэтому лучше присоединиться к нам, не так ли? Сядь здесь, в тени, и остынь немного до...

– Не желаю я садиться, Шанталь! Не желаю остывать.

Мы почти закончили мост. Осталось зацементировать всего несколько ступеней. Конец уже не за горами.

– В таком случае полдня не имеют значения.

Ее сдержанность и благоразумие окончательно вывели его из себя. Он поднес сжатый кулак к виску, постучал себя по голове и от души выругался.

– Тебе от этого не остыть, – вполне логично высказалась она. – Ты имеешь право расслабиться, потому что до завтрашнего утра никто из мужчин на работу не выйдет. Сегодня объявлен праздник.

– Кем? Тобою? Разве твоя власть превышает мою?

Он все-таки сумел зацепить ее. Но она не шелохнулась. Ее ушедшие в песок пальцы твердо стояли рядом с его тяжелыми ботинками. Крошечное бикини мало походило на спортивную форму для поединка, но глаза ее воинственно блестели.

– Когда речь идет о счастье и покое этих людей, то да, моя власть превышает твою. Как и власть деревенских старейшин. Высший совет сетует, что рабочие устали и им требуется отдых. Они не привыкли работать так подолгу, как ты.

– Ну, как ты знаешь, я здесь не развлекаюсь.

– Пожалуйста, говори потише, Скаут. Ты их огорчаешь.

– Это я-то? – проговорил он высоким, раздраженным голосом. – Да плевать я хотел, если я их огорчаю. – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Чтобы выдержать намеченные сроки, я должен быть уверен, что все рабочие будут на местах в те-

чение полного рабочего дня. У нас и так хватает проволочек, как, например, когда устроили поимку этих кур, сбежавших из курятника. Они часы на это потратили, и в развлечении приняли участие все до единого. Затем вспомни тот случай, когда в генератор вселился злой дух, как они уверяли. Ты только представь себе, насколько я был смешон, защищая собой генератор? Весь этот дикий очистительный ритуал отнял полдня.

Желая окончательно убедить ее, он вплотную приблизил к ней лицо, так что ей пришлось отодвинуться, иначе он коснулся бы ее.

– Возможно, они и не привыкли к тому, чтобы работать полный рабочий день, но я тоже не привык, чтобы рабочие бросали незаконченную работу только потому, что им так заблагорассудилось.

– Здесь не Соединенные Штаты.

– Это уж точно, – угрюмо подтвердил он.

Решив не терять спокойствия, Шанталь заговорила ровным голосом:

– Они не умеют жить в соответствии со сроками. Им безразличны графики и отсрочки. Они – островитяне. Завтра будет точно то же, что и сегодня. У них нет свойственного среднему американцу желания преуспеть. Они работают только затем, чтобы удовлетворить свои насущные потребности. Лично я считаю, что это самая правильная тактика. И прости уж меня, Скаут, пока ты на острове, тебе тоже при-

дется придерживаться этого способа жизни.

Он кусал щеку изнутри, что лишний раз подтверждало, в каком он бешенстве. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Пот тек по его запыленному лицу. Пропотевшая рубашка облепила торс, и в вырезе была видна вздымавшаяся грудь, покрытая влажными курчавыми волосами.

Он выглядел необыкновенно соблазнительно.

Он щурился на ярком солнце, и ей были видны лишь щелочки его глаз. Он злился, это было очевидно, но она решительно смотрела в эти щелочки, отказываясь уступить. Жители деревни получили заслуженный отдых. Она не собиралась идти на попятный, приказав им вернуться на работу. Скаут должен понять. Если это выше его сил, придется ему смириться.

Неожиданно он поднял руку. Шанталь вздрогнула, испугавшись, что он ударит ее. Но он только собирался взглянуть на часы.

– Ладно, я постараюсь быть благоразумным, – сдался он. – Сейчас час дня. Они могут переждать самую жаркую часть суток. Но в четыре все развлечения должны быть закончены. Все обязаны явиться на работу. У нас будет еще несколько часов до темноты.

– Ты не можешь рассчитывать, что они будут работать этим вечером! – воскликнула она.

– Еще как могу. У меня есть задача, и я должен ее выполнить.

– Куда ты торопишься? К своей невесте?

– И к ней тоже.

Ее глаза угрожающе сузились. Он таки втянул ее в эту ссору. Она тоже подстрекала его. Его ответ причинил ей боль, но она не должна позволить ему отвлечься от сути спора.

– Они сегодня не вернутся на работу. И точка.

Он согнул одну руку в локте и поднес кулак другой так близко к ее лицу, что едва не ткнул ей в кончик носа. Он постучал по циферблату своих часов:

– Четыре часа, Шанталь. И ни одной секундой позже.

Она действовала, не успев сначала подумать. Стремительным движением она сорвала с его запястья ремешок с часами и швырнула в волну, бившую в ближайшую скалу.

– Теперь вам трудно будет отсчитывать секунды, мистер Ритленд.

Скаут с открытым ртом смотрел вслед волне, которая уже откатывалась назад, в море.

– Это же «Ролекс»!

– В этой деревне они представляют собой куда меньшую ценность, чем гирлянда цветов, и уж точно не так красивы.

Если бы он мог подойти к ней на шаг ближе, он сделал бы это. Но поскольку они уже стояли вплотную друг к другу, единственное, что он сумел, это нависнуть над ней, наконец коснувшись ее лба подбородком. Сквозь сжатые зубы он процедил:

– Я задушу тебя!

Шанталь откинула назад голову и отважно подставила ему свое горло, бросая вызов. Он принял его и положил руки ей на горло, обвив его пальцами. Большим пальцем он ощутил, как бьется вена на ее шее.

Долгое мгновение они смотрели друг другу в глаза. Затем он опустил взгляд на ее губы. Сама того не желая, она прореагировала, приоткрыв их в немой мольбе. В его груди возник глухой стон, перешедший в проклятие. Он колебался, не зная, что делать – притянуть ее к себе или оттолкнуть. Наконец он оттолкнул ее и удалился, тяжело ступая и опираясь на верного Джонни, немедленно подвернувшегося ему под мышку. Расстроенная Шанталь, еле переводя дыхание, провожала его взглядом.

– Шанталь?

Она сообразила, что Андре уже не в первый раз окликает ее, желая привлечь внимание.

– Извини. Ты что-то сказал?

– Он тебя обидел?

– Да нет же, нет! – быстро заверила она его. – Он не понимает, почему сегодня никто не работает. Мне пришлось ему объяснить.

В его глазах, следивших за удалявшимся Скаутом, таились подозрение и ненависть.

– Не обращай внимания, Андре, – сказала она. – Веселись.

Он подошел к группе молодых людей, среди которых находилась и очаровательная Марго. Шанталь опустилась на

песок, ноги больше не держали ее, так она расстроилась после стычки со Скаутом. Прислонившись спиной к стволу пальмы, она закрыла глаза и постаралась успокоиться.

Ей становилось все труднее и труднее сопротивляться ему. Вечерами, когда она ощущала на себе его пронизывающий взгляд, ей хотелось отреагировать, как приказывало ей тело. Хотелось подойти к нему, по-женски удовлетворить его голод, который, она знала, снедает его. Ей очень хотелось, но она не могла позволить себе это.

Ей мешала гордость: она не позволит, чтобы он употребил ее тело, а потом отбросил и уехал к своей Дженнифер, которая будет ему идеальной женой.

Она знала, что островитяне защитят ее, будучи ей верны. Если возникнет необходимость, они защитят ее от вождельний Скаута. Но куда больше она страшилась собственного вожделения. Тут ее сознание не обеспечивало ей надежной защиты.

– Далеко еще? – Скаут остановился на тропинке, чтобы обтереть потное лицо уже совершенно промокшим платком. – Сколько метров?

Джонни с любопытством взглянул на него.

– Жара совсем меня доконала. Обращаюсь к ребенку, который не понимает ни одного моего слова. Впрочем, в этом столько же смысла, сколько во всех моих поступках с той поры, когда я последовал за этой принцессой-островитянкой

из танцевального зала. А ведь я должен был знать, что тут что-то не так, Джонни. Берегись женщин в белом, которые двигаются и говорят как богини. Расплачиваться придется очень скоро.

Джонни в недоумении смотрел на него.

Скаут вздохнул и продолжал восхождение. Они вышли из деревни несколько часов назад. Скаут принял решение: раз ему не удастся убедить Шанталь, то, может, он сумеет вбить что-нибудь в голову ее отцу.

Скаут подозревал, что у француза наверняка не все дома. В противном случае, зачем он торчит в этих предгорьях, где водятся все известные человечеству виды насекомых и еще несколько неизвестных? Жара стояла несусветная, и Скаут казался себе рождественской индейкой, зажариваемой в собственном поту.

Вулкан постоянно оставался справа по ходу. Время от времени Голос Грома выбрасывал раскаленные камни и пар, словно напоминая о своем присутствии и связанной с ним угрозе. Неужели человек может жить в таком пекле? По-видимому, Джордж Дюпон мог. Скаут был уверен, что Джонни понял, кого он хочет видеть. Когда Скаут спросил, где можно найти Дюпона, мальчик охотно кивнул и показал на холмы по другую сторону ущелья.

– Я знаю, что он там, но где именно? – терпеливо вопрошал Скаут. Он жестами объяснил мальчику, что хочет, чтобы его проводили к старику. Через несколько минут они уже от-

правились в путь. Теперь Скаут начал сомневаться в разумности этого мероприятия. Когда они выходили, он не имел представления, как далеко им придется идти. Ему было жарко, хотелось пить, раненая нога ныла.

Наконец они достигли вершины на другой стороне ущелья, и Скаут обнаружил джип, прикрытый маскировочной сеткой. Его сердце возбужденно забилось. Ключей в зажигании не было, но он всегда сумел бы соединить провода. Однако, едва взглянув в страдальческие глазенки Джонни и заметив, что у него дрожит нижняя губа, Скаут отказался от этой мысли. Он совсем не хотел, чтобы в его исчезновении обвинили ребенка. К тому же ему хотелось закончить возведение моста. Он был совестлив, придерживался своей этики, правила и принципы которой с детства преподавал ему его отец – служащий со Среднего Запада.

А еще ему хотелось встретиться с Джорджем Дюпоном, явно гениальным, но эксцентричным господином. Сам Кори Рейнолдс доверился профессиональному мнению этого француза насчет Голоса Грома, и уж коли его компания вложила миллионы в строительство курортного комплекса, то Рейнолдс наверняка считал, что вулканолог знает свое дело.

Была, конечно, и еще одна причина, по которой он отказался от идеи завладеть джипом. Шанталь! Она поверила, что он закончит строительство моста. Он пообещал ей. Он не может вот так все бросить и исчезнуть. Если он сбежит, он унизит ее в глазах жителей деревни, которые явно ее обо-

жают. Да и вообще, разве может он уйти не попрощавшись?

– Чересчур уж я порядочный, даже во вред себе, – пробормотал он, обращаясь к Джонни. – Бойскаут, чтоб мне было пусто.

Джонни важно кивнул, соглашаясь и определенно испытывал облегчение. Они оставили джип стоять на прежнем месте.

Наконец, пройдя долгие километры и пролив литры пота, они приблизились к зарослям, и Джонни внезапно рванулся вперед напрямик, на ходу выкрикивая что-то по-французски и энергично жестикулируя. Он хотел, чтобы Скаут взглянул на вершину крутого холма.

– Там? – удрученно спросил Скаут.

– Oui.

– Прекрасно.

Скаут глубоко вздохнул и начал взбираться по извилистой каменистой тропке. Прислонив ладони ко рту, он громко закричал:

– Джордж Дюпон!

Птицы в джунглях протестующе загомонили, возмущаясь, что кто-то нарушил их покой.

– Мистер Дюпон. Меня зовут Скаут Ритленд. Я хотел бы увидеться с вами, сэр. Я уверен, ваша дочь рассказывала вам обо мне.

Он подождал минуту. Никакого ответа. Возможно, старик глуховат. Скаут предполагал, что Дюпон владеет англий-

ским, но тут ему пришло в голову, что он не может знать это наверняка. В таком случае, зачем надрываться? Скоро он встретится с ученым лицом к лицу.

Щадя больную ногу, он с осторожностью взобрался по склону. Последние несколько особенно трудных метров ему помог преодолеть Джонни. Когда Скаут достиг ровной площадки на вершине, он наклонился, уперся ладонями в колени и попытался отдышаться. Пот собирался над бровями, но брови не помогали, он струился по лицу, капал с кончика носа и затекал за ворот. Он попадал и в глаза, отчего они слезились. Скаут не спеша выпрямился и вытер лицо тыльной стороной ладоней, но, поскольку они тоже были влажными от пота, существенной пользы это не принесло. Глаза щипало, он плохо видел. Именно поэтому он не сразу поверил своим глазам. Он несколько раз моргнул и изумленно потряс головой.

Их было две на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на Тихий океан. Каждая укрыта одеялом из цветов, в изголовьях маленькие белые кресты.

Могилы.

Шанталь погладила малыша по голове и велела ему не мочить ранку несколько дней. Резвясь на пляже, он упал и поцарапался об острый камень. Ее попросили обработать ранку, а затем уговорили поужинать вместе со всей семьей. Так родители выражали свою благодарность, и она не могла от-

казаться.

Но в течение всего ужина она думала лишь о Скауте и о том, где он может быть. Она не видела ни его, ни Джонни с того времени, как оба ушли с пляжа. По возвращении домой она рассчитывала найти там обиженного Скаута. Она не удивилась бы, если бы он упрямо продолжал трудиться на строительстве моста в одиночку. Но Скаута нигде не было. Время близилось к вечеру, и она волновалась все больше. На закате она послала за Андре.

– Пойди проверь джип.

– Зачем?

Ей до смерти хотелось огрызнуться и приказать вторично: «Иди и проверь», но она сдержалась.

– Я не знаю, где мистер Ритленд. Ты его не видел?

В этот миг ее внезапно пронзил страх: а что, если Андре – причина исчезновения Скаута? Но не успела эта мысль прийти ей в голову, как она ее отбросила. Слишком долго она присматривалась к Скауту. Он вынуждал ее подозревать всех, даже друзей, которых она знала всю жизнь и которым доверяла.

Когда Андре ушел, Шанталь принялась расхаживать по комнате. Вскоре он вернулся и доложил, что джип на месте, и она совсем растерялась, не зная, чувствовать ли ей облегчение или начать беспокоиться всерьез.

– Возьми несколько человек и осмотри все вокруг. Может, ты его найдешь.

– И что потом?

– Приведи его назад.

Не сказав больше ни слова, Андре отправился выполнять поручение. Он все не возвращался, и, чем дольше его не было, тем сильнее она волновалась.

Распрощавшись с мальчиком и его семьей, она отправилась домой, неся в руке саквояж отца со всем необходимым для оказания первой помощи. Она размышляла, где может быть Скаут.

Стемнело. Неровная местность представляла опасность даже для тех, кто прожил в этих местах всю жизнь. А ведь Скаут не знает, откуда ждать беды. Он издевательски относится к своей больной ноге, которая отнюдь не настолько окрепла, чтобы он считал ее здоровой.

Что, если он где-нибудь упал, задев больную ногу, и лежит теперь беспомощный, истекая кровью? А может, Джонни поборится вернуться в деревню и доложить, что вверенный его попечению человек куда-то скрылся в темноте?

Озабоченно хмурясь, Шанталь вошла в дом и поставила саквояж на привычное место – полку, на которой он всегда оказывался под рукой в случае необходимости. В доме было темно. Ни одной лампы не зажигали в ее отсутствие. Скаут не возвращался!

Но она вдруг уловила слабый, но такой знакомый запах.

Сердце ее нырнуло и затрепетало. Она нерешительно пошла на этот запах, направляясь на кухню. Убеждая себя, что

она зря пугается и что курящих призраков не бывает, она все же помедлила секунду, прежде чем открыть бамбуковую дверь.

Красный огонек горячей сигары подмигнул ей из темноты. Она вскрикнула:

– Что ты делаешь?

– Принимаю ванну.

Скаут нежился в медной портативной ванне – колени его торчали из воды. Мокрые волосы, явно вымытые шампунем, были зачесаны со лба.

– Послушай...

– Тебе хочется спросить про сигару? – спокойно предположил он, глубоко затягиваясь и выпуская кольца дыма к потолку. – Не думаю, чтобы Джордж возражал, что я позаимствовал одну...

С трудом сглотнув, Шанталь покачала головой.

– Ах ты маленькая врушка!

Скаут отложил дымящуюся сигару в керамическую пепельницу, которую предусмотрительно поставил на стул рядом. Он положил локти на края ванны, а его пальцы касались воды, разбрызгивая ее, что Шанталь скорее услышала, чем увидела. Эти звуки, такие невинные сами по себе, казались ей сейчас зловещими, пугающими, как и его хриповатый голос.

– У меня выдался тяжелый денек, – пояснил он. – Но очень полезный в познавательном отношении. Полагаю, мне

следует поблагодарить тебя за то, что ты настояла, чтобы я взял выходной. Я побывал в той части острова, где никогда не был.

Он взял сигару и снова затянулся.

– Разумеется, я потерял килограмма два вместе с потом и так перетрудил левую ногу, что она начала чертовски болеть, подвергся нападению целой тучи насекомых-людоедов, повстречался нос к носу со змеей и едва не погиб под оползнем. Во всем остальном это был замечательный день. Я побывал в раю. И я не жалею, что прошел через все испытания, потому что я в конце концов повидался с твоим отцом. – Его полусшепот постепенно становился все громче и закончился почти криком.

Шанталь содрогнулась от ужаса. Зажмурив глаза, она попыталась взять себя в руки и сообразить, как бы ей умиротворить мужчину, который явно замышляет убийство.

– Я все объясню. Когда ты закончишь принимать ванну, мы встретимся в гостиной.

– Мы встретимся сейчас.

Он неожиданно встал во весь рост, и вода из ванны выплеснулась на пол. Оставляя за собой лужи и извергая поток ругательств, Скаут шагнул из ванны и направился к Шанталь. Она взвизгнула от страха и повернулась, чтобы убежать. Но ее реакция оказалась недостаточно быстрой. Скаут сгрел полу ее рубашки в кулак и рванул на себя. Его бицепсы вздулись, когда другой рукой он развернул Шанталь к себе.

Он кулаком надавил ей на спину, плотно прижав ее к себе, и так низко склонил над ней голову, что вода с его волос за- капала ей на лицо.

– Почему ты не сказала мне, что он умер?

– Я не считала это разумным.

– Потому что ты полагала, будто меня будет легче держать в узде, если я буду знать, что твой старик где-то здесь побли- зости, правильно?

– Да. Я решила, что с его мнением ты будешь больше счита- ться, чем с моим. Ты будешь доверять...

– Доверять – довольно забавное слово в твоих устах, прин- цесса, – презрительно заметил Скаут, все сильнее прижимая ее к себе. – Когда он умер?

– Примерно за неделю до того, как я тебя похитила.

Шанталь поняла, что ее ответ удивил его. Он не ожидал, что Джордж умер совсем недавно. Она была признательна ему за мгновение последовавшего молчания. Но спустя ми- нуту он снова засыпал ее вопросами.

– Что случилось?

– Он просто... – Она замолчала, чтобы откашляться и смахнуть слезы с ресниц. – Он вернулся из похода к вулкану и просто... взял и умер. Инфаркт, я так думаю.

– Ты никого не известила?

– Нет.

– Ты не хотела, чтобы кто-нибудь знал о его смерти?

– Нет.

– Почему?

– Это ни для кого не имеет значения, кроме меня и жителей деревни.

– А они, конечно, не могли рассказать мне об этом, поскольку никто из них, кроме Андре, не говорит по-английски.

– Да, – мягко призналась она. – Отец хотел, чтобы его похоронили рядом с матерью. Рано или поздно придется поставить в известность власти и оформить свидетельство о смерти, но какое значение имеет дата на этом документе?

Она чувствовала его немигающий взгляд на своем лице и ответила ему таким же прямым взглядом. Ее поступок был странным, но, с ее точки зрения, он был вызван необходимостью. Она не собирается сейчас объяснять что-либо или оправдываться.

Наконец он сказал:

– Должен признать, в сообразительности тебе не откажешь.

– Это не от ума, от отчаяния.

– Кто подал идею завлечь меня сюда, ты или отец? Кто решил использовать тебя в качестве приманки?

Она опустила глаза и ответила, обращаясь к его подбородку:

– Я.

– А пистолет?

– Отец был против любого насилия. Он полагал, что с то-

бой можно договориться, уговорить помочь нам. Мы с Андре сомневались.

– И когда старик умер, вы решили осуществить свой план.

– Да. Я попросила Андре достать пистолет... И мы оказались правы: не воспользуйся мы силой, нам бы тебя не уговорить.

– Ладно, вы притащили меня сюда, и я согласился помочь вам с вашими проблемами. Так почему ты все время скрывала от меня, что твой отец мертв? С какой целью?

Она опять смутилась.

– Чтобы ты думал, что он жив и в любую минуту может вернуться без предупреждения.

По его глазам было видно, что он догадался.

– Тогда ты могла бы меня не опасаться.

– Но ведь мне удалось это, – заметила она.

– До настоящего момента, принцесса.

Его губы впились в ее рот. Обняв ее одной рукой за плечи, а другой за талию, он приподнял ее и прижал к своему обнаженному телу.

Шанталь потеряла дар речи, ощутив бедрами тепло его кожи, мягкость волос и твердость его пениса. Когда он раздвинул языком ее губы, Шанталь пронзило новое острое наслаждение. Его рот был свеж, словно он только что вычистил зубы. От Скаута исходил запах мыла, сигары и... возбуждения. Страсть к нему, таившаяся в ней, подобно тлеющему вулкану, внезапно захлестнула ее, и она ответила так, как ей

того хотелось, совсем не так, как диктовал ей разум. Ее изголодавшееся тело продиктовало ей выбор.

Она прижала свой язык к его языку. Скаут, похоже, удивился, отстранился на миг, выждал, а затем, издав глухой звук, снова притянул к ней. Она обхватила его и провела руками по гладкой, мускулистой спине. Кончики ее пальцев раздавили капельки воды, коснулись его упругих ягодичек.

Он начал яростно и жадно целовать ее в шею. Отросшая за день щетина колола ей кожу. Она выгнулась так, что волосы ее достали почти до колен.

Скаут поднял голову и взглянул на нее. Полы ее рубашки стали влажными, и ткань облепила грудь. Он положил свои ладони ей на ключицы, а затем медленно повел их вниз, добываясь до ее груди. Пальцы его обхватили ее грудь, и соски сразу набухли. Он поцеловал один сквозь мокрую ткань, обвел языком вокруг соска, а потом легонько куснул мягкую плоть. Ее тело рефлекторно выгнулось, бедра приподнялись, коснувшись его.

– О, милостивый Боже! – Он положил руку ей под ягодичек, чтобы удержать ее в таком положении, и, зарывшись лицом в ее шею, внятно прошептал: – Я хочу тебя. Иди ко мне, Шанталь, пожалуйста...

Может быть, если бы он не заговорил... Если бы не напомнил ей, что отношения между ними будут лишь плотскими и скорее всего временными... Возможно...

В следующее мгновение она замерла и не отреагировала,

когда он взял ее лицо в свои ладони и медленно, уверенно поцеловал ее. Почувствовав ее внезапную пассивность, он поднял голову и вопросительно взглянул на нее.

– Я не могу, – тихо воскликнула она. В ее голосе слышались слезы. – Прости. Но я не могу.

И прежде чем он сумел удержать ее или убедить, на что ему явно не потребовалось бы больших усилий, она рванулась и выбежала из кухни.

Он ринулся за ней, но вынужден был остановиться, заметив темные тени, отделившиеся от кустов. Внезапно острие копья уперлось ему в живот.

– Какого черта?!

Шанталь остановилась, резко обернулась и взволнованно вскрикнула:

– Нет!

Скаута окружили несколько юношей из деревни. Среди них был и Андре. Все оказались вооружены копьями и ножами. Лица у них были напряженные, а позы угрожающие.

– Отзови своих цепных псов, Шанталь, – сказал он жестко.

Она обратилась к кружку воинственных мужчин. Один за другим те отступили и спрятали оружие. Последним удалился Андре. Сделал он это с явной неохотой.

– Мы его выследили до самого дома, – на ходу доложил он Шанталь.

– Ты посылала их за мной?

Несколько минут назад лицо Скаута пылало страстью. Те-

перь оно побелело от ярости.

– Я не знала, куда ты подевался, – попыталась оправдаться она. – Я боялась, как бы ты не попал в беду.

– Как же, как же! – вызверился он. – Ты боялась, что я улизну, не достроив твой проклятый мост. Будь я поумнее, я непременно должен был бы сделать это. – Он показал на нее пальцем. – Теперь я не дотронусь до тебя, будь ты хоть самой последней женщиной на этом острове, а я – навеки здешним пленником. К счастью, и то, и другое не соответствует действительности.

С этими словами он оттолкнул молодого человека, стоявшего на тропинке, и удалился в дом, громко хлопнув дверью.

На следующее утро Шанталь разбудил гул извергавшегося вулкана. Воздух был неподвижен, горяч и сух. Она с беспокойством подумала, что сулит ей предстоящий день.

Шанталь встала, умылась и оделась. Кроме нее, в доме никого не было. Обычно в это время Скаут уже сидел на кухне и чашку за чашкой поглощал черный кофе. Когда она вчера вечером вернулась с купания, его уже не было. Очевидно, ночью он так и не возвращался. Неудивительно, если припомнить его настроение.

Она позавтракала фруктами и кофе и вышла из дома. Солнце только поднималось над горизонтом, но она уже слышала металлические звуки, скрежет и шум стройки. Проходя по деревне по направлению к стройплощадке, она заметила, что даже для такого раннего часа в самой деревне было на редкость тихо. Остановившись на скальном выступе, она увидела далеко внизу Скаута. Его рабочая рубашка защитного цвета уже успела промокнуть от пота.

Она достаточно долго занималась психологией в колледже, чтобы распознать в нем личность типа А, то есть человека, стремящегося делать все по высшему классу. Он всегда работал на пределе своих возможностей. Так было и сейчас. Еще никто из местных не подошел, а он уже вовсю работает, взваливая все на себя. Неудивительно, что его так раздража-

ет медленный темп жизни на острове.

Он остановился, чтобы вытереть потное лицо платком. И заметил ее. Выражение лица явно враждебное. Она поморщилась, словно от боли, потому что его ярко окрашенная недоброжелательность обижала ее. Хотя после вчерашней ночи трудно было ожидать чего-то другого. Такой необъяснимый отказ оскорбил бы самолюбие любого мужчины.

Разумеется, она была в своем праве, сказав «нет». Но она не испытывала удовлетворения от этого. Ей куда больше хотелось бы, чтобы Скаут, как и прежде, смотрел на нее с неотступным желанием во взоре...

– Mademoiselle?

Услышав обращение, Шанталь вздрогнула и повернулась, будто застигнутая врасплох. Ее окружили члены совета деревни. Выражение на их лицах было серьезным. Многие старались не встречаться с ней взглядами.

– В чем дело? – Она сообразила вдруг, что они пришли с чем-то крайне серьезным, но, когда выслушала их, была потрясена: такого не ожидала. Услышанное подействовало на нее, как удар под дых.

– Вы уверены?

Все дружно закивали.

– Эй, вы, послушайте, что происходит? – Скаут взобрался по последнему маршу ступенек, вырубленных в скале всего несколько дней назад. Он задыхался от подъема. – Где все?

Шанталь посмотрела на него, пытаясь заглянуть прямо в

глаза и надеясь увидеть там прямоту, порядочность и готовность следовать принципам.

– Они сегодня не выйдут на работу.

– Что?! Только не говори мне, что они устроили себе еще один выходной.

– Они не выйдут на работу ни сегодня, ни завтра, никогда!

Он пошевелился, чтобы переступить с левой ноги. Несколько секунд он с изумлением смотрел на нее, а затем повернулся к старикам:

– Кто-то же должен просветить меня насчет происходящего, черт побери! Мы могли бы все закончить за два-три дня, если хорошенько потрудиться всем вместе. В чем дело?

Кроме Шанталь, никто не понял его слов. Ей выпало на долю все ему объяснить.

– В вас, мистер Ритленд, дело в вас!

– Во мне? – воскликнул он, прижав ладонь к груди. – Я из кожи вон лезу, чтобы потрафить им, чту их традиции и дал им вчера выходной. Я...

– Вы соблазнили одну из деревенских девушек и лишили ее невинности. – Слова упали как камни.

У Скаута рот сам собой открылся. Он смотрел на Шанталь с явным недоверием. Затем попробовал улыбнуться.

– Это шутка, верно?

– Они что, похожи на шутников? – еле сдерживая слезы, она, злясь, жестом показала на членов высшего совета деревни. – Коварство и соблазн они не считают шуточными дела-

ми, мистер Ритленд.

– Равно как и я не считаю ложное обвинение шуткой, – огрызнулся он.

– Значит, вы отрицаете?

– Вы необычайно догадливы, черт побери! Когда это предполагаемое соращение имело место?

– Прошлой ночью. – В груди Шанталь что-то сжалось. У нее едва хватало воздуха, чтобы выговаривать слова, но она с трудом выталкивала их, ибо живо помнила, что сказал ей Скаут напоследок перед своим уходом. – Я отказалась спать с вами, и тогда вы нашли Марго и соблазнили ее. Ну как, вам легче стало? Удовлетворили свою похоть?

– Если я и похотлив, то тому виной ты, принцесса.

Она не сумела сдержать рыдания.

– Я же предложила вам себя в обмен на мост. Почему вы просто не напомнили мне об этом, чтобы не трогать Марго?

Руки Скаута сжались в кулаки.

– Да она же еще ребенок, черт побери!

– Была до прошлой ночи.

– Но я даже ни разу не оставался с ней наедине.

– Тогда на празднике вы нашли ее хорошенькой.

– Так оно и есть! Надо быть слепым, чтобы не заметить этого. Но от этого признания далеко до того, чтобы навязывать ей себя.

– Она говорит иначе.

– Значит, она лжет.

– Она не станет лгать.

– Ну и я не стану! Среди нас только ты заведомая лгунья!

Она испытывала такую боль от его предательства, что почти не обратила внимания на его оскорбление. Ей хотелось, чтобы он защищался, яростно отрицал все, но только, разумеется, если это в самом деле неправда. Однако зачем бы Марго врать? Шанталь задала этот вопрос Скауту.

– Не знаю, но она лжет.

– Прошлой ночью вы сказали...

– Забудь о том, что я сказал. – Он рубанул рукой воздух. – Верно, я был зол, как черт. Я вышел из себя и наговорил такого, что, скорее всего, не следовало говорить, но ночь я провел на пляже. Один. Поверь мне, Шанталь.

– Чему верю я, значения не имеет. Имеет значение лишь их мнение.

– Только не для меня.

Она долго смотрела ему в лицо, отчаянно желая поверить ему. Он не отводил взгляда, и в его глазах не было фальши. Чутье редко обманывало Шанталь – она разбиралась в людях. У Скаута имелись свои недостатки, но она не верила, что один из них – это совращение юных девушек.

Наконец она повернулась к членам совета и сообщила, что Скаут отвергает обвинения Марго. Они начали переговариваться о чем-то, временами бросая на него подозрительные взгляды.

– О чем они говорят?

– Вон тот – отец Марго. – Она показала на особенно горячо спорившего человека. – Он говорит, что они этим утром застали Марго в слезах. Когда они вынудили ее рассказать, в чем дело, она призналась, что стыдится того, что отдала свою девственность американцу, то есть вам. Теперь они должны принять решение, как проверить вашу честность.

– Проверить? Какие еще проверки? Я...

Она подняла руку, чтобы остановить его протесты, и внимательно слушала, пока один из членов совета излагал ей их решение. В ответ Шанталь склонила голову, соглашаясь.

– Ну? – требовательно произнес Скаут. – Они хотят высушить мою голову или что-нибудь еще замыслили?

Она выпрямилась и повернулась к нему.

– Нет. Они твердят о том, что следует послать вас к вулкану.

– Чушь собачья! – Скаут сбил костылем гигантский лист папоротника, который угораздило оказаться в неподходящий момент в неподходящем месте, то есть на его пути. – Поверить не могу, что мою судьбу решают какие-то несколько колдунов в набедренных повязках. – Он яростно прихлопнул насекомое, осмелившееся подлететь вплотную к его лицу. – Как только вернусь в Штаты, продам свою историю голливудскому продюсеру. Хотя, если подумать, никто и не купит, потому что поверить в это невозможно.

– Вы бы поменьше говорили, только сбиваете дыхание. Лучше помолчите.

Он обернулся к Шанталь, шедшей за ним вверх по заросшей тропинке.

– Но ты-то понимаешь, что это все чушь дерьмовая, верно? Пустая трата времени и сил. Почему ты позволила им уговорить себя?

– Ради того, из-за чего я все и делаю: ради моста. Одному вам его не достроить. А люди не станут вам помогать, пока вы не докажете свою невиновность и вулкан не примет вас благосклонно.

Он шепотом выругался, высказав свое мнение об их намерениях. Еще недавно его боготворили и уважали, считая посланцем богов. Обвинение Марго поставило под сомнение его божественную сущность. Совет постановил, что он должен отправиться к вулкану и принести ему подношение. Если ему удастся сделать это и затем вернуться целым и невредимым, люди снова поверят в него. Благоволение вулкана будет знаком того, что боги одобряют его присутствие в деревне.

Он уставился на нее.

– Я мог бы подумать, что все эти обвинения против меня изобрела ты, причем ради того, чтобы поближе подойти к вулкану и сделать свои проклятые снимки крупным планом. – Он показал на тяжелую сумку с камерой, висевшую у нее на плече.

– Кто-то же должен прийти с вами и подтвердить, что вы не выбросили подношение по дороге. Так вышло, что после

моего отца именно я лучше всех знаю этот вулкан. – Она поправила ремень от сумки. – Вы можете сэкономить свои силы, мистер Ритленд, но только не мои. Шевелитесь, пожалуйста.

Тихо выругавшись, он подчинился.

Им пришлось продираться через густые джунгли предгорья много часов, прежде чем начать взбираться на гору, ближайшую к кратеру вулкана. От веса камеры и прочего снаряжения шея, плечи и спина у Шанталь нестерпимо болели.

Скаут нес съестные припасы и рюкзак с неким подношением от каждого жителя деревни. Его груз тоже начинал напоминать о себе. Скаут неосознанно щадил больную ногу, идя осторожно. Они остановились лишь однажды, но ненадолго, просто чтобы выпить воды, которую тащили с собой, но не успели они проглотить ее, как она тут же вышла потом.

Наконец джунгли остались позади. Пологая местность перешла в крутой подъем, почва стала более каменистой, а растительность – скудной. Дул незначительный ветерок, но воздух становился все более разреженным и теплым. Когда стало уже казаться, что пути их не будет конца, они вышли на гладкую площадку утеса, выступавшего из плато. Со скалы в маленькое озерцо низвергался водопад. Шанталь бросила свою сумку с камерой и снаряжением, скинула ботинки и нырнула в воду. Скаут прямо в одежде немедленно последовал за ней. Они вылезли мокрые до нитки.

Шанталь уселась на камень и вдоволь напилась из своей фляжки. Затем отжала воду из длинной косы и надела соло-

менную шляпу, чтобы прикрыть обветренное лицо. Тут она заметила, что Скаут внимательно наблюдает за ней.

– Это твоего отца?

– Что? – Затем, сообразив, что он имеет в виду соломенную шляпу, утвердительно кивнула. – Я знаю, что мне до него далеко, – сказала она с печальной улыбкой, – так я решила, хоть шляпу его поношу...

– Я так и понял. А что ты пишешь каждый вечер?

– Последнюю главу учебника, над которым он работал.

– Ты хочешь закончить учебник за него?

Она не видела причины, чтобы лгать.

– Именно поэтому я и не хотела заявлять о дате его смерти. Издателям вовсе не следует знать, что он не сам собрал все данные до последнего и закончил книгу.

– Но это не станет твоей заслугой, вернее, ты не получишь признания.

– И не надо, – ответила она, удивленная таким предостережением. – Что бы я ни изучала, даже в высшей школе, отец всегда был моим лучшим учителем. В нем жила душа вулкана. Он чувствовал кратер, как сердцебиение. Он знал его лично. Единственная моя заслуга в том, что я – самая верная его ученица.

Скаут продолжал внимательно смотреть на нее.

– Я никогда не касался этой девушки, Шанталь! Ты ведь не веришь, что я мог так поступить.

Она с сомнением сдвинула брови.

– В твоём состоянии...

– В моём состоянии я мог бы переспать с сотней женщин, но ничего путного из этого не вышло бы. Я хочу лишь одну. Тебя!

Ее сердце бешено заколотилось – она прерывисто вздохнула. Ей не хотелось признаваться себе в этом ощущении буйной радости, но ликование оказалось сильнее ее. Да, она расстроилась, узнав, что Скаут изменил ей с молодой девушкой, ибо в основе ее реакции лежала ревность. Ей и в голову не приходило, что он может пожелать другую женщину. Она с ума сходила, пытаясь представить, как он занимается любовью с другой. Эта ее болезненная реакция на услышанное пугала ее. Насколько же глубоки ее чувства к Скауту? Она боялась ответа на этот вопрос и решила пока не думать об этом.

– Нам лучше тронуться в путь.

Она зашнуровала ботинки и приготовилась следовать дальше. Когда она подняла сумку с камерой, чтобы повесить ее на плечо, Скаут отнял у нее эту ношу.

– Лучше я понесу.

– Она слишком тяжелая.

– Именно поэтому ее лучше взять мне. Ну вот, теперь я уравновесился, имея груз в обеих руках. Далеко еще?

– Метров пятьдесят, может, чуть больше. Но местность труднодоступная.

– Хуже, чем раньше?

– Боюсь, что да. Почти вертикально вверх.

– Тогда показывай дорогу, – устало сказал он. – Я – за тобой.

Никаких тропинок не было. Они оскальзывались на каменистой почве, но шли, чтобы добраться до ближайшей к вулкану вершины, с которой открывался прекрасный вид. Было очень жарко – воздух словно обжигал легкие. И все же от восхождения кружило голову и в переносном смысле.

Пульс Шанталь начал стучать лихорадочно, но не только от физической нагрузки, а еще и от восторга, который она всегда испытывала, приближаясь к вулкану. Оглянувшись через плечо на Скаута, она поняла, что он разделяет ее чувства: с благоговением и восторгом смотрел он на могущественное чудо природы, у которого, казалось, имелся собственный характер.

Из кратера извергалась лава. Красными ручейками она сбегала по склонам конусовидной горы. Воздух дрожал при каждом огненном выбросе. Земля под ногами вибрировала.

– Милостивый Боже! – с трепетом произнес Скаут. – Это же уму непостижимо, правда?

– Я его обожаю.

– Только подумать, то, что он отрывает, останется здесь на миллионы лет. Мы присутствуем при зарождении нового.

Шанталь, обрадованная реакцией Скаута, стояла на скале. Силуэт ее четко выделялся на фоне красного неба. Дул ветер. Она сняла отцовскую шляпу и расплела косу, позво-

лив волосам затеять дикую пляску вокруг ее головы. Зарево придавало ее коже оттенок полированной бронзы. Сейчас Шанталь была похожа на верховную жрицу, поклоняющуюся своему языческому богу.

Скаут подошел к ней.

– Спасибо, что поделилась этим со мной.

Она перевела взгляд на него. Так они, не отрываясь, смотрели друг на друга, пока земля не вздрогнула от более сильного толчка. Оторвавшиеся от скал камни с грохотом посыпались вниз.

Шанталь улыбнулась, заметив тревогу на лице Скаута.

– Если вы невиновны и не совращали Марго, вам нечего бояться.

– Я невиновен, но я буду куда спокойнее, если мы оставим этот мешок с мусором, быстренько сделаем снимки и уберемся отсюда ко всем чертям.

Поскольку они начали испытывать волнение, оба прибегли к шуткам, чтобы заглушить подступивший страх.

– Не думаю, чтобы ваше отношение к вулкану было достаточно трепетным, мистер Ритленд, – шутливо упрекнула она его.

– Я в этом деле новичок, знаешь ли. Что я должен делать? Плюнуть на ладони, обернуться вокруг себя три раза и поклясться, что отныне я буду паинькой?

– Вы насмехаетесь над нами, над нашими ценностями.

– Их ценностями. Ты ведь веришь во все эти бредни еще

меньше, чем я. Ты только вид делаешь, чтобы подразнить меня. – Он высыпал на землю все приношения из мешка и принялся разбрасывать их вокруг. – Пока я этим занимаюсь, приступай к фотографированию. Я с большим почтением отношусь к *Voix de Tonnerre*, но вовсе не уверен в его почтении к нам.

Шанталь установила треножник и привинтила камеру. Она работала методично, делая снимки, которые должны были получиться еще более фантастическими, чем предыдущие. Отсняла одну пленку, затем другую. Солнце клонилось к закату, и вокруг быстро темнело, хотя догадаться об этом было трудно, поскольку вулкан освещал все вокруг розоватым светом.

– Время двигаться, как ты считаешь? – осторожно поинтересовался Скаут.

– Да. Хотя ужасно не хочется. Пройдут годы до следующего извержения такой силы. – В ее голосе слышалась печаль.

Скаут поспешил уложить камеру, пока Шанталь со смешанным чувством сожаления и благоговения наблюдала за плевавшимся вулканом.

– *Au revoir*, – прошептала она. Затем повернулась и покорно вложила свою ладонь в протянутую руку Скаута.

Груза стало меньше, к тому же им теперь предстояло спускаться, и продвигались они значительно быстрее. Шанталь знала, что у него болит нога, но он ничем не показывал этого. Казалось, он больше заботится о ее безопасности, чем о

своей собственной. Несколько раз она оступалась и могла бы скатиться вниз по крутому склону, не оказись рядом Скаута.

– А вулкан поймет, что эти подношения от нас? – спросил он, с беспокойством оглянувшись через плечо на Голос Грома, который выпустил огненный гейзер и фейерверк расплавленных камней в ночное небо. Извержения следовали одно за другим, и промежутки между ними все сокращались.

– Я не боюсь. А вы?

– Черт, да вроде нет, – храбро возвестил он.

Оба рассмеялись и ускорили спуск, перестав делать вид, что они не спасаются бегством. Вулкан разбушевался всерьез. На них посыпались пепел и мелкие головешки, напоминавшие снег в преисподней.

– Немедленно в воду! – крикнул Скаут, когда они добрались до озера, в котором купались по пути к вулкану.

– Подождите. Просто фантастика. – Она выхватила камеру из сумки и принялась щелкать с такой скоростью, с какой позволял затвор. – Нет, вы только взгляните!

– Шанталь!

– Если бы отец мог видеть...

– Шанталь!

Он вырвал у нее камеру, швырнул ее на землю и бросился в озеро, увлекая ее за собой. Вода сомкнулась над их головами. Скаут первым коснулся дна и, оттолкнувшись, вытащил себя и Шанталь на поверхность. В тот момент, когда они вынырнули, Voix de Tonnerre взорвался.

Ничто из увиденного ими раньше не могло с этим сравниться. Огонь столбом взметнулся к небесам и тут же полился потоком вниз. Раскаленные камни с шипением падали вокруг них в воду. Они ничего не могли предпринять, им оставалось лишь наблюдать с открытыми ртами, причем благоговение пересиливало страх.

Скаут сравнил извержение с рождением – так же захватывающе, так же болезненно и так же прекрасно. Казалось, извержение будет продолжаться вечно. Но неожиданно все прекратилось и смолкло.

Наступившая тишина казалась оглушительной.

Они долго стояли по подбородок в воде. Наконец Скаут взял Шанталь за руку и вывел из озера. Теперь вулкан выстреливал лишь безобидные облачка пара. Похоже, Голос Грома был настроен благосклонно.

Шанталь в изнеможении рухнула на колени. Говорить не хотелось, так что оба молчали. Наконец Скаут прилег рядом с ней и привлек ее к себе, закрыв своим телом.

Прохладный ветер над их головами уносил тучи пепла в море.

Шанталь проснулась и высвободилась из объятий Скаута. Вернее сказать, попыталась. Он схватил ее за руки, когда она села. Его глаза распахнулись. Удерживая ее, он неотрывно смотрел ей в лицо. Затем коснулся ее волос, щеки.

Выражение его лица было вопрошающим и молящим одновременно. Он словно спрашивал, понравилось ли ей спать рядом с ним всю ночь. Способен ли он прочесть утвердительный ответ в ее взгляде?

Ей хотелось наклониться к нему и поцеловать мягко и нежно, желая доброго утра. Но если она это сделает, то не сможет остановиться, а она знала, что должна держать себя в руках. Если она пролежит рядом со Скаутом секундой дольше, ей никогда не захочется уходить от него.

Она призвала на помощь всю свою волю, которая наверняка сделала бы честь монаху, высвободилась из его рук и встала. Осмотрела камеру и обнаружила, что аппаратура перенесла прошедшую ночь достойно. Пленки, снятые вчера, оказались целы и не засвечены.

Скаут вставал с большим трудом и, поднимаясь, долго возился. Его конечности словно одеревенели, поскольку спать пришлось в мокрой одежде, а раненая нога разболелась снова. Шанталь заметила, как он бессознательным движением потер ее, нагнувшись над озером, чтобы наполнить водой их

фляги.

– Ты сегодня без шляпы, – заметил он, когда они двинулись в путь.

– Я потеряла ее ночью, когда мы бежали с горы.

– Надо было сказать... Мне очень жаль.

– А мне – нет. Отцу приятно было бы знать, что она осталась где-то там, у подножия вулкана.

Они говорили мало, но странно, общение их стало более раскованным. Оба остро ощущали присутствие друг друга. Бесчисленное количество раз они одновременно останавливались, будто обездвиженные все возраставшим взаимным влечением, и смотрели друг другу в глаза. Они вместе пережили нечто необыкновенное, и это, похоже, связало их прочными узами. А может, это новое ощущение близости явилось результатом ночи, проведенной в теплых объятиях друг друга?

Словом, случилось что-то значительное, перешагнувшее границы сексуального влечения и приблизившее их обоим к духовному единству. Они ощущали в себе эту перемену. Правда, пока еще не могли понять, в чем дело. Но в настоящий момент для них достаточно было наслаждаться этим сознанием, не давая ему определения.

В деревне им устроили торжественную встречу. Не успели они достигнуть ущелья, как слышали бой барабанов. Когда они вынырнули из зарослей, люди, собравшиеся на другой стороне ущелья, приветствовали их радостными криками.

Шанталь улыбнулась Скауту:

– Вы вроде бы герой дня нынче.

Они спустились по новым ступенькам к незаконченному мосту, осторожно перешли через него и взобрались на другую сторону. На середине восхождения их встретили те, кому не терпелось приветствовать Скаута.

– Что они говорят? – спросил он.

Джонни отпихивал других детей, стремясь завладеть рукой Скаута. Ему уступили, предоставив такую возможность, и он гордо пошел рядом с героем.

– Вчерашнее извержение послужило свидетельством благорасположения вулкана. Теперь они уверены, что не зря доверились вам.

– Слава Богу! Мне бы очень не хотелось взрывать эти ступени динамитом. – Он глупо улыбался, купаясь в лучах славы, с благодарностью принимал букеты и гирлянды из цветов, не отвергая никаких знаков внимания, оказанного ему.

Но внезапно галдевшая толпа смолкла. Люди аккуратно расступились, пропустив вперед невысокую фигурку. Шанталь и Скаут с любопытством наблюдали, как Марго шла к ним. Голова ее была опущена так низко, что свесившаяся копна волос полностью скрывала лицо.

Она заговорила едва слышным шепотом. Когда она закончила свое душещипательное повествование, Шанталь взглянула на Скаута.

– Ну и что?

– Она говорит, что наврала про вас. – Шанталь откашлялась, поскольку ее голос сел от волнения. – Похоже, ее любовник велел ей обвинить вас в том, что сделал сам. Она испугалась. Она любит этого человека и не смогла его послушаться. Но она не может дальше так жить. Прошлой ночью, убоившись гнева вулкана, она рассказала родителям всю правду.

Скаут взглянул на смущенную девушку. Его взгляд был полон сочувствия, а не укора.

– Скажи ей, что я принимаю ее извинения и хочу, чтобы все было забыто.

– Все не так просто, Скаут.

– Почему?

– Их следует наказать.

Он забеспокоился:

– Что с ней станет?

– Совет решил, что ее наказанием будет позор, с которым ей придется теперь жить.

– А как насчет парня?

– Его наказание зависит от вас, поскольку это он виноват в содеянном против вас.

– Кто это?

Шанталь перевела вопрос Марго. Из глаз девушки полились слезы. Дрожащими губами она прошептала:

– Андре.

Не успела она произнести это имя, как в толпе снова воз-

никло какое-то движение. Андре вытолкнули вперед, заставив предстать перед человеком, которого он облыжно обвинил.

Надо отдать ему должное, он вел себя достойно и стоял, гордо подняв подбородок. Его руки были связаны спереди, но он смотрел на Скаута с откровенным вызовом.

– Как вы с ним поступите?

Скаут обменялся враждебными взглядами с Андре, но, когда Шанталь задала ему этот вопрос, он взглянул на нее с испугом. Она повторила свой вопрос.

– Вы стали жертвой его обмана. Вам и решать, какое он понесет наказание.

Скаут взлохматил руками волосы.

– Если бы я хотел стать судьей, я пошел бы в школу юристов. Нельзя ли нам просто пожать друг другу руки и забыть об этом?

– Нет, – решительно отрезала она, покачав головой. – Они ждут, что вы накажете его. Он и сам ждет наказания. Ему будет хуже, если вы этого не сделаете. Он лучше умрет, чем потеряет лицо.

Андре продолжал молчать, но глаза его подтверждали сказанное Шанталь.

– Ладно, – мрачно сказал Скаут. – Пусть кто-нибудь даст мне нож.

Шанталь испуганно вздрогнула, но нож уже передавали в толпе из рук в руки. Наконец он оказался у нее в руках. Она

отдала орудие казни Скауту.

– Помни, ты меня в это втравила! – вполголоса проговорил он, а затем повернулся к противнику.

Он приставил кончик ножа к животу Андре так, как это сделал Андре несколько дней назад.

– В наказание за то, что ты лишил Марго невинности, ты женишься на ней и подаришь ей кучу детей.

Андре даже не поморщился, когда Скаут поднес нож к его животу, но, заслышав слова противника, он вздрогнул. Моргая, он нерешительно смотрел на Шанталь, как будто был не уверен, что правильно расслышал приказание Скаута.

Жители деревни загомонили, торопя Шанталь. Им не терпелось поскорее услышать перевод сказанного белым человеком. Когда они поняли, в чем состоит наказание для Андре, поднялся невообразимый шум. Марго резко подняла голову. Внезапно она перестала молиться, и четки обвисли на ее застывшей руке.

– Спроси ее, любит ли она его, – приказал Скаут. Шанталь перевела вопрос Марго.

Слезы на ее щеках сверкали подобно каплям росы, пока она, затаив дыхание в ожидании приговора, слушала Шанталь.

– Oui, oui, – искренне засвидетельствовала она, энергично кивая головой.

Она произнесла еще что-то, и Шанталь перевела:

– Она говорит, что если бы она не любила его, то нико-

гда не стала бы с ним спать. Напротив, она его так любит, что хотела продемонстрировать это любой ценой. Даже ценой позора. И даже ценой смерти.

Взгляд Скаута переместился на затуманенные синие глаза Шанталь, потом снова остановился на Андре.

– Ты слышал ее. Она тебя любит. Женись на ней. И нарожайте детей. – Он ближе подступил к Андре и чуть вдавил кончик ножа в его живот, едва не распоров кожу. – Если ты будешь плохо с ней обращаться или если она будет несчастлива с тобой, я вернусь и сделаю из тебя незадачливого евнуха. – Отойдя на шаг, он спросил: – Ты принимаешь это наказание?

Потрясенный Андре кивнул.

– Прекрасно. – Быстрым движением, вызвавшим одновременный вздох всей толпы, Скаут разрезал веревки на руках Андре. Затем он развернул нож концом к себе и протянул рукоять Андре, который в смятении принял его. – Теперь, когда мы разобрались со всем этим, давайте вернемся к работе и закончим этот проклятый мост.

– Вы окончательно завоевали их, когда отдали нож Андре и повернулись к нему спиной. Теперь они пойдут за вами, куда угодно. До этого вы им просто нравились. Теперь они боготворят вас.

Шанталь и Скаут сидели рядом на плетеной циновке, которая вполне могла бы служить тронным местом. Торжества

в честь окончания строительства начались в сумерках. Начиная с момента объявления праздника, жители деревни несли Скауту подарки.

Даже в тот момент, когда Шанталь говорила ему что-то, хихикавшая девчушка надела ему на шею цветочную гирлянду, расцеловала в обе щеки и убежала, спрятавшись среди подруг.

– Просто сплошное везение, – лаконично ответил он на искреннее высказывание Шанталь. – Назначенное мною наказание, похоже, вступило в силу. – Он кивнул в сторону молодоженов, целовавшихся под одобрительные взгляды родителей. – Мне кажется, Андре наконец смирился с мыслью, что ему не заполучить тебя, и согласился на вторую по красоте девушку деревни.

Шанталь не стала развивать эту щекотливую тему.

– Марго будет верной женой. Он уже обучает ее английскому, что для меня означает, что он не только очень ее любит, но и считает равней. – Она взглянула на Скаута. – Царь Соломон не мог бы принять более мудрого решения.

– Ты знаешь про царя Соломона?

Она неодобрительно фыркнула.

– Я же не язычница.

– Иногда я сомневаюсь. – Он заговорил вдруг тихо и с нежностью в голосе: – Я вспоминаю, как ты выглядела, стоя на фоне разрывавшегося неба. Я испугался до потери пульса, но ты приветствовала ярость вулкана.

– Зрелище было потрясающее, – просто сказала она. Затем, чтобы вернуться к начатому разговору, добавила: – Мужчины в деревне с уважением относятся к вашей храбрости. Женщины восхищаются вашей красотой. Они все влюблены в вас.

– Все?

Группа молодых людей, уже прошедших инициацию, исполняла ритуальный танец. Сверкали лезвия ножей, сталь ударялась о сталь. Они вращали длинными копьями, как игрушечными булавами. Один из танцоров жонглировал горящими факелами, ловко подбрасывая их в воздух так, чтобы они переворачивались, и ловил их над самой землей.

Но мастерство и мужественность танцоров остались без внимания – Шанталь и Скаут смотрели только друг на друга. С момента возвращения в деревню их тяга друг к другу стала столь же сильной и постоянной, как прилив.

Она любила его и наконец могла себе в этом признаться.

Она любила его за то, что он стремился закончить постройку моста. Он работал вдохновенно и много, не довольствуясь малым и все доводя до совершенства. Он был строгим начальником, но никогда не требовал с рабочих того, чего не желал делать сам. Он ко всем относился ровно. Он не критиковал людей за ошибки и лень, но зато поощрял инициативу и удачно выполненную работу. Он был честен и умел сопереживать, что и доказал своим отношением к случившемуся с Марго и Андре.

Она любила его страстно.

Но он оставит ее, и она не знала, как она с этим справится.

– Выпей еще. – Ей хотелось разрушить странное наваждение, вынуждавшее их обоих так долго не сводить друг с друга глаз. – Если тебе не понравится праздник, их чувства будут глубоко задеты.

– Если я выпью еще, я вообще лишусь чувств. Мои конечности и так онемели. – Но он послушно поднес скорлупу кокосового ореха к губам и основательно приложился к напитку, который, как он уже знал по опыту, был далеко не так безобиден, как можно было предположить по его вкусу.

– Monsieur? – Перед ним вдруг появилась целая семья. Они поставили у его ног корзину с фруктами.

– Merci.

Когда муж, жена и дети удалились, Шанталь пошутила над явным смущением Скаута:

– Ты все еще испытываешь неловкость, беседуя с женщиной с обнаженной грудью.

– Слишком много во мне от «Янки Дудл Дэнди», я так думаю.

– Откуда у тебя такое имя? – Она выбрала спелый плод папайи и принялась чистить его.

– Скаут? – Он по-мальчишески усмехнулся. – Когда я был ребенком, мы часто играли в переселенцев. Я не хотел быть одним из пионеров, ушедших на Запад, чтобы заниматься сельским хозяйством, понимаешь? Напротив, мне хотелось

быть крутым парнем с темным прошлым, поэтому я всегда выбирал себе роль скаута. Соседские дети привыкли меня так называть, оттуда и пошло... – Он пожал плечами. – К тому же это звучит лучше, чем Уинстон Рэндольф, то есть мое настоящее имя.

– А вот и нет! – воскликнула она, вонзив нож в сочную мякоть плода.

– Да. Ничего себе имечко подобрали двое взрослых невинному младенцу, правда?

– Расскажи мне про твою семью, – попросила она, продолжая чистить папайю.

– Я остался один. Родители умерли.

– Вот как?!

– По тебе сок течет.

Он потянулся, чтобы пальцами вытереть сок папайи с ее подбородка, а потом облизал пальцы. Губы ее все еще были в соке. Он несколько секунд словно изучал их, затем наклонился и слизал сок с ее губ, слегка обведя их языком. Губы Шанталь приоткрылись, но она отодвинулась.

Он со стоном, на выдохе произнес ее имя. Его глаза шарили по ее лицу, упиваясь каждой черточкой.

– Ты невообразимо прекрасна!

– Ты не смотришь на танцующих. А ведь они танцуют в твою честь. – Голос ее был еле слышен за грохотом барабанов и трелями самодельных флейт.

– Мне не надо смотреть. Я и так чувствую ритм. В своем

сердце. В моем... – Он проглотил комок в горле и крепко зажмурился. – Я так сильно и давно хочу тебя. Ты и представить себе не можешь, какой мукой Для меня было лежать из ночи в ночь под одной с тобой крышей и не чувствовать тебя рядом так, как было там, на горе.

– Скаут!..

– Не останавливай меня. Выслушай. Что-то важное произошло той ночью, когда мы спали вместе у подножия вулкана. – Он развел руки в беспомощном жесте. – Я не знаю, что именно это было, но той ночью я подумал, что, возможно, меня соблазнила вся эта атмосфера вокруг и ты, как ее часть. Но это не так, Шанталь. Все дело в тебе. Я клянусь...

Музыка внезапно смолкла. Все застыли. Танец кончился. На мгновение Скаут отвлекся от Шанталь. Он увидел, что центр ритуального круга очистился. На другой его стороне наблюдалось какое-то движение, но ничего пока не происходило.

Когда он повернулся, чтобы продолжить разговор с Шанталь, ее рядом с ним не оказалось. Невероятно. Он не почувствовал, как она исчезла. Даже воздух не пошевелился. Он начал оглядываться, искать ее глазами в толпе, но она – словно испарилась.

– Куда, черт побери...

Снова раздался барабанный бой, но уже в более медленном темпе. Скаута не интересовал очередной танец. Он хотел найти Шанталь и закончить разговор с ней. Но ведь праздник устроили в его честь. Было бы невежливо обидеть великодушных хозяев. Поэтому он неохотно взирал в центр круга, откуда по направлению к нему двинулись две шеренги девушек.

Юбки из травы колыхались вокруг их голых ног. Бедра вращались с завораживающей ритмичностью и изяществом. Как и в первый раз, танец был чувственным и соблазняющим, но отнюдь не похотливым.

Достигнув Скаута, девушки разошлись: одна цепочка направилась налево, другая – направо. Ему нравилось, как синхронно они это проделывают. Перед ним остановились всего две девушки. Одна удалилась вслед за другими. Другая осталась.

Неожиданно он осознал, то смотрит в ослепительно синие глаза.

Сердце пропустило несколько ударов. Он потерял дар речи, прочитав смелое приглашение, сверкавшее в ее глазах. На ней уже не было лифчика. Блестевшие обнаженные груди лишь слегка прикрывали гирлянды из жасмина. В мерцаю-

щем свете факелов кожа ее почти сверкала. Волосы стекали по плечам, доставая почти до бедер. Движением головы она перекинула их за спину. Теперь тяжелая грива вилась за ее спиной. В такт бьющим барабанам она подняла руки над головой. Гибкие, изящные, выразительные. Скаут по достоинству оценил ее совершенство и умение, но был окончательно сражен чарующей соблазнительностью и глаз не мог оторвать от лоснившегося живота, извивавшегося в ритмичных волнообразных движениях. Юбка из травы колыхалась вокруг ее бедер, оголяя по временам влекущую гладкую плоть, при виде которой он изнывал от желания.

В голове бухало. Оглушительнее, чем при извержении вулкана, сильнее, чем в основательном подпитии. Ему казалось, что кровь в его жилах стала горячей и вязкой. Все ощущения сходились в паху, и он не смог удержать стоны, почувствовав знакомую реакцию.

Шанталь бешено крутилась, возведя руки к небу, откинув голову в порыве экзальтации и до предела выгнув спину. Последнее оглушительное крещендо барабанов, и она вдруг пала к ногам Скаута, прижавшись головой к его коленям.

Затем, резко подняв голову и отбросив черную атласную копну волос, она уставилась на него с откровенным желанием женщины и гордым вызовом львицы.

Скаут вскочил и протянул ей руку. Она вложила свою в его загрубевшую от работы ладонь. Он помог ей встать, потом подхватил на руки. Он пронес ее сквозь пахучую полу-

тму к дому. Луна светила так ярко, что не было нужды зажигать лампы. Он прекрасно видел путь в спальню Шанталь, хотя вело его что-то другое, потому что его взор был прикован к Шанталь.

Он нырнул под москитную сетку и мягко положил Шанталь на постель, а сам лег рядом и закрыл ее тело своим. Поцеловал ее долгим, страстным поцелуем. Его язык мягко, но неумолимо исследовал ее рот, а руки тем временем ласкали тело. Он разорвал пояс травяной юбки, и она осталась лишь в бикини и ожерельях из ароматных цветов.

Он приподнял голову, чтобы взглянуть на нее. Ее груди, полные и мягкие, прижимались к его груди. Подцепив пальцами плотную ткань, он снял с нее трусики. Ее лобок был нежным, темным и пушистым. Прекрасным своей потаенной негой.

Он склонил голову, отодвинул цветы и поцеловал ее грудь. Затем медленно обвел языком вокруг ее сосков и почувствовал, как они затвердели. Он обрадовался, услышав, как она хрипло выговорила его имя. Он хотел, чтобы ей было хорошо. Когда он положил руку ей между ног и почувствовал ее реакцию, он понял, что она ждет его.

Быстро поднявшись и встав у края постели, он рванул пуговицы своей рубашки. Освободившись из чувственной паутины его ласк, Шанталь села и схватила его руки, поспешно пытавшиеся скинуть одежду.

– Позволь мне.

– Боюсь, я уже не могу ждать, – сообщил он смущенно.

– Можешь.

Она начала расстегивать оставшиеся пуговицы рубашки, стараясь как можно дольше не обнажать его тела. Наконец она прижалась губами к его теплой влажной плоти и поцеловала его в самый центр груди.

Застонав от наслаждения, он запустил пальцы в ее волосы. Целуя его, она сняла с него рубашку и бросила ее на пол. Затем положила ладони ему на грудь, прямо на шелковистую полоску, делившую пополам и живот. Она осторожно провела по ней губами.

Он в блаженстве закрыл глаза, слегка обнажив сжатые зубы, а она все целовала его легонько. Но когда она принялась стягивать с него трусы, он открыл глаза и взглянул на нее.

Приподняв ей голову за подбородок, он провел большим пальцем по ее влажной губе.

– Я ничего не жду. Ты ничего мне не должна.

– Я знаю. И потому хочу.

Она приняла его тяжелый и пульсировавший пенис в свои ладони.

– Шанталь!.. – простонал он.

Она любила его ртом. Щедро. Жадно. С удовольствием. Скаут начал умирать медленной восхитительной смертью.

– Ты уверена?

Ее руки, гладившие его ягодицы, притянули его к себе поближе.

– Oui. Да.

– Это замечательно. Но я так глубоко, я боюсь сделать тебе больно. Скажи мне, если тебе будет больно.

– Не будет.

Шанталь закрыла глаза, чтобы насладиться ощущением его плоти в себе. Ей была приятна его тяжесть. Цветы из гирлянд смялись между ними. Их аромат пьянил. Она наслаждалась ощущением его волос на своей груди. Ей нравилось гладить мускулы его спины, которыми она так часто любовалась, когда он ходил по пояс голый.

– Я больше... не могу сдерживаться, – прерывисто прошептал он.

– И не надо.

Он начал ритмично двигаться. Ее бедра поймали этот ритм. Он хрипло шептал ей в ухо ласковые слова, и она лепетала на бездумной смеси французского и английского. Его движения стали резче, острее.

Шанталь почувствовала, как напряглись все ее мускулы, создавая нестерпимое, но такое блаженное напряжение. Его рот нашел ее сосок, и, когда он вобрал его в рот, напряжение внезапно прорвалось. Все ощущения, которые она когда-либо испытывала или создавала в своем воображении, сконцентрировались в ее лоне, а затем пролились наружу, отдавая больше света и тепла, чем новая вспыхнувшая звезда. У нее искры из глаз посыпались.

Но еще большее наслаждение ей принесло ощущение на-

полнившего ее взрыва новой жизни, истекавшей из тела Скаута.

– Скорее всего, мне трудно делиться ответственностью потому, что я всегда был вынужден все брать на себя.

– Разве твои родители не радовались твоему желанию добиться успеха? – Шанталь лежала, прижавшись щекой к его груди и лениво поигрывая его соском.

– Конечно. Однако у них был постоянный, но ограниченный доход. Я знал, что если хочу достичь чего-то большего, чем мой отец, проработавший на одной фабрике тридцать лет, то должен сделать это самостоятельно. Они не могли помочь мне деньгами. Чтобы закончить колледж, я вкалывал на нескольких работах одновременно.

– Все окупилось. Ты определенно преуспеваешь.

– Я набирался опыта, работая в нескольких компаниях, прежде чем организовать свою собственную. Начал я с малого. Именно поэтому так важен для меня «Коралловый риф». Это мой первый контракт с крупной корпорацией.

Упоминание о «Коралловом рифе» как-то сразу приблизило тот, другой мир. Шанталь инстинктивно прижалась к Скауту покрепче. А он машинально сжал свои объятия.

– Пока я не побывал здесь, – мечтательно заговорил он, – я считал, что все в мире расписано по часам. Я был одержим сроками и графиками, горя нетерпением получить следующее крупное задание. – Он поднес ее руку к своим губам и

поцеловал в ладонь. – Ты научила меня тому, что все утрясается само по себе. Я даже ни разу не вспомнил про свои часы.

Она макушкой почувствовала, что он улыбается.

– Поскольку я выросла здесь, бешеный ритм жизни в Штатах пугает меня. Я понимаю, что в силу необходимости жизнь не может идти так размеренно, как здесь, но должна же быть золотая середина, – с грустью произнесла она. – Должна признаться, у меня появилось некоторое презрение к так называемой современной цивилизации по сравнению с незатейливой жизнью на этом острове. Но за последнюю неделю я узнала, что и эта культура не идеальна.

– Что так?

– Я про ту историю с Андре. Наверное в каждом обществе есть коррупция и обман.

– Потому что каждое общество состоит из людей, а люди грешны. У тебя, к примеру, имеется склонность к вранью.

– Ах вот как! – Она приподнялась на локте и уставилась на него с шутивным негодованием.

Он засмеялся и снова прижал ее к себе. Когда они поудобнее устроились в постели, улыбка вдруг исчезла с его лица. Он провел костяшками пальцев по ее щеке, но в этом движении ощущалось что-то неуверенное.

– Мне хотелось бы знать, что ты думаешь, принцесса.

– О чем?

– О нас. Об этом. Я хочу, чтобы ты знала...

– Нет. – Она прижала кончики пальцев к его губам.

Она не хотела слышать ничего такого, что могло бы испортить ей этот момент или их настроение. Марго готова была пожертвовать всем, чтобы доказать свою любовь к Андре. Шанталь верила, что в этом ее поступке были свои достойные стороны.

Скаут никогда не будет принадлежать ей. Он принадлежит женщине, которую она никогда даже не увидит, и обществу, где к ней отнесутся с предубеждением. Нет, она не может разделить со Скаутом жизнь, но временно ей принадлежит его любовь. Пока он дарит ей эту любовь, она будет принимать ее, а уж потом расплачиваться разбитым сердцем.

– Не говори ничего, Скаут. Мне не нужны объяснения и оправдания. Пожалуйста.

– Есть вещи, которые надо сказать, необходимо.

– Пожалуйста, – попросила она его, посерьезнев.

Он вздохнул, сдаваясь.

– Ладно, но ты не можешь запретить мне сказать, что ты самая замечательная женщина, какую мне когда-либо приходилось встречать. Твое лицо, твое тело, – хрипло проговорил он. Его глаза с жадностью смотрели на нее. – Ты идеальна, и равных тебе нет. Но дело не в одной только внешности. Ты экзотична и ни на кого не похожа, ты таинственна и загадочна, ты капризна, непредсказуема и сексуальна. И даже с помощью всех этих эпитетов невозможно полностью описать Шанталь Луизу Дюпон.

Он дотронулся до ее волос, будто удивляясь их шелковистости.

– Сегодня, пока ты там руководила подготовкой к празднику, я прочел кое-что из твоей рукописи учебника. – Он опять посмотрел на нее и вслух подивился: – Ты ведь гениальна, верно? Я сам сообразителен в разумных пределах, но я ничего не понял из того, что прочел, черт побери. Красота, блестящие мозги, чувственность и чувство собственного достоинства и одновременно великодушие, забота о других. – Он беспомощно пожал плечами. – Ты такая, какой хотела бы стать любая женщина.

После долгого, многозначительного поцелуя она села рядом с ним на постели, подобрав под себя ноги.

– Я не знала, что ты можешь быть поэтом.

– Поэзия тут ни при чем. Я говорил правду.

Она с любовью коснулась его лица.

– Я считаю, что ты очень красив.

– Спасибо.

– Я правда так считаю. Когда мне показали тебя в толпе на вечеринке, я порадовалась, что именно тебя мне предстоит завлечь. – Она провела пальцем по его сильному подбородку. – Ты упрямый. Слишком легко выходишь из себя. Но мне нравится твоя сила воли. Ты проницателен и никогда не убегаешь от проблем или ответственности. Ты понимаешь и уважаешь чувства других людей. – Ее пальцы пробежали по волосам на его груди и остановились пониже. – Мне нравит-

ся твоя волосатая грудь. Очень сексуально!

– А мне нравится, когда меня обожают, – пробормотал он. Несколько осмелев, он вальяжно заложил руки за голову. – Продолжай.

– Я только хотела сказать, как сильно выдаются у тебя ребра, – невинным тоном пролепетала она и засмеялась, когда его самодовольная улыбка исчезла. – Ты сильно похудел за это время.

– Ничего удивительного, если учесть, на какой здоровой диете я сижу и сколько калорий выходит у меня с потом каждый день.

Пальцы Шанталь переместились с его живота на бедра. Она легонько коснулась едва поджившего шрама.

– Мне очень, очень жаль.

– Я знаю.

– Я поверить не могла, когда пистолет вдруг выстрелил и я увидела твою кровь. Клянусь, я не хотела тебя ранить. Я не...

Он сжал ее руку.

– Я знаю.

Она подняла его руку и обвила ее вокруг своего горла.

– Ты так разозлился, когда пришел в себя и сообразил, что случилось...

– Да, было дело. Но... – Его глаза пробежали по ней с вновь просыпающимся желанием. – Куда болезненнее мне было бороться со своим желанием, чем терпеть боль от ра-

ны. Мне даже стало казаться, что я прямо так и родился с эрекцией, настолько я хотел тебя. – Он потянул ее на себя. Поцеловав ее несколько раз с осторожностью, он пробормотал, касаясь губами ее губ: – Я хочу до тебя дотронуться.

– Так?

Она передвинула его руку себе на грудь. Он сжал упругую плоть, приподнявшись, взял затвердевший сосок в губы и принялся ласкать его языком.

– Скаут!.. – задыхаясь, прошептала она.

– Я хочу в тебя.

Он повел руку с ее груди вниз и добрался до шелковистого кустика ее волос, начал ласкать ее в самых интимных местах кончиками пальцев и одновременно наблюдал, как розовеет от страсти ее лицо. Она дышала прерывисто. Чувственная дрожь пробегала по ней теплыми волнами. Она купалась в них. Когда они одновременно достигли оргазма, душа ее воскликнула: «Я люблю тебя!» Но она так никогда и не узнала, произнесла ли она эти слова вслух.

Потом она упала на его грудь, полностью удовлетворенная и слишком усталая, чтобы двигаться. Глядя ее влажную кожу, он прошептал:

– Ты говорила, что душа вулкана жила в твоём отце. Она живет и в тебе, Шанталь. Я чувствую ее биение своим телом – это как биение сердца.

* * *

Настало утро, и он уехал.

Она не удивилась. Знала, что так и будет. Она сделала вид, что спит, когда он осторожно выбрался из ее объятий, высвобождая свои пальцы из ее спутавшихся волос, и встал с постели. Он молча собрал вещи и тихонько вышел из комнаты.

Она лежала неподвижно с закрытыми глазами, слушая, как он собирается. Снова слышались его шаги. Хотя глаза ее были плотно закрыты, она знала, что в этот момент его силуэт заполнил дверной проем, а тень от него протянулась через всю комнату. И еще она знала, что в этот момент он мысленно прощается с девушкой с острова, потому что внутри ее вдруг стало пусто и образовалась бездонная пропасть, которую ей не заполнить никогда.

Он бесшумно покинул дом, так и не заметив слез, катившихся по ее щекам в подушку, на которой они только что спали вдвоем.

В Бостоне было холодно. Он почти забыл, что бывает холодная сырая погода, забыл и о том, как холод способен пробираться до костей. Печка в машине Дженнифер работала на полную мощность. Как и ее голосовые связки. Она ни на минуту не замолкала с тех пор, как встретила его в аэропорту.

– Мне следовало бы на тебя разозлиться. – Она умело увернулась от встречного такси на въезде на шоссе. – Когда ты позвонил из Калифорнии, я чуть не швырнула трубку, не дожидаясь объяснений, где ты был и что делал.

Тем не менее она ждала его на углу у выхода из аэропорта и весело нажала на клаксон, когда он вышел со своим единственным чемоданом, дрожа от холода, поскольку оказался слишком легко одет. Когда он ставил чемодан на заднее сиденье, она извинилась, что не встретила его прямо у входа.

– Но тогда пришлось бы парковаться и тащиться через весь аэропорт, и вообще, какая в этом была необходимость? – сказала она, наклоняясь и подставляя губы, которые он послушно поцеловал.

Теперь в машине она протянула руку и легонько похлопала его по бедру.

– Поверить не могу, что тебя ранила какая-то туземка! Господи, Скаут, какой, наверное, это был ужас! Ты мне все подробно расскажешь. Но сначала я хочу рассказать тебе обо

всем, что произошло в твое отсутствие.

Она принялась нудно рассказывать о рождениях и разводах в семьях ее друзей и знакомых.

– Да, пока не забыла. Вчера звонил мистер Рейнолдс, который настаивал, чтобы я звала его Кори. Когда я ему сообщила, что ты уже возвращаешься, он пригласил нас поужинать с ним и миссис Рейнолдс. Я приняла приглашение. – Ее голос понизился до таинственного шепота. – Мне кажется, он собирается сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Правда, здорово?

Неужели она всегда была такой болтливой?

– Мама так беспокоилась, боялась, что ты не вернешься к свадьбе. Она даже слегла, и ее пришлось отпаивать лекарствами. Когда ты позвонил, она чудесным образом выздоровела и теперь называет тебя «бедняжкой». Так что за опоздание тебя простили. Вчера приготовления к свадьбе снова развернулись вовсю.

Свадьба. Брак. Скаут взглянул на женщину, что везла его по шумным улицам Бостона, и подивился, зачем он вообще предложил ей выйти за него замуж. Хорошенькая, образованная, воспитанная. Видно окунувшись с головой в свое строительное дело, но полагая, что сорок лет – вполне подходящий возраст для женитьбы, он начал подумывать о своей личной жизни. Он хотел иметь семью. Детишек. Дженнифер как раз и подвернулась. Вполне подходящий объект для женитьбы: умненькая, умеет поговорить, не стыдно предста-

вить такую потенциальным клиентам. У него в тот момент никого не было, вот и...

– Папа говорит, что Гавайи – это банально. Все проводят медовый месяц на Гаваях. К тому же я сказала, что тебе, верно, надоели тропики, и предложила отправить нас в Испанию или Северную Африку. В общем, что-нибудь пооригинальнее. Я не знаю никого, кто провел бы медовый месяц в Северной Африке. Мы с тобой можем стать первооткрывателями.

Он уставился в залитое дождем лобовое стекло. Теплый, пахнущий цветами ветерок, шум прибоя, пение птиц в джунглях – все осталось на расстоянии нескольких световых лет. Он уже соскучился, а ведь уехал всего три дня назад. Или четыре? Сколько времени занял перелет?

– Дорогой, ты определенно выглядишь измотанным, – сообщила Дженнифер, заметив, что он устало потирает виски. – Сегодня я везу тебя к себе, так как твою квартиру наверняка следует сначала убрать и проветрить, иначе там жить нельзя. Завтра с утра я пошлю туда свою горничную. Я хочу, чтобы ты сегодня расслабился, начав с долгого горячего душа. И, пожалуйста, побрейся. Я никогда не видела тебя таким заросшим. Наутро можно срочно договориться с твоим парикмахером. Слава Богу, что я решила поужинать дома сегодня. Ты напугаешь любого пристойного метрдотеля в городе.

Она припарковалась за поворотом, напротив своей летней

резиденции, и выключила двигатель.

– Завтра мы можем начать...

– Дженнифер...

Она удивленно взглянула на него.

– Мой Бог, ты хоть догадываешься, что это первое слово, которое ты произнес, сев в машину? Но не беспокойся! – Она покровительственно положила ладонь ему на руку. – После такого тяжелого путешествия ты имеешь право быть не в духе. Ты почувствуешь себя лучше, когда мы войдем в дом. В гостиной горит камин, а коктейли уже в холодильнике. Ужин ждет не дождется, чтобы отправиться в духовку, так что мы сможем сесть за стол ровно в восемь. Но не забудь сначала побриться и принять душ.

Очаровательная молодая женщина, которая будет отличной женой человеку с амбициями. Он-то думал, что она обладает всеми необходимыми ему качествами Деятельная. Организованная. Жизнерадостная. Может, в этом все дело? Она казалась слишком... жизнерадостной.

– Дженнифер, я сам позвоню Кори Рейнолдсу и откажусь от приглашения. – Она от удивления приоткрыла рот, но он продолжил, не дав ей прервать себя: – Мне надо поговорить с ним о делах, но я предпочитаю сделать это в официальной обстановке.

– Не понимаю почему, но если ты так хочешь, то что ж... – Она надула губы. Ее раздражало, когда нарушались ее тщательно продуманные планы.

– И отмени свадьбу.

Он не хотел вот так сразу объявлять ей об этом. Он собирался сделать это со временем. Но понял, что нет смысла откладывать неизбежное. Это было бы несправедливо в отношении ее, и он не мог больше выдерживать напряжение.

Он подивился, насколько быстро он вдруг почувствовал расслабление. Как будто внезапно лопнул боковой шов слишком тугого пиджака. После первых сказанных слов продолжать было уже легче.

– Я понимаю, что поступаю чудовищно. Назови меня подонком, и ты будешь права. Но я был бы еще большим подонком, если бы позволил совершиться этому браку. Понимаешь... – помедлил он и набрал в грудь воздух, – я тебя не люблю. Я люблю другую женщину. Очень люблю.

– Уехала? – повторил Скаут. – Куда уехала? На другую сторону острова? Поехала на рыбалку? Отправилась к вулкану? Куда?

Ему потребовался месяц, целый долгий месяц, чтобы ответить на все послания, записанные его автоответчиком, просмотреть почту и дать необходимые ответы, заплатить по всем счетам и завязать необходимые деловые контакты.

Кори Рейнолдс огорчился, что Скаут расторг помолвку с очаровательной Дженнифер, но предложил ему три очень соблазнительных заказа, которых хватило бы на ближайшие два года. Не успели высохнуть чернила на подписи, как Ска-

ут заявил Кори, что перед началом работы над первым проектом ему необходимо решить кой-какие личные дела, и взял билет на первый же подходящий рейс в Гонолулу.

Добравшись до острова Пэрриш, он взял напрокат Джип и направился к деревне. Он с трудом нашел дорогу, долго путался в предгорьях и несколько раз заезжал в тупик.

Ему уже начало казаться, что Шанталь и деревня приснились ему в долгом сне, от которого он все еще не мог проснуться. Однако, держась справа от вулкана, он в итоге добрался до ущелья. Соломенные крыши на другой его стороне подтвердили, что все было реальным и случилось на самом деле, а не является плодом его воображения.

Он нажал на клаксон и закричал, размахивая руками на манер сигнальщика на авианосце. Несколько человек заметили его и побежали предупредить других.

Он поспешно спустился по ступенькам, перебежал через мост и поднялся на противоположный склон. Джонни с ходу обхватил его ноги и сжал изо всех силенок.

Подошел Андре вместе с улыбавшейся Марго. После обязательных приветствий, Скаут начал шарить глазами в толпе, но не нашел среди встречавших лица, по которому так соскучился. Когда он спросил о ней, Андре ответил ему фразой, прозвучавшей как смертный приговор.

– Уехала в Америку.

– Америку? – хрипло переспросил Скаут. – Когда?

– Несколько недель назад.

– Почему?

Похоже, Андре растерялся. Расталкивая людей, Скаут побежал к дому. Он взбежал по тропинке, пронесся через веранду и распахнул дверь.

– Шанталь! – закричал он.

Тишина была ему ответом. Мебель все та же, но ее личные вещи исчезли. Нет книг. Нет фотографий. Он бегал по дому как сумасшедший, распахивая двери кладовок, выдвигая ящики. Но скоро стало ясно, что ее здесь действительно давно нет.

Он еще раз, помедленнее, обошел весь дом, заметил, что исчез туалетный столик ее матери, и отрешенно прикинул, насколько трудно было перетащить его через ущелье. Видно, ей очень уж не хотелось оставлять его. Но это означало, что она не вернется.

Он присел на край постели, на которой они спали вместе лишь однажды, и, запустив пальцы в волосы, свесил голову между коленями – настоящее воплощение отчаяния.

* * *

– Мисс Дюпон, – с явным нетерпением спросил он. – Она работает у вас на факультете или нет?

Вернувшись в Штаты, он начал поиски с университета. В управлении делами факультета геодезии секретарша снисходительно оглядела его и спросила:

– Вы имеете в виду доктора Шанталь Дюпон, сэр?

– Доктора Дюпон? Да, Шанталь Дюпон.

Ему неохотно объяснили, как проехать к зданию, где располагался ее офис. Он гнал как сумасшедший взятую напрокат машину, припарковался в неполюженном месте и вбежал в здание. Справившись с регистрационным журналом, он поднялся на лифте на третий этаж и рысью помчался по коридору, читая номера на дверях. Добравшись до нужной двери, он повернул ручку и распахнул ее.

Она стояла у широкого окна, спиной к нему. Странно было видеть ее одетой в хорошо сшитый костюм. Волосы забраны в тугий пучок на затылке.

– Шанталь!

Она повернулась. Он увидел лицо совершенно незнакомой женщины.

Эпилог

Великолепный вид на Тихий океан неожиданно исчез... Как тогда. Его закрыла пара ног в закатанных брюках и с босыми ступнями. Она склонила голову набок и прикрыла глаза от солнца, что уже валилось за горизонт.

– Скаут! – Это имя, о котором она не забывала ни на минуту, слетело с ее губ еле слышным шепотом.

– Польщен. Надо же, еще помнишь.

Он упал на колени... как тогда на песок. Брови сдвинуты, почти сошлись на переносице. И лицо его приобрело такое сердитое, но знакомое и любимое выражение.

– Что ты здесь делаешь?

– А ты как думаешь? Тебя ищу. Почему ты уехала?

– С острова? – Несколько смешавшись, она легонько покачала головой. – Я всегда собиралась сделать это после смерти папы. Мне надо было лишь закончить две вещи – дописать книгу и...

– Построить мост.

– Это было последним желанием отца. Он хотел оставить его в наследство жителям деревни после своей смерти. Когда работы закончились, мне нечего было больше там делать.

– Я думал, остров – твой дом.

Она задумчиво смотрела на прибор.

– Мне там труднее, чем отцу. У него были мама и я. Его

жизнь была полной. У меня же семьи нет. А здесь меня ждала интересная работа. – Она снова взглянула на Скаута. Выразительно пожала плечами.

Но он все не успокаивался.

– Ты знаешь, через что мне пришлось пройти, прежде чем я тебя нашел? Я летал обратно на остров, проехал километры по этим адским дорогам в джунглях, боролся с жарой, насекомыми и всем остальным, и все, чтобы обнаружить, что ты уехала. – Он перевел дыхание. – Сегодня я напрямик из аэропорта отправился в университет, перевернул там все вверх дном и нагнал страха на твою ассистентку. У нее волосы... Ладно, проехали. Это несущественно. Я пытался убедить ее, что я никакой не маньяк, но все равно она позвонила, чтобы узнать, можно ли дать мне твой адрес. Я заставил ее ждать и не класть трубку, пока телефон не прозвонит сотню раз. Я догадался, что ты здесь.

– Вечерами я чаще всего сижу у воды и смотрю на закат.

Он взглянул на ее дом – маленькое, аккуратное строение, прилепившееся к скале где-то над их головами и выходящее на песчаный пляж.

– Здесь мило. Напоминает остров.

– Потому я его и купила. Продолжай рассказывать.

– Я пригрозил твоей ассистентке, что прибью ее, если она не даст мне твой адрес. После полутора часов смертельной гонки и двух неправильных поворотов я наконец добрался.

– И ты проделал все это, чтобы найти меня? Зачем?

– Почему ты согласилась спать со мной? – прямо спросил он.

В ее теперешнем состоянии она не посчитала нужным кривить душой. Его насупленные брови требовали искренности.

– Потому что я тебя люблю. – Он явно сомневался. Это растрогало ее безмерно. Она взяла его руку в свою и сжала. – Это вовсе не один из моих трюков, очередная ложь. Даю тебе слово. Я поняла, что я люблю тебя, когда мы направились к вулкану.

Он заговорил не сразу.

– Отчего ты мне не сказала?

– Потому что я знала, что ты все равно меня покинешь.

– И не хотела меня связывать.

– Верно.

– Я должен был уехать. Так я и поступил, Шанталь, – сказал он, повернув ее руку так, что теперь он держал ее ладонь в своей. – Я пытался объяснить тебе тогда ночью, но ты не стала слушать, помнишь? Ты полагала, что для меня ты просто местная девушка, с которой можно развлечься до отъезда домой. Ты была убеждена в этом и все же отдалась мне?

Говорить она не могла, лишь кивнула.

– Чего же это должно было стоить тебе! – произнес он, шумно вздохнув. Нагнувшись, он взял ее лицо в свои ладони. Она щеками почувствовала его мозоли. – Послушай меня. С Дженнифер все кончено. Я разорвал помолвку.

– О, как ужасно!

– Да, было неприятно. Но не мог же я продолжать заниматься с тобой любовью, если она все еще присутствует в моей жизни. Чтобы сэкономить время, я был резок.

– Что она сказала?

– Много чего. Но главное не в том, что она сказала, а в том, о чем она промолчала. Она долго распространялась о том, как это неудобно и стыдно, но она ни разу не сказала, что любит меня и что я разбил ей сердце. Послушай, – сказал он серьезно, – я вовсе не горжусь тем, как я с ней обошелся. Но у нас все равно ничего не получилось бы. Через несколько лет, а может, и раньше мы обязательно расстались бы. Все ее друзья разводятся. Это нынче в моде. Я подвернулся ей под руку, как и она мне, как раз в такой момент, когда мы оба решили, что пора обзавестись семьей. Так что не чувствуй себя виноватой, будто ты разрушила большую любовь. Если бы это было так, я не пошел бы вслед за тобой тогда из зала.

Шанталь хотела быть уверенной полностью.

– Она так тебе подходила.

– Да, это так, но я ее не любил. Я полюбил тебя. Не то место. Неподходящее время. Все не так. Но ты – женщина, которую я люблю. – Он приподнял ее за подбородок и поцеловал в эти необыкновенные скулы.

– Ты меня любишь?

– А ты сомневаешься?

Ее сердце пело от радости и счастья, но она все еще была

не уверена насчет его планов на будущее. Как бы она его ни любила, но согласиться стать его любовницей, забавой, игрушкой она не могла.

– И что теперь будет?

– Ты выйдешь за меня замуж, принцесса. И у нас будут дети, потому что мне очень хочется смешать твои гены с моими.

Ее сияющая улыбка угасла через несколько секунд.

– Но как насчет твоей работы? И моей? Где мы будем жить?

– Все утрясется, – мягко заверил он. – Если мы достаточно сильно любим друг друга, мы сумеем все уладить.

На глазах ее выступили слезы. После стольких недель уверенности, что она никогда больше не увидит его, она поверить не могла, что вот он стоит рядом с ней на коленях и клянется в своей любви, которая может сравниться лишь с ее любовью к нему. Она дотронулась до его волос, его бровей, плеч, как будто хотела убедиться, что это все не снится ей в безумном сне.

– Я хочу периодически возвращаться на остров.

– Ежегодно, – пообещал он, явно уже обдумав этот вопрос. – На месяц. В дни наших семейных отпусков. Мы позволим нашим детям бегать нагишом по пляжу, научим их воспринимать дух другой культуры, наблюдать за вулканом, расскажем об их дедушке-французе и бабушке-полинезийке. Кроме всего прочего, я пообещал Джонни, что вернусь.

– Скаут, – прошептала она, приложив ладони к его худым щекам, – ты думаешь, у нас получится?

– Ты меня любишь?

– Всем своим существом.

– Тогда получится. – В его поцелуе было столько же уверенности, сколько и в словах. Он был жадным, страстным и заставил их обоих ослабеть от желания.

Волосы ее струились по спине. Он расстегнул ей рубашку и снял ее. Удивился, увидев бюстгальтер.

– Цивилизация, – мягко заметила она.

Когда ее грудь обнажилась под сиреневым небом, доступная песку, соленым брызгам и его поцелуям, он уложил Шанталь и спустя несколько мгновений уже лежал с ней рядом, обнаженный, сжимая ее в объятиях.

– Я люблю тебя всякую, но мне кажется, что прекраснее всего ты вот такая, естественная и без предрассудков. – Он стянул с нее шорты, встал перед ней на колени и поцеловал в пупок. – Знаешь, – произнес он с чувством, наклоняясь над ней, – я много времени провел в раю, но мне так ни разу и не пришлось заняться любовью на пляже.

Она обвила одной рукой его шею и потянула его на себя, прошептав:

– Мне тоже.